

№ 3(18)

Сентябрь 2016

DOI: [10.19181/vis.2016.18.3](https://doi.org/10.19181/vis.2016.18.3)

ВЕСТНИК *Института* Социологии

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik.isras.ru

Тема номера:

**Состояние
социальных слоёв и групп
в регионах
современной России**

/ Отношение интеллигенции
к жизненной ситуации
сдержанно-оптимистическое

/ Возрастающая роль техносферы
в формировании
среды обитания человека

/ В монгольском политическом
дискурсе утвердилось
телеологическое объяснение
демократий

/ Знание языка как ресурс
интеграции мигрантов

Состав международного редакционного совета

Председатель:

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД РФ (Москва, Россия);

ГАВРИЛЮК Вера Владимировна – доктор социологических наук, профессор, директор института гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета (Тюмень, Россия);

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ИС РАН (Москва, Россия);

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений ИС РАН (Москва, Россия);

КИВИНЕН Марку – доктор философии, директор Александровского института Хельсинкского университета, Почётный доктор ИС РАН (Хельсинки, Финляндия);

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович – доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологии образования ИС РАН (Москва, Россия);

КОССЕЛА Кшиштоф – профессор Института социологии Варшавского университета (Варшава, Польша);

КРАСИН Юрий Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН (Москва, Россия);

КРУММ Райнхардт – доктор философии, руководитель Российского филиала Фонда им. Ф. Эберта (Берлин, Германия);

ЛАПИН Николай Иванович – член-корреспондент РАН, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии ИФ РАН (Москва, Россия);

МИНЗАРИПОВ Ряз Гатауллович – доктор социологических наук, профессор, проректор Казанского (Приволжского) Федерального университета (Казань, Россия);

МИТРОВИЧ Любиша – профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш (Ниш, Сербия);

МОРГАН Джон Уильям – доктор философии, профессор, председатель национальной комиссии ЮНЕСКО, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Ноттингем, Ноттингемшир, Великобритания);

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, заведующий отделением социологии и общественных связей Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия);

ПАН Давэй – доктор социологических наук, профессор, директор Центра по изучению России Шанхайской академии общественных наук (Шанхай, Цзянсу, Китай);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и Ординарный профессор НИУ ВШЭ (Москва, Россия);

ЛИ Пэй Лин – профессор, директор Института социологии Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай);

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджимурзаевна – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета (Нижний Новгород, Россия);

СКВОРЦОВ Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии и проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

ТАМАШ Пал – профессор, академик Венгерской академии инженерных наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Венгерской академии наук (Будапешт, Венгрия);

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, заместитель Председателя Учёного совета ИС РАН (Москва, Россия);

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, декан факультета социологии РГГУ, главный редактор научного журнала «Социологические исследования» (Москва, Россия);

ЧУЛУУНБААТАР Гэлэгпил – академик Монгольской АН, профессор, директор Академии управления Монголии (Улан-Батор, Монголия).

International Advisory Board

Head of the Board:

KRAVCHENKO Sergei A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Department of Sociology of MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry, Chief Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

CHULUUNBAATAR Gelegpil, academician of the Academy of Sciences of the MPR, Professor, Director of the Academy of Management MPR (Mongolia);

DROBIZHEVA Leocadia M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center of the Interethnic Relations, Institute of Sociology, RAS (Russia);

GAVRILYUK Vera V., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Director of the Institute of Humanitarian Sciences, Tyumen State Oil and Gas University (Russia);

GORSHKOV Mikhail K., Academician, Director of the Institute of Sociology of RAS;

KIVINEN Markku, professor of sociology, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Finland;

KONSTANTINOVSKY David L., Dr. Sci., (Sociol.), Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Sociology of Education of the Institute of Sociology of RAS;

KOSEŁA Krzysztof, the Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, University of Warsaw (Poland);

KRASIN Yuri A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Senior Researcher of the Institute of Sociology of RAS (Russia);

KRUMM Reinhard, Dr. Sci. (Hist.) (Germany);

LAPIN Nikolai I., Corresponding member of RAS, Head of the Department of axiology and philosophical anthropology of the Institute of Philosophy of RAS (Russia);

MINZARIPOV Riyaz G., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Prorector of the Kazan Federal University (Russia);

MITROVIĆ Ljubilja, Professor, Director of the Institute of Sociology of University of the city of Nish (Serbia);

MORGAN John, Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK);

NEMIROVSKIY Valentin G., Dr. Sci. (Sociology), Head of the Department of Sociology and Public Relations of the Institute of Psychology, Pedagogic and Sociology of the Siberian Federal University (Russia);

PAILIN Li, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Chinese Academy of Social Sciences (China);

PAN Dawei, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Director of Centre for Russian studies of SASS

POKROVSKY Nikita E., Professor, Tenured Professor of High School of Economy, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Sociology, High School of Economy (Russia);

SARALIEVA Zaretkhan M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Head of the Department of Sociology and social work, Nizhni Novgorod State University (Russia);

SKVORTSOV Nikolay G., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University;

TAMASH Pal, Professor, Senior Researcher, Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences (Hungary);

TIKHONOVA Natalia Ye., Ph.D. (Soc.), Professor, a Research Professor at the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology of RAS (Russia);

TOSCHENKO Zhan T. Corresponding member of RAS, Dean of the Department of Sociology of the Russian State University for the Humanities, Editor in chief of the Scientific Journal «Sociological Researches» (Russia).

Состав Редколлегии

Главный редактор:

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ИС РАН;

Заместители главного редактора:

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; заместитель директора ИС РАН;

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора ИС РАН;

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, заведующая сектором по изучению социокультурного развития регионов России ИС РАН.

Ответственный секретарь:

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник ИС РАН.

Редактор:

АМЕЛЬКИНА Ольга Александровна – научный сотрудник ИС РАН.

Члены:

АКИМКИН Е. М. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

БЫЗОВ Л. Г. – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ГОФМАН А. Б. – доктор социологических наук, проф.; главный научный сотрудник ИС РАН, профессор Социологического факультета НИУ ВШЭ;

ДАНИЛОВА Е. Н. – кандидат философских наук, заведующая отделом теоретического анализа социальных трансформаций ИС РАН;

ДЕНИСОВСКИЙ Г. М. – кандидат философских наук, заведующий сектором методологии исследования социальных процессов ИС РАН;

ЖВИТИАШВИЛИ А. Ш. – ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ЗУБОК Ю. А. – д.социол.н.; профессор, заведующая отделом социологии молодежи ИСПИ РАН;

КЛЮЧАРЁВ Г. А. – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра социологии образования, культуры и науки ИС РАН;

МАРКИН В. В. – доктор социологических наук, проф.; руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии ИС РАН;

ПАТРУШЕВ С. В. – кандидат исторических наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований ИС РАН;

РЫЖОВА С. В. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ЯХИМОВИЧ З. П. – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН.

Editorial Board

Editor in Chief:

GORSHKOV Mikhail K., Academician;

Deputy Chief Editors:

GOLENKOVA Zinaida T., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology, RAS;

KOZYREVA Polina M., Dr. Sci. (Sociol.), deputy director of the Institute of Sociology, RAS, Director of the Center of Longitude Studies of the National Research University Higher School of Economics (Russia);

KHALIY Irina A., Dr. Sci., (Sociol.), Head of sector for the study of socio-cultural development of Russian regions of the Institute of Sociology of RAS.

Executive secretary:

PODYACHEV Kirill V., Cand. Sci. (Polit.), Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Editor:

AMEL'KINA Olga A., Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Members of the Board:

AKIMKIN Yevgeniy M., Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

BYZOV Leontiy G., Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

DANILOVA Elena N., Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Theoretical Analysis of Social Transformations of the Institute of Sociology, RAS;

DENISOVSKIY Gennadiy M., Cand. Sci. (Philos.), Head of the Sector of Methodology of Social Processes Research;

GOFMAN Alexander B., Dr. Sci., (Sociol.), Professor of Department of General Sociology of the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology, RAS;

KLIUCHAREV Grigory A., Dr. Sci., (Philos.), Head of the Center of Sociology of Education, Science and Culture of the Institute of Sociology, RAS;

MARKIN Valeriy V., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Department of Regional Sociology and Conflictology of the Institute of Sociology, RAS;

PATRUSHEV Sergei V., Cand. Sci (Hist.), Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology, RAS;

RYZHOVA Svetlana.V., Cand. Sci. (Sociol.), Leading researcher of the Institute of Sociology of RAS;

YAKHIMOVICH Zinaida P. , Dr. Sci. (Hist.), Professor, Senior Researches of the Institute of Sociology of RAS.

ZHVITIASHVILI Anatoliy Sh.; Cand. Sci (Hist.), Leading researcher if the Institute of Sociology of RAS;

ZUBOK Julia A., Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Sociology of Youth, Institute of Social and Political Studies of RAS (Russia).

Содержание

<i>Голенкова З. Т.</i> Представляю номер.....	9
Тема номера: «Состояние социальных слоёв и групп в регионах современной России»	13
<i>Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д.</i> Интеллигенция в региональном пространстве современного российского общества: динамика развития.....	13
<i>Проказина Н. В., Алексеёнок А. А., Каира Ю. В.</i> Профиль социального неравенства в регионах ЦФО	24
<i>Кошарная Г. Б., Каримова Л. Ф.</i> Уровень и образ жизни бедного населения в региональном социуме.....	38
<i>Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В.</i> Российский прекариат: проблемы накопления человеческого капитала.....	57
<i>Караханова Т. М., Большакова О. А.</i> Бюджет времени рабочих как отражение их реального поведения в повседневной жизни (1965–2014 гг.)	70
<i>Горина Т. И., Кефели В. Б.</i> Проблемы трудоустройства инвалидов: региональный аспект	97
Техносфера и социальные процессы	112
<i>Шапвалова И. С.</i> Техносфера России: проблемы развития и риски	112
Россия и Монголия: сходства и различия.....	138
<i>Родионов В. А.</i> Монголия на рубеже XX–XXI вв.: случай постсоциалистической трансформации	138
<i>Актамов И. Г.</i> Горнорудная промышленность трансграничных регионов России и Монголии: социально-экологический аспект.....	160
<i>Бадараев Д. Д.</i> Традиционные хозяйственные практики монгольязычных номадов: особенности и перспективы развития скотоводства на сопредельных территориях Монголии и России.....	175
Мигранты в странах Западной Европы.....	195
<i>Соколова В. М.</i> Знание языка как ресурс интеграции мигрантов. Опыт Испании	195

Contents

<i>Golenkova Z.T.</i> Presenting This Issue.....	9
The Theme of the Issue: Status of Social Strata and Groups in the Regions of Modern Russia.....	13
<i>Golenkova Z. T., Igitkhanyan E. D.</i> Intellectuals in the Regional Space of Modern Russian Society: Development Dynamics.....	13
<i>Prokazina N.V., Alekseenok A.A., Kaira Yu.V.</i> The Social Inequality Profile in the Central Federal Regions	24
<i>Kosharnaya G. B., Karimova L. F.</i> The Living Standards and Lifestyle of the Poor in a Regional Society.....	38
<i>Golenkova Z. T., Goliusova Y. V.</i> The Russian Precariat: Human Capital Accumulation of Different Age Groups.....	57
<i>Karakhanova T. M., Bolshakova O. A.</i> Laborers Time Budget as a Reflection of Their Actual Behavior in Everyday Life	70
<i>Gorina T. I., Kefeli V. B.</i> Issues Attributed to the Employment of Disable People: A Regional Aspect.....	97
Technosphere and Social Processes.....	112
<i>Shapovalova I. S.</i> Technosphere of Russia: Problems and Risks of Development.....	112
Russia and Mongolia: Similarities and Peculiarities	138
<i>Rodionov V. A.</i> Mongolia at the Turn of XX–XXI Centuries: A Case of Post-Socialist Transformation	138
<i>Aktamov I. G.</i> The Mining Industry in the Cross-Borders Regions of Russia and Mongolia: Social and Environmental Aspects.....	160
<i>Badaraev D. D.</i> The Traditional Economic Practices of Mongolian-Speaking Nomads: Livestock Farming in Adjacent Territories of Mongolia and Russia	175
Migrants in West European Countries	195
<i>Sokolova V. M.</i> Knowing a Language as a Resource for Migrants' Integration. Spain's Experience	195

**З. Т. Голенкова,
заместитель главного редактора журнала
«Вестник Института социологии»**

Представляю номер

В пору перманентных и быстрых перемен во всех сферах жизнедеятельности общества, которые сегодня наблюдаются в мире в целом и в России в частности, центральное место в социологии занимают проблемы социальной структуры и её трансформации. Особенно значимым становится обращение к анализу этих проблем в условиях экономического кризиса, который разворачивается в нашей стране и сопровождается (если не провоцируется) напряжённой внешнеполитической ситуацией.

В этой связи темой очередного выпуска журнала стало [«Состояние социальных слоёв и групп в регионах современной России»](#). Обращение к региональному анализу – существенная ступень в развитии современных исследований, ибо только на этой основе возможно понимание объективного состояния как социальной структуры в целом, так и отдельных социальных субъектов, их взаимопроникновение и иерархия.

Рубрику открывает статья [З. Т. Голенковой и Е. Д. Игитханян](#) (Москва) [«Интеллигенция в региональном пространстве современного российского общества: динамика развития»](#), в которой анализируются проблемы функционирования интеллигенции как социальной группы, от которой во многом зависит выход из экономического кризиса, поскольку планируется, что этот выход будет реализован благодаря технологическому прорыву. В данном контексте интеллигенция рассматривается в качестве категории «специалист» в Республике Бурятия. Изучаются основные направления формирования статусных характеристик, динамики стратегий и ориентаций в различных сферах жизнедеятельности означенной группы, степени её включённости в систему рыночных отношений, особенностей её трудовой миграционной мобильности.

Переход страны к новому экономико-политическому устройству и последовавшие крупномасштабные реформы во всех сферах жизнедеятельности страны привели к трансформации критериев социального неравенства, оказывающего зна-

чимое влияние на формирование социальной структуры современного российского общества. Становление многоукладной экономики и значительная дифференциация уровней доходов различных социальных групп привели к появлению новых социальных общностей с иными взаимосвязями и иерархией. В статье [«Профиль социального неравенства в регионах ЦФО»](#) [Н. В. Проказиной, А. А. Алексеёнок, Ю. В. Каиры](#) (Орёл) приводятся результаты сравнительного анализа динамики экономико-социальных, материально-имущественных, самоидентификационных, досугово-рекреационных критериев неравенства за 2011–13 гг. населения Брянской, Липецкой и Орловской областей. На основе многомерного иерархического подхода составлен социальный портрет неравенства населения регионов.

Трансформация социальной структуры современного российского общества обуславливает необходимость исследования условий жизни бедного населения в регионах России. Этому и посвящена статья [«Уровень и образ жизни бедного населения в региональном социуме»](#) [Г. Б. Кошарной и Л. Ф. Каримовой](#) (Пенза), в которой представлен анализ материального положения основных групп бедных в Пензенском регионе. Рассматривается социальное неравенство, оказывающее наибольшее влияние на жизнь бедного населения, а также уровень бедности и уровень доходов. Выявлены основные причины и факторы бедности населения.

Отличительной чертой нашего времени стало то, что на первый план выдвигается капитал знания во всех его проявлениях и капитал миграции, позволяющие индивиду перемещаться в пространстве и времени. В статье [«Российский прекариат: проблемы накопления человеческого капитала»](#) [З. Т. Голенковой и Ю. В. Голиусовой](#) (Москва) рассматривается проблема слабой вовлечённости неформально занятого населения России в процесс накопления человеческого капитала путём получения высшего и дополнительного образования, адаптации к условиям рынка труда в различных возрастных и статусных группах.

Изучение повседневной деятельности больших социально-профессиональных групп населения позволяют получить представление о реальном поведении людей в различных сферах жизни. Одной из таких групп являются рабочие, которые на начало 2014 г. составляли 35,4% занятого населения РФ. Роль рабочих как акторов прогресса в российском обществе позитивно оценивается всеми его слоями, что характерно для индустриального этапа развития страны. В статье [«Бюджет времени рабочих как отражение их реального поведения в повседневной жизни \(1965–2014 гг.\)»](#) [Т. М. Карахановой и О. А. Большаковой](#) (Москва) рассматривается реальное поведение рабочих в различных видах повседневной деятельности, анализируется структурирование фонда времени, его диффе-

ренциация в зависимости от пола опрашиваемого. Показано общее и особенное в поведении рабочих, которые трудятся на предприятиях Центрального, Северо-Западного и Сибирского федеральных округов.

Важнейшим показателем демократического общества является отношение его членов к инвалидам. Анализ развития проблем инвалидности как социального явления на сегодняшний день свидетельствует о том, что наше общество, пройдя долгий путь полной изоляции людей с ограниченными возможностями здоровья, подошло к признанию остроты этого вопроса как следствия социальной неустроенности. [Т. И. Горина](#) и [В. Б. Кефели](#) (Москва) в завершающей тему номера статье [«Проблемы трудоустройства инвалидов: региональный аспект»](#) на примере Нижегородской области рассматривают проблемы трудоустройства инвалидов на рынке труда, их интеграции в социум и потребности в различных сферах жизнедеятельности.

Рубрика [«Техносфера и социальные процессы»](#) представляется весьма актуальной, поскольку техносфера – понятие всеобъемлющее, это искусственная система, элементы которой проникают во все сферы жизни и деятельности современного человека. В рубрике размещена статья [И. С. Шаповаловой](#) (Белгород) [«Техносфера России: проблемы развития и риски»](#). Автором поставлена научная проблема, заключающаяся в необходимости поиска механизмов прогноза и оценки влияния техногенных проявлений на среду обитания современного человека, в создании научных алгоритмов расчёта ситуации в системе векторов эволюционного движения техносферы.

На современном этапе особую актуальность приобретают внешнеполитические процессы, что ориентирует общественные науки России сосредоточить внимание на процессах, происходящих за рубежом. В данном выпуске две рубрики посвящены этой теме.

В рубрике [«Россия и Монголия: сходства и различия»](#) оказались три статьи бурятских учёных.

В первой статье [«Монголия на рубеже XX–XXI вв.: случай постсоциалистической трансформации»](#) [В. А. Родионова](#) (Улан-Удэ) исследуются кардинальные общественные изменения, произошедшие в Монголии на рубеже XX–XXI вв. Автор подчёркивает, что Монголия стала единственной постсоциалистической страной в Азии, по примеру России и восточноевропейских стран взявшей курс на одновременное проведение радикальных политических и экономических реформ. Это отражало значительную степень вовлечённости страны в мировую социалистическую систему.

Социально-экономическое и геополитическое развитие большинства развивающихся государств во многом зависит от наличия природных ресурсов, возможностей их использования в стране, спроса на них в масштабах региона и мира. Россия

и Монголия не являются исключением. Этой теме посвящена вторая статья рубрики [«Горнорудная промышленность трансграничных регионов России и Монголии: социально-экологический аспект» И. Г. Актамова \(Улан-Удэ\)](#). Показано, что развитие горнорудной отрасли в Бурятии и Монголии имеет схожие исторические модели. Это связано с государственной политикой, процессом индустриализации в советский период. Можно назвать это первым этапом развития горнорудной промышленности. Второй этап связан с перестройкой социально-экономической системы, связанной с распадом Советского Союза, «уходом» государства из отрасли и появлением новых игроков на этом поле в виде частных компаний. Прекращение работы горнодобывающих предприятий стало причиной ухудшения социального положения населения. Вместе с тем, приостановка добычи полезных ископаемых в промышленных масштабах позитивно повлияла на экологическую среду.

В последней статье рубрики [«Традиционные хозяйственные практики монголоязычных номадов: особенности и перспективы развития скотоводства на сопредельных территориях Монголии и России» Д. Д. Бадараева \(Улан-Удэ\)](#) отмечены общность происхождения, этническая и культурная идентичности бурят и монголов, а также особенности их хозяйственного уклада на современном этапе. Показаны основные факторы, повлиявшие на переход от кочевого образа жизни к осёдлости бывших кочевников, что повлекло за собой изменение образа жизни бурят.

Тему процессов, разворачивающихся за рубежом, продолжает рубрика [«Мигранты в странах Западной Европы»](#), в которой публикуется статья [«Знание языка как ресурс интеграции мигрантов. Опыт Испании» В. М. Соколовой \(Москва\)](#). Представлен краткий обзор миграционного движения на Иберийском полуострове и лингвистическая ситуация в стране, оказывающая непосредственное влияние на процесс адаптации и интеграции мигрантов различных этнических групп. В результате анализа выявлены отличительные особенности интеграции испаноязычных иммигрантов и определены различные функции языка в процессе интеграции испаноговорящих и неиспаноговорящих иммигрантов.

Т е м а н о м е р а : С о с т о я н и е с о ц и а л ь н ы х с л о ё в и г р у п п в р е г и о н а х с о в р е м е н н о й Р о с с и и

И н т е л л и г е н ц и я в р е г и о н а л ь н о м п р о с т р а н с т в е с о в р е м е н н о г о р о с с и й с к о г о о б щ е с т в а : д и н а м и к а р а з в и т и я

Голенкова Зинаида Тихоновна –
доктор философских наук, профессор,
руководитель Центра исследования социальной
структуры и социального расслоения,
Институт социологии Российской академии наук,
Москва

E-mail: golenko@isras.ru

Игитханян Елена Давыдовна –
кандидат философских наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт социологии Российской академии наук,
Москва

Интеллигенция в региональном пространстве современного российского общества: динамика развития

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.409

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с анализом функционирования такой социальной группы, как интеллигенция, которая в данном контексте предстаёт в качестве категории «специалист». В западной литературе чаще используется термин интеллеktуал, что подразумевает специалиста творческой профессии. Изучаются основные направления формирования статусных характеристик, динамики стратегий и ориентаций в различных сферах жизнедеятельности, степени включённости в систему рыночных отношений, особенностей трудовой миграционной мобильности этой группы. Она, безусловно, является резервом среднего класса, но пока ещё не реальной его составляющей. Внимание уделяется и анализу таких понятий, как социальное равенство, свобода, безработица. Подчёркивается, что в новой российской действительности трансформируются не только социальные ориентиры опрошенных, но и их социально-психологическое самочувствие. Рассмотренные процессы происходят на определённом социальном пространстве, в качестве которого представлена республика Бурятия, регион Российской Федерации (Южный Федеральный Округ). Обращение к региональному анализу – существенная ступень в развитии современных исследований, ибо только на этой основе возможно понимание объективного состояния как социальной структуры в целом, так и отдельных социальных субъектов, их взаимопроникновение и иерархия.

Ключевые слова: интеллигенция, специалист, социальный статус, рынок труда, социальная адаптация, мобильность, материальное положение

Изучение стратификационной модели современного российского общества – задача достаточно сложная и неоднозначная. Во-первых, трансформационные процессы, которые произошли в социально-экономическом, политическом и социокультурном пространстве страны, определили качественные изменения в положении классов, социальных групп и слоёв. Развитие социальной структуры в России – системный процесс, основные его слагаемые – это и трансформация, и модернизация прежних социальных классов, и возникновение новых, их взаимопроникновение и иерархия. Во-вторых, большое внимание уделяется становлению таких общностей, как наёмные работники (92,7% занятых в экономике) и собственники (7,3%), их статусным позициям, адаптивному потенциалу [Наёмный работник... 2015]. В-третьих, особое, пристальное внимание обращается на формирование среднего класса, средних слоёв, их социальной значимости [Беляева 2001].

Таким образом, в «тени» остаются те социальные категории, которые, с одной стороны, являются элементами прежних советских и позднесоветских социально-структурных отношений, а с другой – существуют и ныне. Правда, необходимо отметить, что такая массовая категория, как рабочие, привлекает к себе достаточно пристальное внимание и находит реальное отражение в научных изданиях [Голенкова, Игитханян 2012: 44–55]. Интеллигенция же вызывает к себе меньший интерес, чем раньше. Однако она не исчезла, не «растворилась» в общей массе занятого населения, не перестала быть субъектом и объектом изучения. Речь может идти только об уточнении самого понятия «интеллигенция» в современных условиях.

Обратимся к этимологии этого термина. Интеллигенция (от латинского *intelligens*) – специалист (мы не приводим других определений, их множество). В западной литературе чаще используется термин интеллектуал, что подразумевает специалиста творческой профессии.

Обратимся к данным государственной статистики. Эта группа в конце 1980-х гг. составляла 28,6% занятых в народном хозяйстве. К специалистам были отнесены лица с высшим и средним специальным образованием [Народное хозяйство... 1989: 34, 47]. В 2014 г. специалисты с высшим образованием составляли 20,3% занятых в экономике; со средним специальным – 15,2% (всего 35,5%). По сравнению с позднесоветским периодом доля специалистов увеличилась в 1,2 раза. Если более детально рассмотреть занятость специалистов, анализируя их распределение по группам специальностей, то наибольшая доля принадлежит естественным и техническим наукам. Средний возраст специалистов высшего уровня квалификации составляет 40,5 лет; среднего – 40,2 года. Возраст занятых в экономике в целом по стране – 40,3 года. Так что удельный вес интеллигенции в составе занятого населения страны достаточно представителен – более трети [Труд и занятость... 2015: 60–61].

В то же время в 2014 г. потребность в работниках для замещения вакантных рабочих мест по группам специальностей с высшим образованием составила 185,6 тыс. человек, со средним – 139,3 тыс. Наибольшая потребность в обеих группах – в специалистах сферы естественных и инженерных наук [Труд и занятость... 2015: 167].

Остановимся более подробно на изучении основных направлений формирования статусных характеристик интеллигенции (специалистов) в современных условиях социального пространства страны¹.

¹ Информационной базой послужили следующие источники: 1). Анализ данных эмпирического исследования, проведенного в 2015 г. в Республике Бурятия Д. Бадараевым (Улан-Удэ). Использовалась квотная маршрутная выборка среди работающего населения. Выборочная совокупность всех опрошенных составила 904 человека, анализируемая группа – 365 человек. 2). Анализ данных Росстата.

Основными проблемами развития изучаемой совокупности явились следующие:

- динамика основных стратегий и ориентаций в сфере труда;
- степень включённости в систему рыночных отношений;
- адаптационные ресурсы жизнедеятельности;
- отношение к таким понятиям, как социальное равенство, свобода;
- особенности мобильности.

Рассмотрим вначале, каким образом общие институциональные изменения в сфере труда оказывают непосредственное влияние на становление статусных позиций специалистов. Несомненно, что в конкретной социально-трудовой ситуации формируются определённые стереотипы. В исследовании зафиксированы мнения специалистов о значении работы в их жизни [Социальные проблемы... 2009].

Обращение к этой проблеме, вообще к рынку труда, представляется своевременным и актуальным. Именно в этой сфере жизнедеятельности субъекта отражаются его адаптационный потенциал, социальное самочувствие и многие другие характеристики. Были предложены следующие альтернативы: работа как универсальная ценность («она важна сама по себе, независимо от оплаты»); как материальная ценность – способ получения средств к существованию; как антиценность («если бы мог, вообще бы не работал»); как фактор социального взаимодействия; как амбиция, осуществление своих планов.

Доминирующими факторами (мы определили три важнейшие позиции) явились: (1) – материальный ресурс (это и очевидно, ибо процесс труда как процесс затраты пропорциональных способностей, физических усилий и нервно-психологических нагрузок требует материальных компенсаций); (2) – универсальность; (3) – амбициозность.

В целом опрошенные удовлетворены своей работой. Оценивая ответы по пятибалльной шкале, большинство респондентов отметили баллы 3 и 4. Причём более 40% работу менять не собираются.

При анализе проблем, связанных с мотивационными характеристиками трудовой занятости, необходимо отметить и появление дополнительных видов занятости. Этот феномен приобрёл роль важного адаптационного ресурса прежде всего потому, что рыночное производство нуждается в мобильности работника, способного при необходимости переходить от одного вида труда к другому, с одного места работы на иное, более приемлемое для субъекта, к какой бы социальной группе он ни принадлежал. Примерно треть представителей анализируемой группы имеют дополнительную занятость, и почти столько же её ищут. Основными мотивами являются необходимость приобретения новых знаний, повышение квалификации, способ получения более стабильного дохода [Левит 2014: 20–22].

Основные проблемы развития современной интеллигенции: динамика основных стратегий и ориентаций в сфере труда; степень включённости в систему рыночных отношений; адаптационные ресурсы жизнедеятельности; отношение к таким понятиям, как социальное равенство, свобода, особенности мобильности.

В целом опрошенные удовлетворены своей работой. Оценивая ответы по пятибалльной шкале, большинство респондентов отметили баллы 3 и 4. Причём более 40% работу менять не собираются.

Примерно треть представителей анализируемой группы имеют дополнительную занятость, и почти столько же её ищут. Основными мотивами являются необходимость приобретения новых знаний, повышение квалификации, способ получения более стабильного дохода.

Различные формы экономической занятости, в том числе и дополнительной, являются своеобразным буфером между полной занятостью и безработицей [Голенкова, Игитханян 2001]. По общероссийским данным, доля безработных среди специалистов высшего уровня квалификации составила 5,4%; среднего – 7,2% [Труд и занятость... 2015: 83]. По данным исследования, в состоянии безработных в прошлом были почти треть опрошенных. Таким образом, говорить о возможной депрофессионализации специалистов не приходится. Хотя речь идёт о предполагаемой ситуации, а не реальной.

Существенным фактором, воздействующим на определённые аспекты трудового поведения опрошенных, является возможность социально-профессиональной мобильности (или её отсутствие). На вопрос о том, есть ли перспективы повышения в должности и вообще продвижения по службе в той организации, где они работают, почти 30% респондентов ответили, что «имеются значительные возможности»; на повышение оклада ориентированы всего лишь 13,4%.

Существенным фактором, определяющим жизнедеятельность человека, принадлежащего к той или иной социальной группе или слою, является самооценка его материального положения. Для рыночной экономики характерно появление изменений в механизмах регулирования дохода, его величины, имущественной дистанции не только между различными социальными группами, но и внутри них. В исследовании был разработан блок показателей «материальное положение», включающий различные характеристики уровня доходов специалистов. Все опрошенные были объединены в три доходных сегмента: бедные, среднеобеспеченные, состоятельные. Бедные характеризовались наличием минимальных средств для приобретения элементарно необходимых товаров и продуктов питания. Среднеобеспеченные имели в наличии средства для приобретения необходимых продуктов питания и одежды. Для приобретения дорогих товаров они вынуждены пользоваться кредитом или брать в долг. Состоятельные располагают средствами, позволяющими им покупку дорогих товаров («могут ни в чём себе не отказывать»). Данные исследования свидетельствуют о том, что доля первой категории опрошенных (бедные) составила 25,4%; доля второй (среднеобеспеченные) – 61,7%; третьей (состоятельные) – 5%. Остальные затруднились с ответом. В целом тенденция достаточно типична: преобладание лиц, которых можно отнести к слою среднеобеспеченных.

Специалисты имеют востребованную профессию, профессиональный опыт, включены в рыночную реальность. На вопрос о том, изменилось ли за последние пять лет их материальное положение, более трети ответили, что оно улучшилось (36,3%), примерно столько же – что осталось без изменений и лишь 10% отметили ухудшение, остальные затруднились

Почти 30% респондентов ответили, что «имеются значительные возможности» повышения в должности и вообще продвижения по службе в той организации, где они работают; на повышение оклада ориентированы всего лишь 13,4%.

Данные исследования свидетельствуют о том, что доля категории «бедные» составила 25,4%; доля среднеобеспеченных – 61,7%; состоятельных – 5%. Остальные затруднились с ответом.

с ответом. В то же время, говоря об удовлетворённости своим материальным положением, опрошенные оценили её в 3 балла по пятибалльной шкале (от «полностью удовлетворён» до «совсем не удовлетворён»). Что касается владения какой-либо собственностью, то это в основном приватизированная квартира и небольшой участок земли. Итак, оценивая материальное положение специалиста, можно отметить стандартный набор предметов, находящихся в их собственности, и стандартное состояние семейного бюджета, дохода.

Рассуждая об адаптационных возможностях опрошенных (процесс адаптации длительный и сложный), необходимо отметить многие позиции, прежде всего оценку ими своего личного «выживания». Мы имеем в виду уверенность/неуверенность в завтрашнем дне, реализацию/нереализацию жизненных планов. Большинство специалистов в этом уверены (45,2%); неуверенных немного (9,2%). Остальные «не совсем уверены», вообще «ничего не планируют» или «затруднились с ответом». Сказать, что отношение к жизненной ситуации полно оптимизма или пессимизма, нельзя. Оно в достаточной степени сдержанно-оптимистическое.

Для современной России, её диалектического развития в настоящем времени чрезвычайно актуальными являются исследования реальных процессов, связанных со структурой неравных позиций (социальных неравенств) личности, группы, слоя, класса, а также понимание свободы личности [Социальное неравенство... 2007]. Социальные неравенства проявляются в стратегических, важных и для общества, и для отдельного индивида сферах жизнедеятельности. В исследовании зафиксировано неравенство в оплате труда и получении качественного образования. Неравенство в оплате труда фиксируют 57,8% респондентов (не фиксируют 23,8%, остальные затруднились с ответом), в получении качественного образования – 27,4 и 47,1%, соответственно. В понимании социального равенства и свободы перекрещиваются два начала. С одной стороны – понимание социального равенства, приоритетом которого должно быть справедливое распределение материальных благ, социального капитала, накопленных прежними поколениями. С другой стороны, особенно у молодых когорт и экономически преуспевающих социальных групп, формируется особый менталитет работника, понимание того, что в современной российской действительности существует реальная возможность свободно устраивать свою жизнь, трудиться, работать, зарабатывать деньги и т. д., что даёт свободу каждому отдельному человеку.

Таким образом, в настоящее время формируется новый социально-экономический, политический и социокультурный фон в современном российском обществе, учитывающий новые, социально-экономические цели: иметь возможность трудиться, максимально проявлять энергию социального действия, соответствовать основным принципам рыночных отношений.

Сказать, что отношение интеллигенции к жизненной ситуации полно оптимизма или пессимизма, нельзя. Оно в достаточной степени сдержанно-оптимистическое.

Интеллигенция (специалисты), выделенная нами в особую социальную группу, предстаёт в значительном разнообразии образцов жизненно ориентированного поведения. Выше мы рассмотрели определённые типы трудовых мотивационных начал в её жизнедеятельности, теперь рассмотрим ориентиры в более широком социальном контексте.

Мы выделили основные типы жизненной ориентации. Первый – *стабильный* (21,8%). К нему относятся те, кто уже самодостаточен, получил всё, что хотел, на большее не претендует. Второй – *деятельный* (29,5%) – отражает стремление индивида испытывать риски, напряжённость в своей жизни. Для его представителей это состояние естественно, ибо жизнь – непрерывная борьба за существование с неизбежными рисками и их последствиями. Третий – *инновационно-ценностный* (19,0%). Принадлежащие к нему стремятся к самосовершенствованию, к реализации своих желаний, потенций и способностей в самых различных сферах – трудовой, социально-политической, социокультурной. Четвёртый – *прагматичный* («хочу быть богатым», 18,2%). Пятый – *идеалистический* («хочу жить и работать на пользу своему народу и государству», 12,2%). Нетрудно заметить, что перечисленные типы отражают реальные потребности. Первый – потребность в выживании, второй – в эмоциональном удовлетворении, третий – в самоутверждении, четвёртый – в получении финансового благополучия, пятый – в ощущении альтруизма («вселенская любовь»).

Таким образом, меняются не только социальные ориентиры российской интеллигенции, в новой реальности трансформируется их социально-психологическое самочувствие. Как мы отметили выше, в контексте социальной напряжённости, когда существенным вектором жизненного развития становится «опора на собственные силы» (на себя, родных, близких), человек всё больше и глубже идентифицирует себя именно с близкими людьми. Семья и вообще родственные связи – та социальная общность, где в основном концентрируются интересы и потребности. В результате человек ощущает себя плохо защищённым государством и зависимым исключительно от своего индивидуально-личностного потенциала, от рыночной конъюнктуры и степени своей адаптации. Одним словом, ситуация достаточно непростая. Опрошенные специалисты остро реагируют на проявления объективной социальной напряжённости, существующей в настоящее время в стране, и во многом эти тревоги проявляются если не трагически, то в достаточной степени драматично.

Остановимся теперь на проблеме, характеризующей особенности перспективной трудовой миграции изучаемой нами социальной группы [Мигранты... 2009]. По общероссийским данным, в 2012 г. на работу за границу выехали около 20 тыс. специалистов, или 30,8% из числа всех российских специалистов (в 2005 г. – 27,5%). Наибольшую долю составили специалисты из

Основные типы жизненной ориентации: первый – *стабильный* (21,8%, кто уже самодостаточен); второй – *деятельный* (29,5%, стремление индивида испытывать риски, напряжённость в своей жизни); третий – *инновационно-ценностный* (19,0%, стремление к самосовершенствованию); четвёртый – *прагматичный* (18,2%, «хочу быть богатым»); пятый – *идеалистический* (12,2%, «хочу жить и работать на пользу своему народу и государству»).

области техники и технологии, затем – культуры и искусства. Из них высшее профессиональное образование имели 26614 человек (увеличение с 2005 г. в 1,3 раза), среднее специальное – 23362 человек, (некоторое уменьшение по сравнению с 2005 г.) [Труд и занятость... 2013: 346–347]. Следует отметить, что среди специалистов высока доля ориентированных на изменения. В данном случае речь идёт о таких факторах, как реальные возможности работника, имеющего профессиональное образование (высшее, неполное высшее, бакалавриат, среднее специальное), адаптироваться на рынке труда в сложных экономических условиях. Именно в этой ситуации институт образования выступает регулятором трудовой мобильности, а производное от этой мобильности – территориальная подвижность занятых. Принципиальным является также и ресурс социального окружения.

Поскольку каждый человек интегрирован в реалии локальной жизни как её непосредственный участник, то формируются самые разнообразные сети социального сообщества, где он взаимодействует с членами этого сообщества – друзьями, соседями, коллегами. Значимость взаимодействия безусловна, ибо, как и любой общественный процесс, трудовая мобильность в самых различных её видах определяется функционированием не только внутренних механизмов, но и внешней средой, спецификой её развития, особенностями того социума, куда индивид включён. Как живут семьи, люди, окружающие его, в чём источник их материального благополучия или неблагополучия – всё это самым непосредственным образом влияет на поведенческие стратегии человека.

Респондентам задавался вопрос: «Как Вам кажется, большинство Ваших друзей, соседей, сослуживцев живут материально благополучнее, менее благополучно, так же, как и Вы?». Конечно, определить, «кто я и кто они» в плане материального достатка, сложно. Речь может идти только о предполагаемом, визуальном соотношении. Да и вообще, бедность и богатство по-русски – явления достаточно уникальные, особенно в сравнительном контексте. Тем не менее, стремление преодолеть сопротивление социальной среды, сложившиеся стандарты и ценности – принципиальный фактор в оценке своей жизни и путей формирования определённых способов существования. Данные свидетельствуют о том, что, по оценкам респондентов, их социальная среда в основном такая же «малоимущая», как и они сами (от 60 до 80% их окружения). Правда, до 20% (в основном, когда речь идёт о коллегах) живут лучше. Одним из факторов возможного изменения (конечно, не радикального, достаточно относительного) жизненной ситуации, экономических условий бытия является миграционная мобильность социальных групп населения.

Каковы направления предполагаемой миграции? Прежде всего, конечно, – Москва, столица, где может начаться новая жизнь; а также вообще уехать из России; переехать

По оценкам респондентов, их социальная среда в основном такая же «малоимущая», как и они сами (от 60 до 80% их окружения). Правда, до 20% (в основном, когда речь идёт о коллегах) живут лучше.

в другую область; мигрировать в пространстве своей области. Рисунок предполагаемых маршрутов определён: столица – заграница – крупные областные центры.

Вхождение в новый социум для любого человека существенно изменяет его жизнедеятельность. Здесь важен потенциал его адаптационного ресурса или хотя бы представление о том, каковы факторы, способствующие формированию соответствующих форм жизнедеятельности на новом месте.

Для познания социальных реалий современного российского общества (как бы оно ни называлось: транзитивное, модернизационное, переходное и т. д.) принципиальным является изучение самых различных социальных групп, выявление типологических характеристик этих групп, связей и отношений внутри формирующегося социального пространства. Исходя из того, что общество сегодня развивается в векторе социальной стратификации, что в нём появляются новые социальные элементы и субэлементы, речь должна идти о формировании активных субъектов социального действия. Одновременно всё активнее начинают проявлять себя феномены группового и индивидуального сознания, в которых отражаются реально занимаемые этими общностями позиции в структурных отношениях. Одним из таких субъектов является группа интеллигенции (специалистов), социальный статус которой и её роль в обществе претерпели и продолжают претерпевать за последние десятилетия качественные изменения. Эта группа, безусловно, является резервом среднего класса в нашей стране, но пока ещё не стала реальной его составляющей. Находятся ли специалисты в «переходной стадии» и как «пойдёт процесс», сказать непросто, ибо многое зависит от внешних обстоятельств. Существенным в этих процессах является субъектность и ресурсность исследуемой группы. Необходимы определённые усилия со стороны властных структур, которым принадлежит монопольное право выбора стратегии экономического, политического и социального развития. Рассмотренные нами процессы и явления происходили и происходят в настоящее время в социальном пространстве, на определённой территории. В конкретном случае это Республика Бурятия (Сибирский федеральный округ). Обращение к региональному анализу проблем в настоящее время актуально и своевременно, потому что регионализация – существенная ступень в развитии современной жизни России. Мы постарались представить и общероссийский фон исследуемых проблем. Безусловно, их разрешение носит исторически конкретный характер. Дальнейшее изучение этих процессов, их анализ необходимо продолжить, ибо только на этой основе возможно понимание объективного состояния как социальной структуры в целом, так и отдельных социальных статусов, их взаимопроникновения и иерархии.

Для познания социальных реалий современного российского общества принципиальным является изучение самых различных социальных групп, выявление их типологических характеристик, связей и отношений в формирующемся социальном пространстве.

Библиографический список

Беляева Л. А. 2001. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М.: Academia. 183 с.

Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. 2001. Безработные: особенности российского бытия // Социологические исследования. № 5. С. 67–76.

Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. 2012. Социальные группы современной России: генезис, реальность, перспективы. Монография. Palmarium (academic publishing). 136 с.

Левит С. Р. 2014. Ненаблюдаемая экономика: практика, проблемы и направления совершенствования её оценок // Вопросы статистики. № 6. С. 20–24.

Мигранты в социокультурном пространстве региона. Социологические очерки / Под ред. чл.-корр. РАН М. К. Горшкова. М.: Альфа-М, 2009. 176 с.

Наёмный работник в современной России / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. 362 с.

Народное хозяйство СССР в 1988 г. М.: Госкомстат, 1989. 766 с.

Социальное неравенство и публичная политика / Ред. кол.: Медведев В. А. (отв. ред.), Горшков М. К., Красин Ю. А. М.: Культурная Революция, 2007. 336 с.

Социальные проблемы трудовой занятости в регионах Российской Федерации. ИНАБ. № 1. М.: Институт социологии РАН, 2009. 99 с.

Труд и занятость в России. 2013: Стат. сборник. М.: Росстат, 2013. 661 с.

Труд и занятость в России. 2015: Стат. сборник. М.: Росстат, 2015. 276 с.

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.409

Intellectuals in the Regional Space of Modern Russian Society: Development Dynamics

Golenkova Zinaida Tikhonovna

Professor, doctor of philosophical Sciences, The head of the Center for the study of social structure and social stratification, Institute of Sociology of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia. E-mail: golenko@isras.ru

Igitkhanyan Elena Davydovna

Candidate of philosophical sciences, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. This article addresses issues associated with analyzing the operation of a social group known as intellectuals (“intelligentsia”), which in this particular context is presented as a category of “specialists”. The word “intellectual” is commonly used in western literature, which implies

a specialist of a creative trade. Examined are the main ways in which status characteristics are formed, strategic and orientation dynamics in various areas of life, the degree of involvement within the system of market relations, as well as the peculiarities attributed to labor migration mobility among this group. Without a doubt, it can be called a “reserve” of the middle-class, but it is not yet a true component of the latter. Attention is also paid to analyzing such concepts as social equality, freedom, unemployment. Emphasized is the fact that, within the new Russian reality, not only the social guidelines of those surveyed are transforming, but also their socio-psychological health. The processes examined occur in a certain social space, represented by the Buryatia republic, a region of the Russian Federation (in the Southern Federal District). Resorting to regional analysis is a significant step in the development of contemporary studies, for only such a basis can help us better understand the objective condition of both social structure in general, and separate social subjects, as well as their interpenetration and hierarchy.

Keywords: intellectuals, specialist, social status, labour market, social adaptation, mobility, financial situation.

References

Beliaeva L. A. Social'naja stratifikacija i sredniy klass v Rossii: 10 let postsovetskogo razvitija [Social Stratification and the Middle Class in Russia: Ten Years of Post-Soviet Development]. Moscow, Academia, 2001. 183 p.

Golenkova Z. T., Igithanian E. D. Bezrabotnye: osobennosti rossijskogo bytija [Unemployed: peculiarities of Russian Life]. Sociologicheskie issledovanija, 2001, no 5. pp. 67–76.

Golenkova Z. T., Igithanjan E. D. Social'nye gruppy sovremennoy Rossii: genezis, real'nost', perspektivy [Social Groups of Modern Russia: Genesis, Reality, Perspectives]. Palmarium academic publishing, 2012. 136 p.

Levit S. R. Nenabliudaemaja ekonomika: praktika, problemy i napravlenija sovershenstvovanija ejo ocenok [Non-observed Economy: Experience, Problems and Ways of Improving its Ratings]. Voprosy statistiki, 2014, no 6, pp. 20–24.

Migranty v sociokul'turnom prostranstve regiona. Sociologicheskie ocherki [Migrants in the Socio-cultural Environment of the Region. Sociological Essays]. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Al'fa-M, 2009. 176 p.

Najomny rabotnik v sovremennoy Rossii [The Employee in Modern Russia]. Ed. by Z. T. Golenkova. Moscow, Novy khronograf, 2015. 362 p.

Narodnoe hoziaystvo SSSR v 1988 g. [Economy of the USSR in 1988]. Moscow, Goskomstat, 1989. 766 p.

Social'noe neravenstvo i publichnaja politika [Social Inequality and Public Policy]. Ed. by V. A. Medvedev. Moscow, Kul'turnaja Revoliucija, 2007. 336 p.

Social'nye problemy trudovoy zaniatosti v regionah Rossiyskoy Federacii [Social Problems of Employment in Russian Regions]. INAB, 2009, no 1. Moscow, IS RAS, 2009. 99 p.

Trud i zaniatost' v Rossii. Stat. sbornik – 2013 [Labor and Employment in Russia – 2013: Statistical Collection.]. Moscow, Rosstat, 2013. 661 p.

Trud i zaniatost' v Rossii. Stat. sbornik – 2015 [Labor and Employment in Russia – 2015: Statistical Collection.]. Moscow, Rosstat, 2015. 276 p.

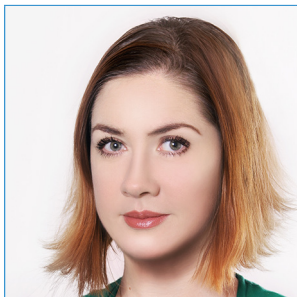
Т е м а н о м е р а : С о с т о я н и е с о ц и а л ь н ы х с л о ё в и г р у п п в р е г и о н а х с о в р е м е н н о й Р о с с и и

П р о ф и л ь с о ц и а л ь н о г о н е р а в е н с т в а в р е г и о н а х Ц Ф О

Проказина Наталья Васильевна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Социология и информационные технологии», ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Орловский филиал, Орёл

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Алексеёнок Анна Алексеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология и информационные технологии», ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Орловский филиал, Орёл

E-mail: alexaconst@rambler.ru

Каира Юрий Владимирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология и информационные технологии», ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Орловский филиал, Орёл

E-mail: kaira@orel.ranepa.ru

Профиль социального неравенства в регионах ЦФО

DOI:10.19181/vis.2016.18.3.410

Аннотация. В статье приводятся результаты сравнительного анализа динамики экономико-социальных, материально-имущественных, самоидентификационных, досугово-рекреационных критериев неравенства за 2011–13 гг. населения Брянской, Липецкой и Орловской областей. Население всех трёх регионов не удовлетворено социально-экономической ситуацией. Численность неудовлетворённого населения за рассматриваемый период увеличилась на 5%. Изменения социально-экономической ситуации, по мнению большинства населения, не происходит. Несмотря на такую оценку и общую негативную динамику удовлетворённости социально-экономической ситуацией в регионе, многие респонденты полны надежд на улучшение собственного благосостояния в течение ближайшего года. Оптимистические ожидания в 2013 г. снизились несущественно по сравнению с 2011 г., пессимистических ожиданий за два года стало заметно меньше, а консервативных – заметно больше. Противоречивость результатов подтверждает целесообразность применения многомерного иерархического подхода, который был заложен в основу исследования, т. к. при анализе динамики социального неравенства по различным критериям мы не можем получить комплексного социального портрета неравенства. На основе многомерного иерархического подхода был составлен социальный портрет неравенства населения регионов. По результатам анализа его структуры выделены социальные группы, неравные между собой по материально-имущественным, социально-профессиональным и самоидентификационным критериям: низшая группа «крайне неблагополучные»; группа ниже среднего уровня «неблагополучные»; средняя группа «частично благополучные»; группа выше среднего уровня «благополучные»; высшая группа «наиболее благополучные».

Ключевые слова: социальное неравенство, социальная стратификация, стратификационные критерии, социальные ожидания, уровень жизни, социальный профиль

Переход страны к новому экономико-политическому устройству и последовавшие крупномасштабные реформы во всех сферах жизнедеятельности страны привели к трансформации критериев социального неравенства. Параметры социального неравенства, формировавшие социальную структуру советского общества, утратили свою доминирующую роль. Становление многоукладной экономики и значительная дифференциация уровня доходов различных социальных групп привели к появлению новых социальных общностей с иными взаимосвязями и иерархией. Возникли совершенно новые критерии социального неравенства, такие как «наличие собственности», «владение финансово-экономическим капиталом», «социальный престиж» и т. д. Данные перемены на протяжении нескольких лет значительно изменили социальную структуру современного российского общества, а также социальный статус большинства его членов [Голенкова 2014].

Трансформацию социальной структуры современного общества сопровождало увеличение стратификационного неравенства, характеризующегося не только появлением ранее несуществовавших позиций (в первую очередь, класса крупных и средних собственников), возникновением прослойки «новых бедных», а также не востребовавшихся и маргинальных групп, но и адаптацией к вновь появляющимся ролевым функциям, самоидентификационной переориентацией личности. Для социальной структуры современного российского общества характерны дезинтеграционные тенденции, которые обусловлены различными темпами социальных изменений и их региональной спецификой. Вместе с тем, трансформационные процессы в России ещё не завершены, и социальное неравенство продолжает усиливаться. Реализуются интенсивные изменения в отношении собственности, распределении общественных благ, организации труда, в направлениях и тенденциях социальной мобильности [Горшков 2014].

Динамика общественных процессов требует постоянного исследования различных характеристик неравенства, так как социальная идентификация индивидов постоянно меняется. Они по-разному ощущают неравенство и своё самоидентифицируемое положение в социальной структуре общества, которая сама крайне неустойчива и подвержена постоянным трансформациям. Объективная диалектика общественных процессов изменяет условия неравенства, в числе которых критериальные границы, статусные признаки и т. д.

Эскалация неравенства (экономического, социального, национального, территориального, информационного) в современной России является реальной основой для социальной напряжённости, так как представляет угрозу для безопасности личности, общества и государства как на региональном, так и национальном уровне [Горшков 2011]. Недостаточное вни-

мание к этой проблеме со стороны власти и общества может привести к дезинтеграции социального пространства и риску политических потрясений.

Эмпирической основой данной работы стали результаты исследований социального неравенства населения Брянской, Липецкой, Орловской областей, выполненных в 2010–13 гг.¹

Статистическая обработка и анализ эмпирической информации проводился с применением программы SPSS, версия 19.

Данные области были выбраны на основе анализа результатов официальной государственной статистики, которая предоставляет данные о неравенстве населения на основе выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, а также макроэкономического показателя денежных доходов населения. При этом рассчитываются следующие показатели:

- коэффициент фондов, измеряемый в долях единицы, показывает, во сколько раз средние доходы 10% самых богатых превышают средние доходы 10% самых бедных (чем он выше, тем больше неравенство);
- коэффициент Джини, показывающий степень концентрации доходов у отдельных групп населения (чем он выше, тем больше неравенство).

Анализ региональных особенностей социального неравенства населения следует начать с оценки удовлетворённости социально-экономической ситуацией в регионе (см. таблицу 1).

Как видно из анализа таблицы 1, более 70% населения всех трёх регионов не удовлетворено социально-экономической ситуацией. Анализ динамики удовлетворённости за период 2011–13 гг. показывает превалирование отрицательных ответов. Численность неудовлетворённого населения увеличивается

¹ «Социальное неравенство в современном российском обществе». Исследование проводилось в сентябре-октябре 2013 г. Общий объем выборки – 2157 чел. В выборку включено население Брянской, Липецкой, Орловской областей. Метод исследования – массовый опрос по месту проживания. Выборка – квотно-гнездовая, репрезентативная по полу, возрасту, типу населенных пунктов, структуре занятости по отраслям экономики.

«Средний класс в современном российском обществе». Исследование проводилось в январе-феврале 2012 г. Общий объем выборки – 2900 человек. В выборку включено население Брянской, Липецкой, Орловской областей (при доверительной вероятности, равной 0,94, и предельной ошибке выборки, равной 2,3%). Метод исследования – массовый опрос по месту жительства. Выборка – квотно-гнездовая, репрезентативна по половозрастной структуре населения ЦФО, по структуре занятости в отраслях экономики, а также по типу поселений (областные центры, малые города, сельские населенные пункты).

«Социальное самочувствие населения». Исследование проводилось в 2008–2011 гг. Метод исследования – панельный мониторинг населения Брянской, Липецкой, Орловской областей. Общий объем выборки – 3960 человек. Выборка репрезентативна по половозрастной структуре населения ЦФО, по структуре занятости в отраслях экономики, а также по типу поселений (областные центры, малые города, сельские населенные пункты). Ошибка выборки не превышает 3,0%.

на 5%. Что касается каждого отдельно взятого региона, то наибольшее неравенство между полностью удовлетворёнными и крайне неудовлетворёнными слоями населения наблюдается в Брянской области (30,4% в 2011 г. и усугубляется в 2013 г. до 42%), т. е. неравенство между полярными слоями населения увеличивается на 11,6%. Орловская область занимает промежуточное положение, и неравенство между полностью удовлетворёнными и крайне неудовлетворёнными слоями населения здесь составляет 27,2% в 2011 г. и 31,0% в 2013, т. е. увеличивается на 3,8%. В Липецкой области неравенство между полностью удовлетворёнными и крайне неудовлетворёнными слоями населения здесь самое низкое по годовым показателям: 7,8% в 2011 г. и 21,7% в 2013, но в то же время, если посмотреть на эти показатели в динамике, то неравенство по данному критерию увеличивается на 14%, что выше, чем в Брянской области, и более чем в три раза выше, чем в Орловской.

Таблица 1

Удовлетворённость социально-экономической ситуацией в регионе, %

Вариант ответа	Субъект РФ, область						Всего	
	Орловская		Брянская		Липецкая			
	2011	2013	2011	2013	2011	2013	2011	2013
Удовлетворён (-а)	7,2	3,9	5,4	4,8	9,3	5,8	7,1	4,8
Скорее удовлетворён (-а)	20,0	17,5	16,2	16,2	17,8	16,5	19,3	16,7
Скорее неудовлетворён (-а)	31,3	36,1	36,3	28,6	39,5	38,0	32,7	34,2
Неудовлетворён (-а)	34,9	34,9	35,8	46,8	17,1	27,5	33,5	36,4
Затрудняюсь ответить	6,6	7,5	6,4	3,7	16,3	12,2	7,4	7,8
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Материально-имущественное неравенство является одной из острейших проблем современного российского общества, поэтому мы обратились к анализу субъективной оценки своего материального положения населения регионов, а ещё и потому, что неравенство тоже субъективно (см. таблицу 2).

По мнению половины населения, ситуация осталась без изменений, а если учитывать негативную оценку большинством населения социально-экономической ситуации в регионе, то получается, что неизменность ситуации заключается в том, что люди по-прежнему не удовлетворены ею. Усугубляет ситуацию и то, что каждый четвёртый житель регионов считает, что ситуация ещё и ухудшилась, тогда как только 16,6% отмечают её улучшение (это несколько меньше, чем в 2011 г., когда улучшение социально-экономической ситуации отмечали 25,2%).

Таблица 2

Субъективная оценка изменения социально-экономической ситуации в регионе за два года, %

Вариант ответа	Субъект РФ, область						Всего	
	Орловская		Брянская		Липецкая			
	2011	2013	2011	2013	2011	2013	2011	2013
Значительно улучшилась	3,8	1,8	3,5	2,4	4,7	0,5	3,9	1,6
Несколько улучшилась	20,4	18,0	22,3	19,3	27,9	6,6	21,3	15,0
Осталась без изменений	39,3	42,7	44,6	51,7	34,9	61,5	39,6	50,8
Несколько ухудшилась	19,0	21,0	12,4	13,4	9,3	18,4	17,3	18,0
Значительно ухудшилась	10,2	8,8	11,4	2,7	5,4	7,2	10,0	6,5
Затрудняюсь ответить	7,2	7,8	5,9	10,5	17,8	5,8	8,0	8,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

От анализа социально-экономического состояния регионов перейдём к оценке материального положения семей (см. таблицу 3).

Таблица 3

Изменение материального положения Вашей семьи за два года, %

Вариант ответа	Субъект РФ, область						Всего	
	Орловская		Брянская		Липецкая			
	2011	2013	2011	2013	2011	2013	2011	2013
Значительно улучшилось	4,9	2,3	5,4	4,0	0,0	1,1	4,5	2,4
Несколько улучшилось	23,3	25,9	31,0	18,6	15,7	8,3	23,7	18,7
Осталось без изменений	41,2	48,4	38,4	51,0	54,3	55,3	42,0	51,1
Несколько ухудшилось	19,7	16,3	15,3	13,1	11,8	28,2	18,5	18,9
Значительно ухудшилось	8,5	4,2	9,4	5,1	7,9	3,8	8,5	4,3
Затрудняюсь ответить	2,4	3,0	0,5	8,2	10,2	3,3	2,8	4,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Материальное положение семей в регионах, на первый взгляд, улучшается. Его ухудшение в 2011 г. отмечают 27,05% респондентов, в 2013 – на 5% меньше, но и отметивших улучшение материального положения становится меньше – соответственно 28,2 и 21,2%. Так что, несмотря на отрицательную оценку материального положения в регионе в 2013 г., положение отдельно взятых семей остаётся стабильно удовлетворительным.

Ещё более оптимистично выглядит распределение ответов, касающихся социальных ожиданий респондентов (см. таблицу 4).

Таблица 4

Социальные ожидания изменения уровня жизни Вашей семьи через год, %

Вариант ответа	Субъект РФ, область						Всего	
	Орловская		Брянская		Липецкая			
	2011	2013	2011	2013	2011	2013	2011	2013
Значительно лучше	4,9	4,3	6,4	6,3	1,6	1,3	4,8	4,0
Несколько лучше	17,4	15,3	14,9	19,3	10,2	8,5	16,4	14,5
Так же, как и сейчас	34,4	37,9	32,2	38,6	54,3	45,1	35,8	40,3
Несколько хуже	9,9	7,9	11,9	3,2	10,2	7,7	10,2	6,5
Значительно хуже	4,9	2,0	7,9	0,0	3,1	14,0	5,1	5,0
Затрудняюсь ответить	28,6	32,5	26,7	32,5	20,5	23,4	27,7	29,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Несмотря на общую негативную динамику удовлетворённости социально-экономической ситуацией в регионе и оценку её изменения за последний год, многие респонденты полны надежд на улучшение собственного благосостояния в течение ближайшего года. Оптимистические ожидания в 2013 г. несущественно ниже, чем в 2011 г., пессимистических ожиданий стало за два года заметно меньше, а консервативных – заметно больше. Таким образом, в целом респонденты настроены оптимистично: «социально-экономическая ситуация в регионе не очень благополучная, но я надеюсь, что моё личное материальное положение через год (каким-то образом) улучшится». Что касается текущего потребительского статуса, то за период с 2011 по 2013 гг. он заметно снизился: респонденты могут позволить себе значительно меньше материальных благ, чем два года назад (см. таблицу 5).

Таблица 5

Динамика потребительского статуса семьи, %

Вариант ответа	Субъект РФ, область						Всего	
	Орловская		Брянская		Липецкая			
	2011	2013	2011	2013	2011	2013	2011	2013
Мы можем позволить себе дорогие покупки – машину, квартиру, дачу и многое другое	7,3	2,1	9,0	4,5	4,0	0,0	7,3	2,2
Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования, но затруднительно приобретать действительно дорогие вещи	45,4	33,3	45,3	27,1	31,5	7,0	44,2	23,8

Продолжение таблицы 5

Вариант ответа	Субъект РФ, область						Всего	
	Орловская		Брянская		Липецкая		2011	2013
	2011	2013	2011	2013	2011	2013		
Денег хватает на продукты и одежду, но покупка товаров длительного пользования является для нас проблемой	33,8	46,3	32,8	59,4	49,2	58,4	35,0	53,7
На продукты хватает, но покупка одежды вызывает серьёзные затруднения	12,0	15,4	12,4	9,0	13,7	21,5	12,2	15,3
Мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты	1,5	2,8	0,5	0,0	1,6	13,1	1,4	5,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Снижение потребительского статуса частично связано с платежами по кредитам и ипотекам, которые составили 15,0% в структуре расходов в 2013 г. против 7,2% в 2011 г., а также с увеличением доли накоплений и сбережений с 4,3 до 8,7% (см. таблицу 6).

Таблица 6

Динамика структуры расходов населения регионов, %

Вариант ответа	Субъект РФ, область						Всего	
	Орловская		Брянская		Липецкая		2011	2013
	2011	2013	2011	2013	2011	2013		
Питание	37,2	30,2	37,4	28,9	39,7	29,1	37,4	29,3
Коммунальные услуги	19,5	15,6	20,0	19,1	30,8	22,7	20,5	18,7
Одежда, обувь	13,6	10,8	14,0	11,2	9,9	10,5	13,4	10,8
Хозяйственно-бытовые предметы	8,1	6,4	8,3	7,0	8,3	6,7	8,2	6,6
Досуг	6,6	6,4	6,1	6,7	3,8	5,6	6,3	6,3
Погашение кредитов, ипотека	7,5	14,1	7,3	15,4	4,4	9,7	7,2	13,4
Накопления, сбережения	4,8	9,0	3,2	6,1	1,5	7,1	4,3	7,8
Другое (в т. ч. медицина, образование, автомобиль, транспорт)	2,7	7,5	3,7	5,6	1,6	8,6	2,7	7,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Как видим, большая часть расходов в 2011 г. приходилась на питание (37,4%). В 2013 г эти расходы снижаются более чем на 5%, что свидетельствует об улучшении материального положения семей, однако в сумме с коммунальными услугами (20%) они «забирают» больше половины расходов населения.

На рис. 1 обобщены данные по трём исследуемым областям.

Рис. 1. Динамика степени удовлетворенности текущими денежными доходами в 2011 и 2013 гг. социальных групп, различных по роду деятельности (отношение фактического дохода к субъективно достаточному)

Контур удовлетворенности доходами в зависимости от рода деятельности в 2013 г. «сжимается» по сравнению с 2011 г., т. е. удовлетворенность доходами почти всех социальных групп по роду деятельности за два года снизилась. Исключение составляют находящиеся в декрете (возможно, в декрет стали уходить жёны более состоятельных мужей). Практически не изменилась удовлетворенность доходами представителей таких бюджетных сфер, как военнослужащие, работники правоохранительных органов, учреждений культуры, образования, науки и здравоохранения.

Наибольшее сокращение (более чем в 2 раза) коэффициента удовлетворенности доходами выявлено среди работников сельского хозяйства, и это характерно для всех обследованных субъектов РФ. Несмотря на низкое значение по шкале удовлетворенности денежными доходами (в пределах от 0,50 до 0,74) в целом, у занятых в сельском хозяйстве эта величина максимальна среди всех работающих.

Также значительно сократилась удовлетворенность доходами занятых в промышленности, строительстве и ЖКХ, в наибольшей степени в Брянской области. Если в 2011 г. брянские рабочие отмечали, что «текущие денежные доходы удовлетворяют», то в 2013 г. оценки по шкале удовлетворенности опустились на две ступени – до уровня «текущие денежные доходы не удовлетворяют». Липецкие и орловские рабочие в 2013 г. оказались на таком же низком уровне, однако снижение было не столь резким.

Практически не изменилась удовлетворенность доходами представителей таких бюджетных сфер, как военнослужащие, работники правоохранительных органов, учреждений культуры, образования, науки и здравоохранения.

Примечательно, что среди государственных и муниципальных служащих заметно прибавилось число тех, кто считает, что им явно не доплачивают. Следует добавить, что коэффициент удовлетворённости доходами студентов в 2013 г. составил 0,47, что на уровне работников торговли, государственных и муниципальных служащих, а коэффициент у пенсионеров оказался неожиданно самым высоким – 0,70. Очевидно, у студентов сыграли роль два противодействующих фактора: с одной стороны, депривация потребностей ввиду минимальных собственных доходов, снижающая коэффициент, с другой – иждивенческое положение на содержании у родителей и, как следствие, недооценка реальной стоимости жизни, повышающая этот коэффициент. Пенсионеры относительно довольны своими доходами по следующим причинам: во-первых, благодаря индексации реальный размер пенсии сохраняется на прежнем уровне, потребительская корзина не оскудевает; во-вторых, многие пенсионеры работают, поэтому их доходы выше, чем у работающих непенсионеров; в-третьих, потребности людей пенсионного возраста априори скромнее, чем у остальной части населения трудоспособного возраста. Удовлетворённость доходами именно пенсионеров, доля которых составляет четверть населения страны, пресекает их вовлечённость в протестные настроения, предотвращая повышение уровня социальной напряжённости.

В результате проведённого анализа получены три социальных профиля по числу критериев неравенства. Эти профили по некоторым параметрам совпадают, что позволяет определить устойчивые характеристики социальных групп, неравных между собой сразу по всем критериям. При этом каждый критерий измерен по своей шкале: 4-балльная шкала – по удовлетворённости текущими денежными доходами, 5-балльная – по профессиональному престижу, 7-балльная – по самоидентификации социального статуса, а интегральная шкала неравенства приведена к 5-балльной. Исследование динамики социальных профилей позволяет выявить изменения в качественном составе населения субъектов РФ, отнесённого к различным группам, и составить социальный портрет неравенства.

1 – «крайне неблагополучные», низшая группа. Текущие доходы полностью не удовлетворяют, наименьший профессиональный престиж, социальный статус значительно ниже среднего.

Социальный профиль в 2011 г.: жильё в собственности у респондентов свыше 70%; высшее (около 50%) или среднее профессиональное образование; сферы занятости: промышленная, бюджетная социальная, торговая, сельское хозяйство; женщины 39–42 лет с семьёй из трёх и более человек.

Социальный профиль в 2013 г.: жильё в собственности у респондентов около 60%; высшее (почти 40%) или среднее профессиональное образование; сферы занятости: промышлен-

Удовлетворённость доходами именно пенсионеров, доля которых составляет четверть населения страны, пресекает их вовлечённость в протестные настроения, предотвращая повышение уровня социальной напряжённости.

ная, бюджетная социальная, торговая, сельское хозяйство; женщины 39–44 лет с семьёй из трёх и более человек, а также мужчины 52 лет, проживающие отдельно от детей.

2 – «неблагополучные», группа ниже среднего уровня. Текущие доходы не удовлетворяют, профессиональный престиж ниже среднего уровня, социальный статус несколько ниже среднего.

Социальный профиль в 2011 г.: жильё в собственности у респондентов свыше 70%; высшее (более 50%) или среднее профессиональное образование; сферы занятости: промышленная, бюджетная социальная, торговая; женщины 37–39 лет с семьёй из трёх человек.

Социальный профиль в 2013 г.: жильё в собственности у респондентов около 60%, ещё около 10% – в ипотеке, съёмное или коммунальное жильё; высшее (около 50%) или среднее профессиональное образование; сферы занятости: промышленность, бюджетная сфера, торговля; женщины 40–42 лет, а также мужчины 38–42 лет с семьёй из трёх или более человек.

3 – «частично благополучные», средняя группа. Текущие доходы частично удовлетворяют, средний уровень профессиональной престижности; средняя самооценка социального статуса.

Социальный профиль в 2011 г.: жильё в собственности у респондентов свыше 70%; образование высшее (около 60%); сферы занятости: бюджетная, промышленная; женщины (преобладают), а также мужчины 37 лет с семьёй из трёх человек.

Социальный профиль в 2013 г.: жильё в собственности у респондентов около 70%; высшее (менее 60%) или неполное высшее, среднее или начальное профессиональное образование; сферы занятости: бюджетная, промышленная, транспортная; мужчины (преобладают), а также женщины 38–39 лет с семьёй из трёх или менее человек.

4 – «благополучные», группа выше среднего уровня. Текущие доходы удовлетворяют, профессиональный престиж выше среднего уровня, социальный статус несколько выше среднего.

Социальный профиль в 2011 г.: жильё в собственности у респондентов свыше 75%; высшее образование имеют свыше 60%; сферы занятости: бюджетная, промышленная, государственная служба; мужчины 37 лет, около трёх членов семьи.

Социальный профиль в 2013 г.: жильё в собственности у респондентов свыше 65%, ещё около 10% – в ипотеке; высшее образование имеют почти 60%; сферы занятости: промышленная, бюджетная, государственная служба; мужчины и женщины 36–40 лет, около трёх членов семьи.

5 – «наиболее благополучные», высшая группа. Текущие доходы полностью удовлетворяют, наибольший профессиональный престиж, социальный статус значительно выше среднего.

Социальный профиль в 2011 г.: жильё в собственности у респондентов свыше 75%; высшее образование имеют свыше 60% респондентов; сферы занятости: промышленная, торговая, финансы, государственная служба; мужчины и женщины 37–39 лет, около трёх членов семьи.

Социальный профиль в 2013 г.: жильё в собственности у респондентов свыше 80%; высшее образование имеют свыше 70% респондентов; сферы занятости: государственная служба, финансы; мужчины и женщины 38–39 лет, свыше трёх членов семьи.

На рис. 2 представлено изменение в соотношении социальных групп. Несмотря на наличие крайне неблагополучных и неблагополучных слоёв населения, которые в 2011 г. составили больше половины населения, и значительный разрыв между крайне неблагополучными и наиболее благополучными слоями населения регионов, к 2013 г. прослеживается хоть и незначительная, но в то же время положительная динамика. Так, доля неблагополучных слоёв населения снижается на 5,3%, а неравенство, заключающееся в численности крайних социальных слоёв, которое в 2011 г. составляло 18,2%, сокращается на 4,8%.

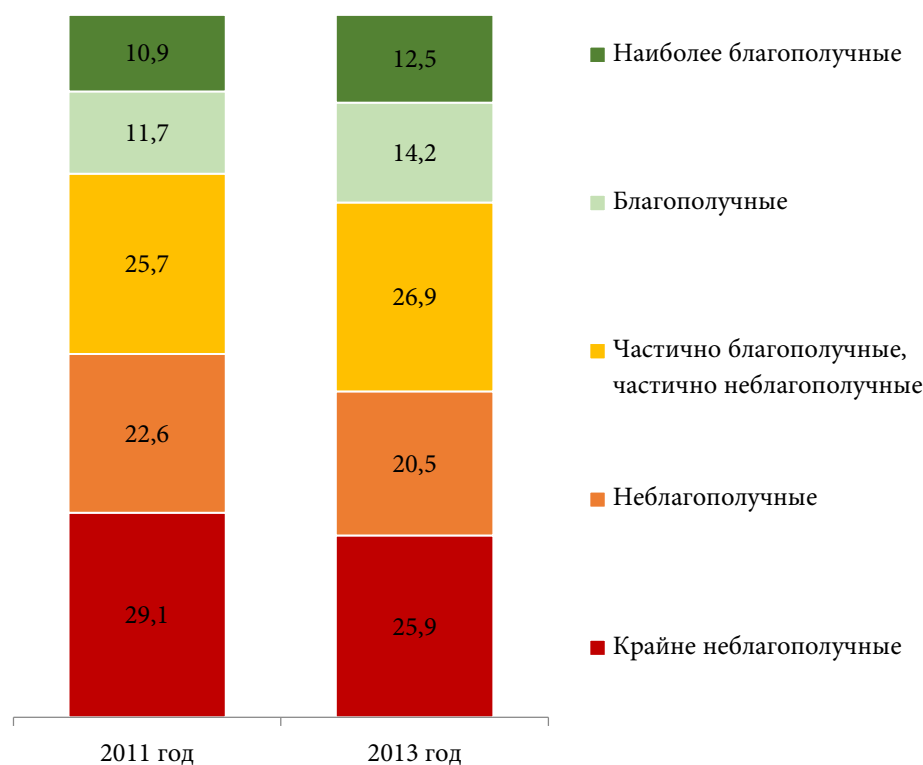

Рис. 2. Изменение соотношения социальных групп, выделенных на основе интегральной характеристики неравенства, %

Динамика социальных профилей групп по шкале неравенства за 2011–13 гг.:

- группа «крайне неблагополучные»: доля владеющих собственным жильём снижается, доля высокообразованных снижается в пользу имеющих среднее и начальное профессиональное образование; снизилась доля работников социальных

бюджетных сфер, повысилась доля занятых в промышленности, т. е. бюджетники переместились в более высокие социальные группы; половозрастной состав расширился за счёт одиноких мужчин и несколько постарел;

- группа «неблагополучные»: доля владеющих собственным жильём снижается, доля высокообразованных снижается в пользу имеющих среднее профессиональное образование; так же, как и в низшей группе, снизилась доля работников социальных бюджетных сфер и повысилась доля занятых в промышленности, т. е. бюджетники переместились в ещё более высокие социальные группы; половозрастной состав расширился за счёт мужчин того же возраста;

- группа «частично благополучные»: доля владеющих собственным жильём снизилась, но не так значительно, как в более низких группах; профессиональная занятость стала более разнообразной; половозрастной состав незначительно изменился в пользу мужчин несколько более старшего возраста, чем женщины;

- группа «благополучные»: доля владеющих собственным жильём снизилась; доля высокообразованных несколько снизилась в пользу имеющих неоконченное высшее образование; профессиональная занятость изменилась в сторону уменьшения доли работников социальной бюджетной сферы и повышения доли высококвалифицированных работников или руководителей в промышленности, а также государственных служащих и финансовых работников; если половозрастной состав более низких групп маскулинизировался (т. е. увеличилась доля мужчин), то в этой группе он феминизировался (т. е. несколько увеличилась доля женщин);

- группа «наиболее благополучные»: доля владеющих собственным жильём увеличилась; доля имеющих высшее образование увеличилась; занятые в промышленности вытеснены работниками финансовой сферы и государственными служащими; возраст незначительно повысился, а размер семьи увеличился существенно, и его среднее значение стало превышать трёх членов семьи.

Таким образом, выделенные критерии неравенства усиливают своё действие как факторы ощущаемого неравенства в обществе, т. е. они подходят для измерения реального неравенства, которое за прошедшие два года – с 2011 по 2013 – объективно снизилось среди населения регионов Центральной России.

Библиографический список

Алексеев А. А., Каира Ю. В., Баранчиков В. А. 2016. Социальное неравенство и социальная напряжённость: Научная монография. Орёл: Изд-во ОФ РАНХиГС. 244 с.

Голенкова З. Т. 2014. Избранные труды. М.: Новый хронограф. 343 с.

Горшков М. К. 2014. Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. № 7. С. 20–31.

Горшков М. К. 2011. Российское общество как оно есть: опыт социологической диагностики. М.: Новый хронограф. 672 с.

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.410

The Social Inequality Profile in the Central Federal Regions

Prokazina Natalya Vasilyevna

Doctor of sociological sciences, professor, head of the Department «Sociology and informative technology», The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel branch, Orel, Russia. E-mail: nvprokazina@mail.ru

Alekseenok Anna Alekseevna

Candidate of sociological sciences, assistant professor of the Department «Sociology and informative technology», The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel branch, Orel, Russia. E-mail: alexaconst@rambler.ru

Kaira Yuriy Vladimirovich

Candidate of sociological sciences, assistant professor of the Department «Sociology and informative technology», The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel branch, Orel, Russia. E-mail: kaira@orel.ranepa.ru

Abstract. This article cites the results of a comparative analysis of the dynamics of economic-social, material-property, self-identification and leisure-recreational inequality criteria during the years 2011–2013 among the population of Bryansk, Lipetsk and Orel provinces. The population of each of these three regions is unsatisfied with the socio-economic situation. The amount of unsatisfied people among the population has increased by 5% during the period in question. The majority of the population considers that the socio-economic situation is not changing at all. Despite such assessments, and despite the generally negative dynamics of satisfaction with the socio-economic situation in the region, many respondents are hoping to improve their own well-being during the next year. In 2013 optimistic expectations have decreased insignificantly compared to 2011, the amount of pessimistic expectations have seriously decreased in two years, while the amount of conservative expectations have noticeably increased. Such contradictory results confirm the appropriateness of utilizing a multidimensional hierarchical approach, which became the basis for this study, since when we analyze the dynamics of social inequality based on various criteria we cannot obtain a comprehensive social portrait of inequality. Using a multidimensional hierarchical approach as a basis, a social portrait of inequality for the regional population was composed. As a result of analyzing its structure, identified were social groups which are unequal compared to one another in terms of material-property, socio-professional and self-identification criteria: the lowest group is called “extremely dysfunctional”; the below-average group – “dysfunctional”; the average group – “partially fortunate”; the above-average group – “fortunate”; and the highest group – “the most fortunate”.

Keywords: social inequality, social stratification, stratification criteria, social expectations, living standards, social profile.

References

Alekseenok A. A., Kaira Y. V., Baranochnikov V. A. Social'noe neravenstvo i social'naja napriazhionnost' [Social Inequality and Social Tensions: Scientific Monograph]. Oriol, RANEPА publ., 2016. 244 p.

Golenkova Z. T. Izbrannyye trudy [Selected Works]. Moscow, Novy khronograph, 2014. 343 p.

Gorshkov M. K. Obschestvennye neravenstva kak obiekt sociologicheskogo analiza [Social Inequality as an Object of Sociological Analysis]. Sociologicheskie issledovaniya, 2014, no 7, pp. 20–31.

Gorshkov M. K. Rossiyskoe obschestvo kak ono est': opyt sociologicheskoy diagnostiki [Russian Society as it is: the Experience of Sociological Diagnosis]. Moscow, Novy khronograph, 2011. 672 p.

Т е м а н о м е р а : С о с т о я н и е с о ц и а л ь н ы х с л о ё в и г р у п п в р е г и о н а х с о в р е м е н н о й Р о с с и и

У р о в е н ь и о б р а з ж и з н и б е д н о г о н а с е л е н и я в р е г и о н а л ь н о м с о ц и у м е

Кошарная Галина Борисовна –
доктор социологических наук, профессор,
Пензенский государственный университет,
Пенза

E-mail: k-galina1@yandex.ru

Каримова Людмила Федоровна –
старший преподаватель,
Пензенский государственный университет,
Пенза

E-mail: lyudmila_vyargizova@mail.ru

Уровень и образ жизни бедного населения в региональном социуме

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.411

Аннотация. Российские реформы конца XX – начала XXI вв. способствовали серьёзным изменениям структуры общества, в ходе которых в социально-стратификационной структуре современного российского общества резко выросла численность бедных слоёв населения. Трансформация социальной структуры современного российского общества обуславливает необходимость исследования уровня и образа жизни бедного населения в региональном социуме. Статья посвящена анализу материального положения основных групп бедных в Пензенском регионе. Анализируется социальное неравенство, оказывающее наибольшее влияние на уровень жизни бедного населения. Рассмотрены уровень бедности и уровень доходов. На основе публикаций российских социологов и проведённого исследования по проблеме социального неравенства выявлены основные причины и факторы, влияющие на риск бедности населения. Обосновывается вывод о том, что в настоящее время существенное влияние на увеличение числа бедных, а также на их материальное положение оказывают безработица, высокие тарифы на жилищно-коммунальные услуги и низкий уровень оплаты труда. Показано, что для современного этапа развития российского общества также характерно существенное увеличение женской бедности по сравнению с мужской. Результаты исследования свидетельствуют, что бедные слои населения практически не имеют возможности воспользоваться платными услугами образования и здравоохранения. В таких условиях отсутствует качественная социализация детей из бедных семей, реализация их потенциальных способностей и интеллектуальное развитие. Таким образом, проблема бедности, приобретая устойчивый характер, оказывает существенное негативное влияние на воспроизводство человеческого капитала населения российского общества. Особое внимание уделено анализу динамики регионального уровня бедности, который показал снижение уровня жизни бедного населения в городе и его повышение в сельской местности. Анализ основных подходов к измерению уровня бедности в современной России не позволяет получить однозначных результатов, поэтому для более точных результатов в статье использована комбинированная методика исследования бедности, основанная на сочетании трёх подходов: абсолютный, относительный и субъективный. По результатам исследования в статье определены необходимые социально-экономические ресурсы по преодолению состояния бедности в регионе и сформулированы основные направления социальной поддержки бедных.

Ключевые слова: бедность, бедные слои населения, предбедные, уровень и образ жизни, социальная поддержка

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках гранта «Консолидация различных социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов в условиях современной России», проект № 15-03-00382 а.

Одной из важнейших социальных проблем современного российского общества является бедность значительных слоёв населения. Бедность устанавливает ограниченность доступа к качественным услугам здравоохранения и образования, престижной работе, успешной социализации молодёжи [Голенкова 2011: 163].

Как известно, уровень и образ жизни зависят от качественных (уровень образования и медицинского обслуживания, характер труда и социальное положение) и количественных показателей (уровень и структура потребления товаров и услуг, жилищные условия, объём выплат и льгот из общественных фондов потребления).

В 2013–14 гг. кафедрой «Социология и управление персоналом» Пензенского государственного университета было проведено исследование с целью выявления уровня бедности и адаптационных ресурсов бедного населения из числа зарегистрированных в органах социальной защиты граждан Пензы и Пензенской области (Пенза, $n = 412$, Пензенская область, $n = 404$). В качестве критерия отбора респондентов использовался абсолютный подход, т. е. опрашивались бедные граждане, чей среднедушевой доход был ниже уровня прожиточного минимума. В процессе исследования среди бедного слоя населения нами была выделена страта предбедных – тех, кто согласно самооценке имеют доходы от одного до полутора прожиточных минимумов.

Величина прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации и по основным социально-демографическим группам населения Пензенской области в период проведения исследования представлена в [таблице 1](#).

Таблица 1

Величина прожиточного минимума в Пензенской области,
руб. на душу населения

Год	В целом		Пензенская область (по группам населения)		
	Российская Федерация	Пензенская область	Трудоспособное население	Пенсионеры	Дети
I квартал 2014	7688	6290	6763	5202	6330
I квартал 2015	9662	8133	8764	6728	8273
I квартал 2016	9776	8401	9038	6878	8811

Источник: <http://www.consultant.ru/document/> [Дата посещения: 20.06.16].

В соответствии с абсолютным подходом на [рис. 1](#) представлено распределение бедного и предбедного населения исследуемой выборки в зависимости от *размера среднего дохода семьи*. Исследование показало, что бедного населения гораздо

больше (68 и 80%), чем предбедного (32 и 20%), как в городе, так и в области, т. е. предбедные составляют пятую часть бедного населения в области. В городе соотношение между бедным и предбедным населением составляет (68 и 32%, соответственно). Результаты исследования выявили значительное преобладание бедных в регионе среди сельских жителей. Можно предположить, что полученные данные, скорее всего, связаны с отсутствием работы и низким уровнем заработной платы в сельской местности.

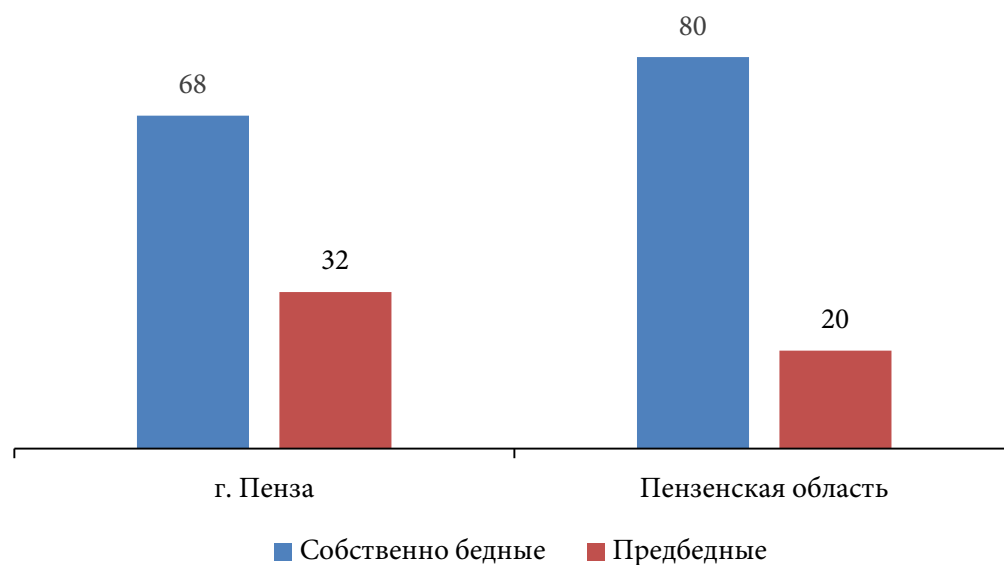

Рис. 1. Распределение бедного населения в зависимости от размера среднего дохода семьи респондента

Абсолютные показатели доходов семьи с учётом разницы стоимости жизни в разных населённых пунктах не дают точного представления об уровне и качестве жизни бедных слоёв населения. Поэтому исследование уровня жизни бедного населения мы сопоставляли с самооценкой материального положения бедных семей.

Как видно из данных [таблицы 2](#), в целом по выборке более половины (54,8%) бедных слоёв в регионе (из них 57,5% городского и 52% сельского населения) оценивают уровень собственных доходов как возможность приобретения только продуктов питания и товаров первой необходимости, что характерно для бедного населения современной России [Овчарова и др. 2014: 3–5]. Анализируя самооценку материального положения бедных семей, следует отметить более низкий уровень жизни городского населения в сравнении с сельским. На наш взгляд, это связано с тем, что у сельских жителей есть возможность обеспечить свою семью сельскохозяйственными продуктами, выращенными самостоятельно. Кроме того, абсолютные показатели доходов и разница стоимости жизни в городе и на селе различны.

Таблица 2

Распределение бедного населения в зависимости от самооценки материального положения семьи респондента, %

Варианты ответов	В целом по выборке, n = 816	г. Пенза, n = 412	Пензенская область, n = 404
Денег не хватает даже на питание	7,6	10,9	4,2
Денег хватает только на питание и товары первой необходимости	54,8	57,5	52,0
Денег хватает на покупку товаров длительного пользования, однако приобретение автомобиля, квартиры недоступно	28,7	24,3	33,1
Затрудняюсь ответить	8,9	7,3	10,7
Итого	100,0	100,0	100,0

Для более полного представления об уровне жизни в регионе на рис. 2 показана динамика изменения самооценки материального положения семей респондентов с 2008 по 2014 гг.

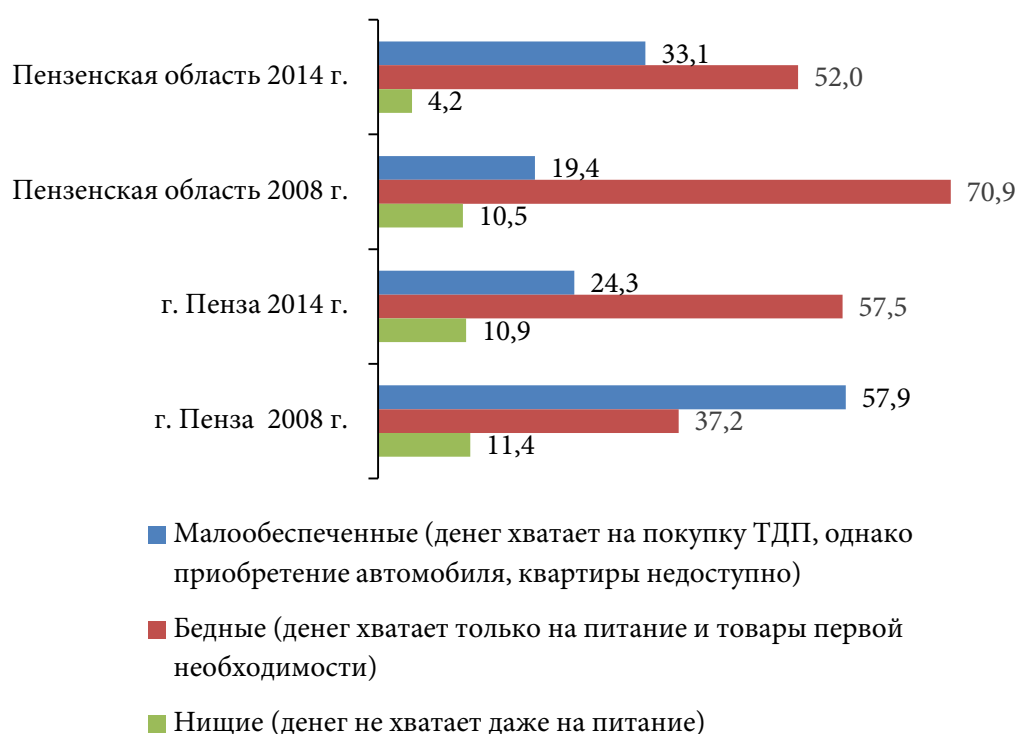

Рис. 2. Динамика доли бедного населения в регионе в зависимости от самооценки материального положения семьи респондента, 2008 и 2014 гг., %, n = 788 и 816, соответственно

Примечание. Результаты 2008 г. здесь и далее представлены по: [Социокультурные ценности... 2009: 59–60]; данные за 2014 г. – авторское исследование.

Динамика самооценок населения показывает значительное увеличение бедного населения в городе с 37,2% в 2008 г. до 57,5% в 2014 г. Сельские жители, наоборот, к 2014 г. (52%) смогли частично преодолеть материальные трудности и благополучно адаптироваться в современном российском обществе по

сравнению с 2008 г. (70,9%). Также следует отметить увеличение малообеспеченного населения в области в период с 2008 по 2014 гг. на 13,7% и сокращение на 33,6% в городе. Важно отметить и существенное сокращение нищих семей в области, у которых денежных средств не хватает даже на питание, с 10,5% в 2008 г. до 4,2% в 2014. Представленная динамика самооценки материального положения населения в регионе 2008–14 гг. бесспорно подтверждает повышение уровня жизни в сельской местности и ухудшение в городе. Данная ситуация характеризуется тем, что в 2014 г. среди сельских жителей стало больше малообеспеченных и меньше бедных и нищих семей, а в городе, наоборот, прослеживается тенденция постоянного обнищания населения, т. е. малообеспеченные семьи в силу сложившихся обстоятельств оказываются бедными. Анализ динамики регионального уровня бедности (см. рис. 3) показал, что экономический кризис 2008 г. замедлил темпы роста доходов населения [Козырева 2014: 26–28] и тем самым вызвал существенное увеличение уровня бедности (54%) в регионе. В 2014 г. не наблюдалось такого резкого изменения уровня бедности (54,8%), но следует отметить, что его увеличения в регионе удалось избежать за счёт улучшения материального положения сельского населения Пензенской области. В связи с тяжёлым материальным положением в стране в 2015 г. наблюдалось увеличение уровня бедности в регионе (56,3%).

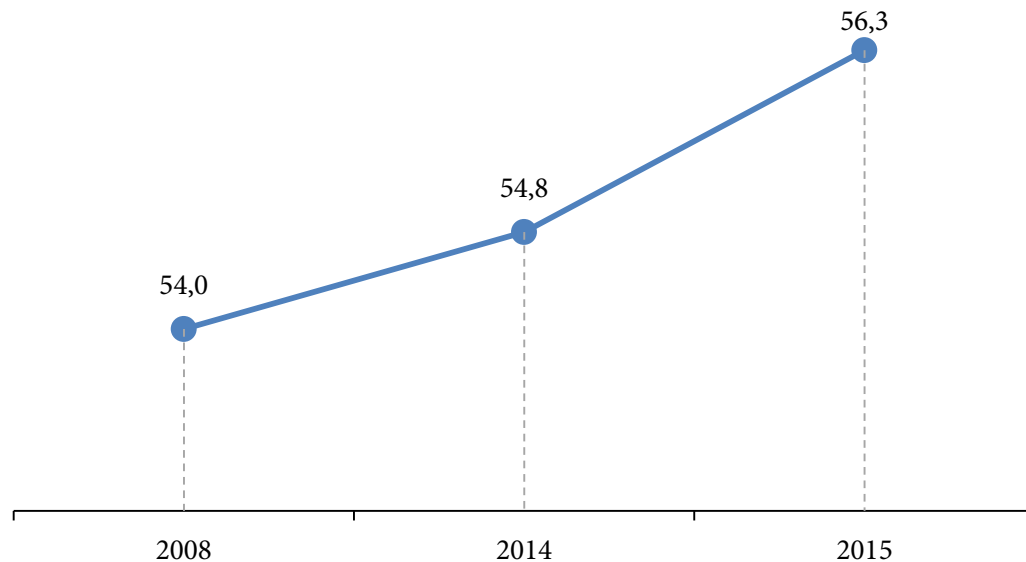

Рис. 3. Динамика уровня бедности в регионе за 2008–15 гг. согласно самооценке респондентов

Представления о причинах попадания в состояние бедности у бедных, проживающих в сельской местности, заметно отличаются от представлений бедных, проживающих в городе, и бедных «по доходам» в целом по России (см. таблицу 3). Бедные в сёлах чаще отмечают три основные причины: длительная безработица (43,1%), пассивность, неприспособленность к жизни (41,6%), болезнь и инвалидность (32,4%). Бедные в городе гораздо чаще, чем бедные в селе, отмечают следующие причины бедности: невыплаты зарплаты на предприятиях, задержки соци-

Динамика самооценок населения показывает значительное увеличение бедного населения в городе с 37,2% в 2008 г. до 57,5% в 2014 г. Сельские жители, наоборот, к 2014 г. (52%) смогли частично преодолеть материальные трудности и благополучно адаптироваться в современном российском обществе по сравнению с 2008 г. (70,9%).

альных пособий (32%), недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению (20,6%), наличие большого числа иждивенцев (10,4%) и отсутствие поддержки со стороны родственников, друзей, местного сообщества в целом (5,8%).

Таблица 3

Представления респондентов о причинах бедности, %

Причины бедности	Бедные «по доходам» РФ*	В целом по выборке	г. Пенза	Пензенская область
Длительная безработица	18,0	41,3	39,6	43,1
Невыплаты зарплаты на предприятии, задержки социальных пособий	7,0	28,9	32,0	25,7
Семейные неурядицы	18,0	7,8	8,5	7,2
Болезнь, инвалидность	13,0	33,8	35,2	32,4
Низкий уровень жизни родителей	6,0	4,0	4,4	3,7
Проживание в бедном регионе (районе, городе, местности)	10,0	22,4	21,6	23,3
Отсутствие поддержки со стороны родственников, друзей, местного сообщества в целом	10,0	3,7	5,8	1,5
Недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению	19,0	15,8	20,6	10,9
Пассивность, неприспособленность к жизни	1,0	31,1	20,9	41,6
Наличие большого числа иждивенцев	11,0	8,1	10,4	5,7
Низкая квалификация, плохое образование	14,0	11,4	8,5	14,4
Смена места жительства (мигранты, беженцы)	1,0	2,3	2,7	2,0
Нежелание менять привычный образ жизни	1,0	17,0	11,6	22,5
Не везёт в жизни	13,0	5,9	7,3	4,5
Другое	–	4,7	7,3	2,0

Примечание. Ответ на вопрос предполагал многовариантность, поэтому сумма ответов по каждому населённому пункту превышает 100%.

*Результаты по РФ представлены из книги: [Бедность и бедные... 2014: 24].

По результатам исследования учёных Института социологии РАН, бедные «по доходам» (т. е. те, чей среднедушевой доход на одного члена семьи ниже официально установленного прожиточного минимума) в качестве основных причин низкого уровня и качества жизни выделяют недостаточность госу-

дарственных пособий по социальному обеспечению, длительную безработицу и семейные неурядицы (по 18%) [Горшков, Тихонова 2014: 24]. Важно отметить, что такая причина, как «недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению», чаще встречается у бедных в городе, чем в сельской местности (20,6 и 10,9%, соответственно).

Можно предположить, что полученные результаты связаны с отсутствием информации у сельских бедных, имеющих право на получение социальных пособий. Бедные в городе, наоборот, имеют необходимую информацию, но для назначения социальных пособий им нужно собрать документы по перечню и неоднократно посетить сотрудников социального управления. В результате у бедных семей пропадает желание оформлять социальные пособия. Среди бедного населения в сёлах, более чем в городе, распространена такая причина бедности, как низкая квалификация и плохое образование (14,4 и 8,5%, соответственно). На наш взгляд, это связано с отсутствием возможности для бедного населения в сельской местности получить необходимое образование и квалификацию. «Пассивность, неприспособленность к жизни» и «нежелание менять привычный образ жизни» как причины бедности гораздо чаще встречаются в ответах сельских бедных, чем городских (41,6 и 20,9% в селе и 22,5 и 11,6% в городе).

Бедные в городе чаще всего не чувствуют за собой ответственности за трудное материальное положение семьи, а винят в нём государство, которое не обеспечило их ни высокооплачиваемой работой, ни пособиями достаточного размера для преодоления бедности, и близких родственников, которые не помогают им материально. Сельские жители, наоборот, причину низкого уровня жизни ищут как в своём окружении, так и внутри себя. Но всё же основной причиной бедности в современном обществе как среди сельских жителей, так и городских, по мнению респондентов, является длительная безработица. Так считают 43,1% сельских и 39,6% городских респондентов.

Анализируя самооценку качества жизни бедного населения (см. рис. 4), можно отметить, что бедные «по лишениям» (т. е. те, кто испытывают недостаточную удовлетворённость потребностей в пище, одежде и обуви, жилищных условиях, получении качественной медицинской помощи, по сравнению с принятым в данном обществе стандартом жизни) г. Пензы, в сравнении с областью, не имеют возможности нормального удовлетворения даже первостепенных потребностей. Основными проблемами, препятствующими нормальной жизнедеятельности бедных «по лишениям» в городе являются недоступность приобретения и низкое качество одежды и обуви (19,2%), жилья (15,8%) и плохое питание (13,4%). Следует отметить, что физи-

Пассивность, неприспособленность к жизни» и «нежелание менять привычный образ жизни» как причины бедности гораздо чаще встречаются в ответах сельских бедных, чем городских (41,6 и 20,9% в селе и 22,5 и 11,6% в городе).

ологические потребности сельского населения удовлетворены практически полностью вследствие наличия подсобного хозяйства, но для покупки необходимых товаров (лекарств, одежды, обуви и т. д.) они вынуждены брать деньги в долг чаще, чем городские бедные (26,0 и 19,2%, соответственно).

Рис. 4. Самооценка качества жизни семьи респондента

Примечание. Ответ на вопрос предполагал многовариантность, поэтому сумма ответов по каждому населённому пункту превышает 100%.

Что касается предоставления услуг, то бедные «по лишениям» г. Пензы более всего озабочены низким уровнем медицинского обслуживания (35,2%) и отсутствием возможности проведения досуга и отпуска (23,1%). Для бедных «по лишениям» в сельской местности, наоборот, основной проблемой оказалось отсутствие возможности проведения досуга и отпуска (33,2%), так как это требует финансовых затрат и времени, которых у них не имеется.

Кроме того, сельских жителей больше, чем городских (16,4 и 11,9%, соответственно), беспокоит проблема отсутствия возможности для детей добиться в жизни достойного положения в обществе. Большинство бедных семей Пензенской области прилагают все усилия для того, чтобы их дети получили высшее образование и обосновались в городе, не возвращаясь в село, так как в настоящее время там отсутствуют перспективы трудоустройства, а значит, их ждут низкий уровень и качество жизни, т. е. состояние бедности.

Одним из основных признаков бедности в настоящее время являются *плохие жилищные условия*. Не учитывая даже тип дома, год его постройки и его состояние, проблема вполне очевидна.

Как видно из данных таблицы 4, большая часть бедного населения в городе и селе имеет собственное жилье (70,2 и 67,1%, соответственно), хотя у 34,5% городских и 25,7% сельских бедных оно не соответствует санитарной норме (12 м² на одного человека против менее 10 м² в действительности). Около четверти городских (21,9%) и почти треть сельских бедных (28,0%) не имеют собственного жилья и вынуждены арендовать его или проживать в коммуналках и общежитиях.

Важным моментом является то, что 87,0% сельского бедного населения имеет в собственности землю, которая и помогает им в удовлетворении первоочередных потребностей.

Таблица 4

**Распределение бедного населения
в зависимости от имеющихся в собственности объектов недвижимости
респондентов**

Варианты ответов	г. Пенза	Пензенская область
Квартира, дом	70,2	67,1
Часть дома, доля в квартире	2,7	1,0
Дача, участок с домом	15,5	11,4
Участок без дома	2,2	2,0
Земля	2,4	87,0
Гараж или место на коллективной стоянке	8,0	9,7
Не имею недвижимости в собственности	21,9	28,0

Примечание. Ответ на вопрос предполагал многовариантность, поэтому сумма ответов превышает 100%.

На качество жизни бедных слоёв населения значительно влияет *потребление платных социальных услуг*. Как видно из данных [таблицы 5](#), практически третья часть бедного и предбедного населения в регионе не имеют возможности пользоваться платными социальными услугами. Единственной разновидностью платных социальных услуг, которую бедные и предбедные используют чаще всего, являются услуги медицинские. Однако предбедное население в области пользуется услугами данного типа чаще, чем такое же население в городе (79,0 и 59,8%, соответственно). Скорее всего, такая ситуация связана с отсутствием возможности получения квалифицированной медицинской помощи в районах области. Учитывая данные обстоятельства, сельским жителям за получением медицинских услуг приходится обращаться в областную поликлинику. Но, как правило, запись на приём к врачу ведётся за 2–3 недели, к тому же в поликлинике всегда многочисленные очереди.

Таблица 5

Распределение бедного и предбедного населения в зависимости от использования платных социальных услуг

Виды платных услуг	Бедное население		Предбедное население	
	Город	Область	Город	Область
Медицинские услуги	60,7	60,7	59,8	79,0
Оздоровительные услуги для взрослых (фитнес, бассейн, санатории)	8,9	10,8	12,1	22,2
Оздоровительные учреждения для детей (бассейн, секции)	12,5	12,7	10,6	16,0
Образовательные услуги для детей	18,2	18,9	10,6	29,6
Туристические поездки за рубеж	3,2	1,9	9,8	4,9
Не пользуемся ничем из вышеперечисленного	29,6	28,8	31,0	16,0

Примечание. Ответ на вопрос предполагал многовариантность, поэтому сумма ответов по каждому уровню жизни превышает 100%.

С целью экономии времени и денег на проезд, желающие своевременно получить медицинскую помощь обращаются в частные клиники или записываются на платный приём, т. е. они вынуждены пользоваться платными медицинскими услугами.

Особенно тревожит невозможность использования бедными семьями платных социальных услуг для детей. Услугами детских оздоровительных учреждений бедное население в области и городе пользуется лишь немногим более 12%. Только небольшая часть предбедных семей (10,6%) в городе пользуются платными образовательными услугами, хотя в городе имеется

множество кружков, секций, частных преподавателей. Среди сельских жителей 16% таких семей пользуются платными оздоровительными секциями вероятно потому, что в школе их просто нет. Такая же ситуация и с доступностью платных образовательных услуг. Но следует отметить, что предбедные семьи в области чаще таких же семей в городе пользуются платными образовательными услугами (29,6 и 10,6%, соответственно). Возможно, это связано с высокой оплатой данных услуг в городе или отсутствием времени из-за большей загруженности школьников в городе, чем в области. Отсюда следует, что дети из бедных семей вырастают с заведомо худшим человеческим капиталом, который сочетается у них с практически нулевым экономическим ресурсом семьи. Таким образом, бедность начинается воспроизводиться от поколения к поколению, и уже с детства формируется чувство ущербности.

Рассматривая уровень и качество жизни бедного населения, следует рассмотреть такой фактор их материального положения, как невозможность удовлетворить первоочередные потребности и нужды без долгов (см. рис. 5).

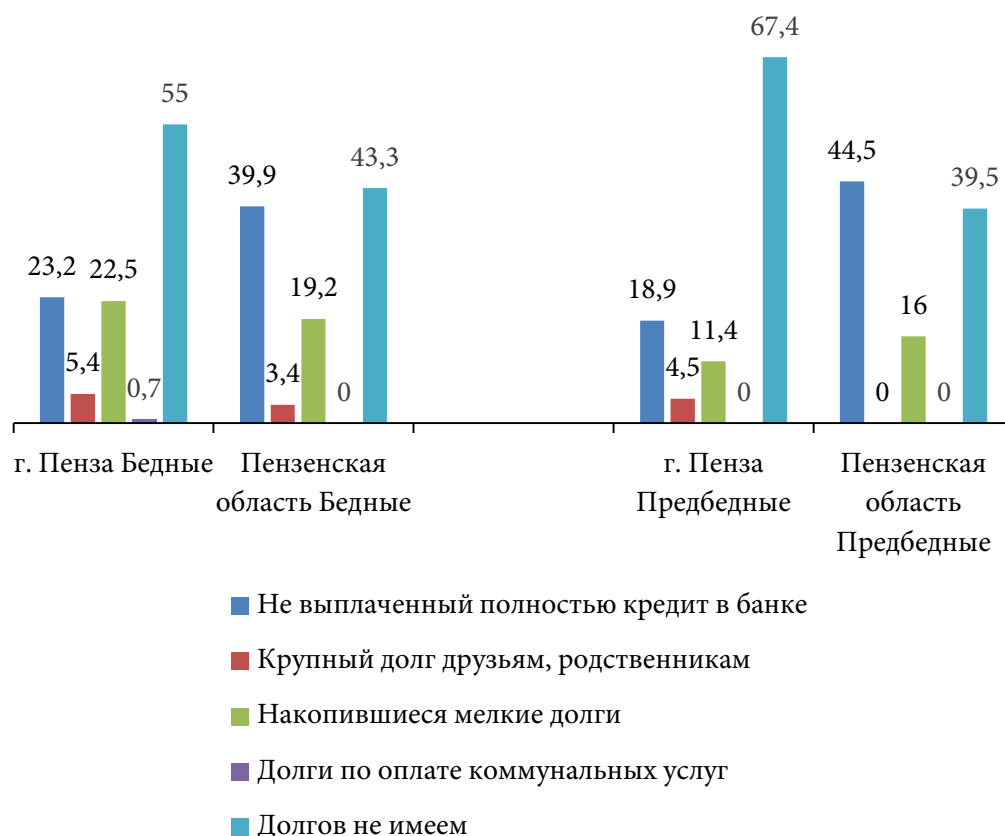

Рис. 5. Распределение бедного и предбедного населения в зависимости от наличия долгов в семье респондента

Примечание. Ответ на вопрос предполагал многовариантность, поэтому сумма ответов по каждому уровню жизни превышает 100%.

Исследование доказало, что большинство бедных слоёв населения в регионе имеют постоянные долги. Лишь 43,3% бедного и 39,5% предбедного населения в области не имеют долгов, т. е. более половины бедных сельских жителей имеют

долговую нагрузку. В городе ситуация с долгами обстоит немного лучше: 55% бедного и 67,4% предбедного населения берут в долг для удовлетворения первоочередных потребностей. Рассматривая перечень долгов, следует отметить, что наиболее распространёнными среди бедного населения являются невыплаченный полностью кредит в банке и накопившиеся мелкие долги. Кроме того, кредитная нагрузка бедного и предбедного населения в городе и области различается не только характером, но и самим фактом наличия данного вида долга. Доля имеющих невыплаченный кредит в банке среди бедных и предбедных сельских жителей (39,9 и 44,5%, соответственно) почти вдвое больше, чем среди горожан (23,2 и 18,9%, соответственно).

Имеющийся кредитный долг у сельских жителей заводит их семьи в долговую яму, так как для области характерен низкий уровень и постоянные задержки заработной платы, а также оплата труда продуктами питания, часто долговременного пользования (мука, крупы и т. д.). Следовательно, обязательные ежемесячные платежи по кредиту чаще приводят к материальным трудностям для населения области. Однако доля имеющих мелкие долги среди бедных в области меньше, чем в городе (19,2 и 22,5%, соответственно). Долги по оплате коммунальных услуг имеют только 0,7% бедного населения Пензы, а бедные в сельской местности не имеют таких долгов вовсе. В сельской местности стоимость коммунальных услуг не столь велика, и в крайнем случае можно самостоятельно обеспечить свою семью теплом и водой, что является существенной экономией для семейного бюджета.

Особое внимание следует уделить анализу имеющихся *сбережений* у бедного населения в регионе (см. таблицу 6). Важно отметить, что у более половины бедных как в городе, так и в селе сбережений не имеется (65 и 70%, соответственно). И только лишь около 7% бедного населения в регионе имеют сбережения, достаточные, чтобы жить на них не менее года.

Таблица 6

Распределение бедного населения
в зависимости от имеющихся сбережений респондентов, %

Варианты ответов	В целом по выборке, n = 816	г. Пенза, n = 412	Пензенская область, n = 404
Сбережения, достаточные, чтобы жить на них не менее года	7	7,3	6,7
Сбережения, недостаточные, чтобы жить на них длительное время	25,1	27,4	22,8
Сбережения не имеются	67,5	65	70
Другое (откладываю на похороны)	0,4	0,3	0,5
Итого	100	100	100

Долги по оплате коммунальных услуг имеют только 0,7% бедного населения Пензы, а бедные в сельской местности не имеют таких долгов вовсе.

Бедность является следствием разнообразных и взаимосвязанных факторов. На риск попадания в состояние бедности большое влияние оказывают социально-демографические факторы, одним из которых является *возраст*. С увеличением возраста трудоспособного населения уровень жизни падает, что приводит к росту доли бедного населения (см. таблицу 7).

Проведённое исследование в соответствии с абсолютным подходом к измерению уровня бедности показало значительное увеличение бедного трудоспособного населения Пензы в возрасте от 45 до 54 лет (29,1%). Как правило, в современном обществе трудоспособному населению в предпенсионном возрасте очень сложно найти постоянную работу, в результате чего уровень доходов данной категории резко падает, что и приводит к бедности.

В ходе исследования выявлено, что бедные «по доходам» в сельской местности гораздо моложе. Большая часть (35,6%) бедных «по доходам» на селе – в возрасте от 35 до 44 лет. При этом 88,2% относятся к собственно бедным и только 9,7% – к предбедному населению. Полученные данные связаны с отсутствием рабочих мест в сельской местности и большей иждивенческой нагрузкой.

Таблица 7

Распределение бедного и предбедного населения
в зависимости от возраста, %

Уровень бедности	Возраст					
	20–24	25–34	35–44	45–54	55–64	Старше 65
г. Пенза						
Собственно бедные	66,7	78,4	74,7	70,0	60,9	41,0
Предбедные	33,3	21,6	25,3	30,0	39,1	59,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Пензенская область						
Собственно бедные	82,4	70,8	88,2	67,6	84,7	76,5
Предбедные	17,6	29,2	9,7	32,4	15,3	23,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Выявлено снижение уровня жизни городского населения после выхода на пенсию (55 лет для женщин и 60 – для мужчин), так как пенсионных выплат для жизни в городе, как правило, не хватает даже для удовлетворения первостепенных нужд. В сельской местности, наоборот, с выходом на пенсию повышается уровень жизни и уменьшается доля бедных «по доходам» (14,6%), так как даже минимальной пенсии порой достаточно для удовлетворения жизненно важных потребностей. Таким образом, фактором, определяющим уровень жизни, является не только возраст, но и сам факт выхода на пенсию.

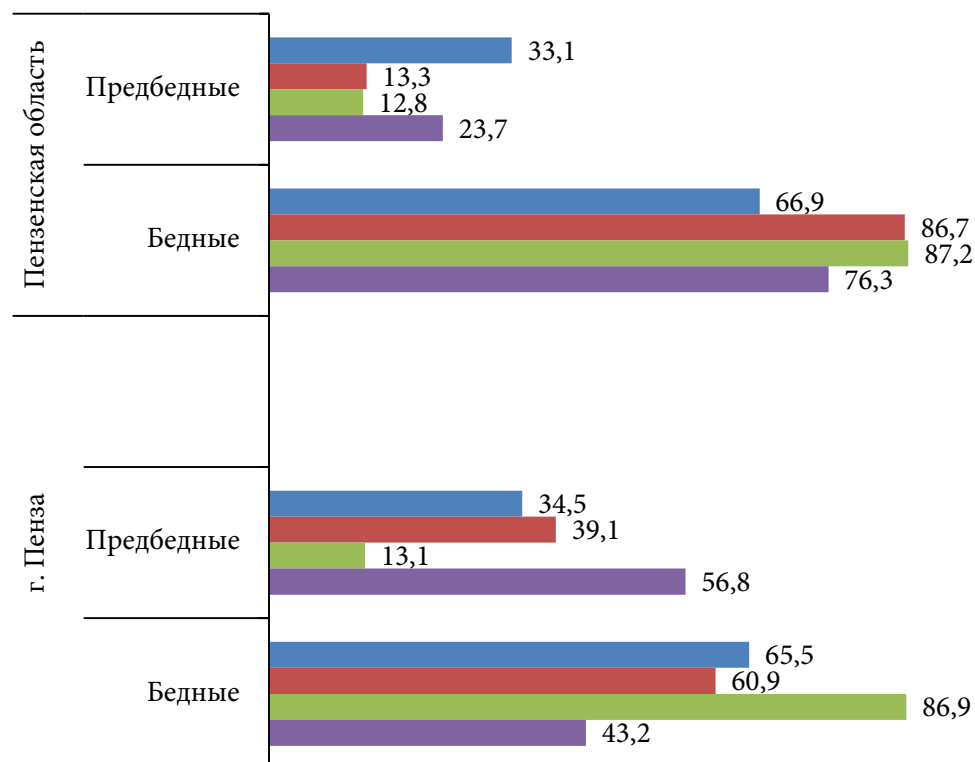
По результатам исследования выявлено, что одной из причин бедности выступает *здоровье*. Среди респондентов, имеющих проблемы со здоровьем, 71,6% относятся к собственно бедным, 28,4% – к предбедным. Важно отметить, что чем хуже

Выявлено снижение уровня жизни городского населения после выхода на пенсию, так как пенсионных выплат для жизни в городе не хватает даже для удовлетворения первостепенных нужд. В сельской местности, наоборот, с выходом на пенсию повышается уровень жизни и уменьшается доля бедных «по доходам» (14,6%), так как даже минимальной пенсии порой достаточно для удовлетворения жизненно важных потребностей.

состояние здоровья, тем выше риск попадания в состояние бедности, так как слабое здоровье требует больших финансовых затрат на лекарства и медицинское обслуживание и лишает человека возможности эффективно трудиться.

Одним из основных факторов, влияющих на низкий уровень жизни в регионе, является *семейное положение* бедных. Проведённое исследование позволило выявить максимальную численность бедных среди городских и сельских жителей, состоящих в браке (59 и 71,8%, соответственно). Это связано с тем, что в большинстве семей, состоящих в браке, присутствует иждивенческая нагрузка.

В современных условиях тяжелее приходится разведённым женщинам, которые в одиночку содержат находящихся на их попечении детей. Особо стоит отметить, что на материальное положение бедных влияет соотношение работающих и неработающих членов семьи. В ходе исследования было выявлено максимальное увеличение риска бедности, когда семья в качестве иждивенцев имеет несовершеннолетних детей (см. рис. 6). Наиболее бедственное положение наблюдается у семей с несколькими детьми, т. е. рождение второго и следующих детей повышает риск бедности как в городе, так и в сельской местности (86,9 и 87,2%, соответственно).

- Только из взрослых людей трудоспособного возраста (родители и дети 18–55 лет)
- Только из молодых людей (18–30 лет)
- Из родителей и детей дошкольного, школьного возраста
- Только из людей пенсионного возраста

Рис. 6. Распределение бедного и предбедного населения в зависимости от иждивенческой нагрузки респондентов

Существует большая вероятность оказаться в состоянии предбедности у пожилых одиноких людей. Выявлено, что 100% опрошенных одиноких пенсионеров в городе относятся к страте предбедных. Кроме того, 67,4% бедных пенсионеров проживают парами. Следует отметить, что для семей из пожилых людей важны не столько качественные характеристики (тип иждивенческой нагрузки), сколько количественные (уровень иждивенческой нагрузки), когда они не имеют возможности удовлетворить даже свои минимальные потребности.

Если сравнивать иждивенческую нагрузку (детей и пенсионеров), то несовершеннолетние дети влекут больший риск для семьи оказаться в состоянии бедности, чем пенсионеры. Как в городе, так и в сельской местности больше половины бедных семей состоит из родителей и детей дошкольного и школьного возраста (86,9 и 87,2%, соответственно).

Результаты исследования показывают высокую долю бедных (76,5%) среди работающего населения. В таблице 8 представлены сферы деятельности с наибольшим и наименьшим уровнем бедности среди работающего населения. Наибольшее количество бедных зафиксировано в сфере торговли (27%), а предбедного населения – в сфере социального обслуживания (32,5%).

Таблица 8

Распределение бедного и предбедного населения в регионе в зависимости от сферы деятельности респондентов, %

Уровень бедности	Сфера деятельности								
	Образование	Здравоохранение	Промышленность, строительство	Сфера социального обслуживания	Торговля	Транспорт	Сельское хозяйство	Другое	Итого
Бедные	16,0	12,3	16,0	18,5	27,0	5,7	0,4	4,0	100,0
Предбедные	16,0	5,3	5,9	32,5	25,4	5,3	2,4	7,1	100,0

Низкооплачиваемые сферы деятельности можно объединить в две группы: к первой относятся бюджетные организации и учреждения: социальное обеспечение (18,5%), промышленность (16%), образование (16%) и здравоохранение (12,3%). Вторая группа – частные предприятия: торговля (27%) и транспорт (5,7%). Выявлено, что основная часть бедного населения в регионе (70,3%) состоит из лиц, занятых в государственном секторе. Эти слои населения имеют работу, они в состоянии купить еду и одежду, но у них не хватает денег на товары длительного пользования. Такое материальное положение среди работающих бедных связано с низкой заработной платой на государственных предприятиях и частичной занятостью.

Результаты исследования позволили выявить основные факторы, определяющие риск бедности и предбедности населения в регионе, которые можно объединить в следующие группы: социально-демографические (возраст, пол, семейное положение, иждивенческая нагрузка), профессиональные (уровень образования, сфера деятельности, сектор экономики) и медицинские (состояние здоровья). Следует отметить, что был выявлен ещё один не менее важный фактор, влияющий на уровень жизни населения, – территориальный, т. е. место проживания (город/село) [Каримова, Кошарная 2014: 38–40].

В заключение следует подчеркнуть, что проблема бедности в современном обществе является одной из основных проблем современной России. Именно бедность определяет ограниченность доступа значительной части населения современного российского общества к ресурсам развития: высокооплачиваемой работе, качественным услугам образования и здравоохранения, возможности успешной социализации детей и молодёжи, что препятствует активному участию значительной части населения в модернизации российского общества [Халий 2008: 68–69].

При решении проблем низкого уровня и качества жизни населения необходима государственная поддержка по преодолению бедности, приоритетными задачами которой должны стать: создание новых рабочих мест в городской и сельской местности; повышение минимального размера заработной платы работающего населения; увеличение размера пособий по вынужденной временной безработице; поддержка и развитие инициативы безработных по созданию собственного дела.

Библиографический список

Бедность и бедные в современной России / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014. 304 с.

Голенкова З. Т. 2011. Социальная дифференциация и социальное неравенство населения // Вестник Тюменского государственного университета. № 8. С. 162–168.

Каримова Л. Ф., Кошарная Г. Б. 2014. Факторы, определяющие риск бедности населения в современном российском обществе (региональный аспект) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Социология. Политология. Т. 14. № 4. С. 36–40.

Козырева П. М. 2014. Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. № 6. С. 24–35.

Овчарова Л. Н. и др. 2014. Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней / Л. Н. Овчарова, С. С. Бирюкова, Д. О. Попова, Е. Г. Варданян. М.: НИУ ВШЭ. 35 с.

Социокультурные ценности и жизненные стратегии населения Пензенской области в транзитивном российском обществе: монография / Г. Б. Кошарная, Л. Т. Толубаева, А. П. Шумилин. Пенза: Изд-во ПГУ, 2009. 152 с.

Халий И. А. 2008. Общественные движения в России до конца 1920-х годов: развитие в эпоху трансформаций // Социологический журнал. № 2. С. 56–70.

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.411

The Living Standards and Lifestyle of the Poor in a Regional Society

Kosharnaya Galina Borisovna

Doctor of sociological sciences, professor, Penza State University, Penza, Russia.

E-mail: k-galina1@yandex.ru

Karimova Lyudmila Fiodorovna

Senior lecturer, Penza State University, Penza, Russia. E-mail: lyudmila_vyargizova@mail.ru

Abstract. Russia's reforms which were conducted during the end of the 20th century and the beginning of the 21st century lead to serious changes in the structure of society, during the course of which we saw a drastic increase in the amount of poor people within modern Russian society's social stratification structure. The transformation of modern Russian society's social structure necessitates the evaluation of the living standards and lifestyle of poor people in regional society. This article¹ is dedicated to analyzing the financial status of the main groups of poor people in the Penza region. Examined is social inequality, which has the greatest impact on the living standards of poor people. Addressed are such matters as levels of poverty and income. Based on publications by Russian sociologists, as well as a conducted study on the issue of social inequality, determined were the main reasons and factors that affect the risks which lead the population to poverty. Substantiated is the conclusion that currently an increase in the amount of poor people, as well as the latter's financial status, is seriously influenced by unemployment, high rates for housing services and low salaries. It was established that a serious increase in female poverty compared to male poverty is also inherent to the contemporary stage of Russian society's development. The results of the study show that poor people are almost completely devoid of the opportunity to use paid educational and healthcare services. Such conditions render impossible the solid socialization of children from poor families, the realization of their potential abilities, as well as their intellectual development. Thus the issue of enduring poverty takes a significant negative toll upon the reproduction of human capital among the population of Russia's society. Careful attention is paid to analyzing the dynamics of poverty on a regional level: said analysis revealed a decrease in the living standards of poor people in cities, and an increase in rural areas. Analyzing the main approaches towards quantifying poverty levels in contemporary Russia does not allow for attaining definitive results, and therefore to achieve more accurate results a combined method of examining poverty is utilized in this article, based on combining three approaches: absolute, relative and subjective. Based upon the results of the study, this article defines the necessary socio-economic resources for overcoming conditions of poverty in the region, and also formulates the main directions for socially supporting the poor.

Keywords: poverty, poor people, borderline poor, living standards and lifestyle, social support.

References

Bednost' i bednye v sovremennoy Rossii [The Poverty and Poor People in Modern Russia]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' mir, 2014. 304 p.

¹ This article has been prepared with financial backing from the RFH (Russian Foundation for Humanities) within the framework of RFH grant "Consolidating the various social classes and groups of the multi-ethnic areas of the Volga region, based on common cultural norms and uniform value priorities in contemporary Russian conditions", project № 15-03-00382a.

Golenkova Z. T. Social'naja differenciacija i social'noe neravenstvo naselenija [Social Differentiation and Social Inequality of the Population]. Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011, no 8, pp. 162–168.

Karimova L. F. Faktory, opredelajuschie risk bednosti naselenija v sovremennom rossiyskom obschestve (regional'ny aspekt) [Factors that Determine the Risk of Poverty in Modern Russian Society (Regional Aspect)]. Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija: Sociologija. Politologija, 2014, Vol. 14, no 4, pp. 36–40.

Khaliy I. A. Obschestvennye dvizhenija v Rossii do konca 1920-h godov: razvitie v epohu transformacij [Social Movements in Russia until the End of the 1920s: the Development in the Era of Transformation]. Sociologicheskij zhurnal, 2008, no 2, pp. 56–70.

Kozyreva P. M. Social'naja adaptacija naselenija Rossii v postsovetskiy period [Social Adaptation of the Population of Russia in the post-Soviet Period]. Sociologicheskie issledovanija, 2014, no 6, pp. 24–35.

Sociokul'turnye cennosti i zhiznennye strategii naselenija Penzenskoy oblasti v tranzitivnom rossiyskom obschestve [Social and Cultural Values and Life Strategies of the Population of the Penza Region in Transitive Russian Society: Monograph]. Penza, PSU, 2009. 152 p.

Uroven' i profil' bednosti v Rossii: ot 1990-h godov do nashih dney [The level and profile of poverty in Russia from the 1990s to the present day]. Ed. by L. N. Ovcharova. Moscow, NRU HSE, 2014. 35 p.

Т е м а н о м е р а : С о с т о я н и е с о ц и а л ь н ы х с л о ё в и г р у п п в р е г и о н а х с о в р е м е н н о й Р о с с и и

Р о с с и й с к и й п р е к а р и а т : п р о б л е м ы н а к о п л е н и я ч е л о в е ч е с к о г о к а п и т а л а

Голенкова Зинаида Тихоновна –
доктор философских наук, профессор,
руководитель Центра исследования социальной
структуры и социального расслоения,
Институт социологии Российской академии наук,
Москва

E-mail: golenko@isras.ru

Голиусова Юлия Вячеславовна –
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт социологии Российской академии наук,
Москва

E-mail: ygoliusova@yandex.ru

Российский прекариат: проблемы накопления человеческого капитала

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.412

Аннотация. В статье рассматривается проблема слабой вовлечённости неформально занятого населения России в процесс накопления человеческого капитала путём получения высшего и дополнительного образования, адаптации к условиям рынка труда в различных возрастных и статусных группах. Отличительной чертой нашего времени стало то, что на первый план выдвигается именно капитал знания во всех его проявлениях и капитал миграции, позволяющие индивиду перемещаться в пространстве и во времени, используя постоянно получаемые знания. Эти знания становятся обусловленными их практическим применением, т. е. тем, как человек их использует в своей повседневной деятельности. К прекариям можно отнести и работающих по временному трудовому или гражданско-правовому договорам, и работающих без какого-либо оформления трудовых отношений, и сезонных работников, и молодых специалистов-стажёров, преимущественно выпускников вузов, и так называемую NEET-молодёжь (not in education, employment or training), не занятую ни в системе образования, ни на рынке труда. В российской социологической практике часть прекариата можно операционализировать через официально оформленную полную занятость по трудовому договору по основному месту работы. Конечно, этот критерий выделения не является единственным, но его достоверность не может быть подвергнута сомнению, т. к. официальная статистика фиксирует этот показатель. Прекарии не видят необходимости увеличивать свой индивидуальный человеческий капитал, не используют систему непрерывного образования для его повышения, они достаточно пассивны и инертны. Молодые специалисты выражают согласие пойти на уступки в части зарплатных ожиданий для достижения стабильного статуса на рынке труда. Гибкость – основное качество, которое может привести к стабильности. Чем выше уровень образования и объём человеческого капитала индивида, чем более устойчивым статусом он обладает, тем менее он подвержен спонтанным необдуманым действиям. Также анализируются возможные последствия отсутствия интереса к образованию у прекаризованных слоёв российского общества.

Ключевые слова: прекариат, человеческий капитал, образование, высшее образование, повышение квалификации, молодые специалисты, NEET-молодёжь, опасность ресентимента

Понятие человеческого капитала сформировалось в рамках политической экономии в XIX веке и означало особый вид капиталовложений, совокупность затрат на развитие воспроизводственного потенциала человека, повышение качества и улучшение функционирования рабочей силы. Социологи долгое время использовали это понятие в своей практике. Однако современная экономическая социология признала изучение человеческого капитала частью своего предмета.

С точки зрения социологии, человеческий капитал – это сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определённый запас здоровья, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в той или иной сфере общественного воспроизводства, содействуют росту производительности труда и производства и тем самым влияют на рост доходов (зарботков) данного человека. На практике понятие человеческого капитала чаще всего является синонимом образовательно-квалификационного потенциала общества.

К основным элементам человеческого капитала обычно относят капитал образования, включая общие и специальные знания; капитал подготовки на производстве (квалификация, навыки, производственный опыт); капитал здоровья; обладание экономически значимой информацией (например, о ценах, доходах, прогнозы), которая, потенциально, может принести доход; капитал миграции, обеспечивающий социальную мобильность работников; мотивация трудовой деятельности [Бабенко 2012: 12].

Значимые составляющие современного человеческого капитала

Отличительной чертой нашего времени стало выдвижение на первый план именно капитала знания во всех его проявлениях и капитала миграции, позволяющих индивиду перемещаться в пространстве и во времени. Эти знания подкрепляются их практическим применением, т. е. тем, как человек их использует в своей повседневной деятельности. Возникает потребность в новой образовательной системе непрерывного образования, которая не столько распространяет, тиражирует знания, сколько открывает доступ к ним самым различным социальным группам. В результате образование становится инструментом социальных трансформаций. В рейтингах предпочтений образование, учёба, знания прочно занимают верхние строчки. Понятие «образование» в течение всей жизни становится чрезвычайно востребованным.

Мир стремительно меняется на глазах одного поколения. Динамизм изменений в условиях глобализации экономики и инновационных процессов, происходящих в обществе, приводит к тому, что полученные профессиональные знания стремительно устаревают. Это в свою очередь требует непрерывного повышения квалификации. Практикуются различные

Отличительной чертой нашего времени стало выдвижение на первый план именно капитала знания во всех его проявлениях и капитала миграции, позволяющих индивиду перемещаться в пространстве и во времени.

многочисленные проекты: от обучения сотрудников отдельных компаний до глобальной электронной системы обучения взрослых, включая дистанционное обучение. В ряде университетов в России заключены контракты с Департаментом труда и занятости в регионах, проводится профессиональная переподготовка безработных граждан. Это помогает безработным повысить конкурентоспособность на рынке труда. Университеты в свою очередь также должны стремиться к собственному непрерывному развитию, и только тогда они способны реализовать качественное профессиональное образование, в полной мере учитывая требования рынка труда XXI века.

Особенно остро проблема повышения стабильности и безопасности стоит перед новыми социальными слоями, называемыми прекариатом или прекариями – неформально занятыми в формальном секторе экономики, не имеющими стабильного положения на рынке труда, гарантий занятости и подверженных непрерывным рискам [Голенкова, Голиусова 2015: 47]. Прекариат объединяет в своих рядах несколько стратификационных групп, имеющих одну общую черту – нестабильный статус и отсутствие социальных гарантий. Так, к прекариям можно отнести и работающих по временному трудовому или гражданско-правовому договорам, и работающих без какого-либо оформления трудовых отношений, и сезонных работников, и молодых специалистов-стажёров, в большинстве – выпускников вузов, и так называемую НЕЕТ-молодёжь, не занятую ни в системе образования, ни на рынке труда.

Прекариат современной России

В российской социологической практике часть прекариата можно операционализировать через официально оформленную полную занятость по трудовому договору по основному месту работы. Конечно, этот критерий не является единственным, но его достоверность не может быть подвергнута сомнению, т. к. официальная статистика фиксирует этот показатель.

По данным Росстата, в 2013 г. численность нестабильно занятых составляла 5634 тыс. человек, что равно 8,5% от всех наёмных работников России (рассчитано по http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_61/IssWWW.exe/Stg/2-20.doc). В их числе выделяются работающие по временному трудовому договору, по договору на выполнение определённого объёма работ или оказание услуг на основе устной договорённости. Все эти группы можно причислить к нестабильно занятым, т. к. в любой момент они могут пополнить ряды безработных. Если в первом и втором случаях есть хоть какая-то минимальная гарантия занятости, то в последнем такой гарантии вовсе не существует, ибо нет документа, подтверждающего взаимоотношения работодателя и работника. Мужчин в этой группе больше, чем женщин, что

В российской социологической практике часть прекариата можно операционализировать через официально оформленную полную занятость по трудовому договору по основному месту работы. Конечно, этот критерий не является единственным.

не является мировым трендом, где в «группу риска» попадают чаще всего незащищённые слои населения: молодёжь, женщины, люди предпенсионного возраста.

На основе данных 22-й волны «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)»¹ можно определить, насколько прекарии вовлечены в систему непрерывного образования и способны ли они через неё сформировать персональный положительный человеческий капитал. В поле зрения этой волны опроса домохозяйств, проведённого в 2013 г., попали 410 респондентов, удовлетворяющих условию отсутствия официально оформленной занятости. Они были отфильтрованы в отдельную группу, которая подлежит анализу. В самом общем приближении мы можем обрисовать контуры этого социального слоя.

Среди прекариев преобладают семейные респонденты (62%), большинство из которых (42%) состоят в зарегистрированном браке, а 20% живут с партнёром в незарегистрированном браке. По полу респонденты распределились следующим образом: 53% мужчин и 47% женщин. Большинство (57%) проживают в областном центре. Среди нестабильно занятых преобладает молодёжь в возрасте до 30 лет. По уровню квалификации опрошенные распределились следующим образом (см. таблицу 1).

Таблица 1

Распределение респондентов по уровню квалификации

Социальные группы и слои	%	Ранг среди ответивших
Законодатели; крупные чиновники; руководители высшего и среднего звена	2,0	8,0
Специалисты высшего уровня квалификации	5,4	6,5
Специалисты среднего уровня квалификации; чиновники	7,1	5,0
Офисные служащие и по обслуживанию клиентов	5,4	6,5
Работники сферы торговли и услуг	19,8	2,0
Квалифицированные работники сельского, лесного хозяйства и рыбоводства	0,2	9,0
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	16,6	3,0
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы	16,1	4,0
Неквалифицированные рабочие всех отраслей	27,1	1,0
Неответившие	0,5	
Итого	100,0	

Источник: RLMS-HSE.

¹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

Как видно из таблицы, больше всего неофициально занятых – среди неквалифицированных рабочих, работников сферы услуг, торговли и разного рода квалифицированных рабочих. В целом можно сказать, что в группе неоформленных официально преобладают представители ручного труда и обслуживающий персонал, занятый в третичном секторе.

Преимущественно респонденты имеют достаточно высокий уровень образования. Так, 44% окончили среднюю школу (10–11 классов), 23% – среднее специальное учебное заведение. Приходится констатировать, что достаточно образованные индивиды вынуждены заниматься неквалифицированным трудом.

Вопреки ожиданию, что прекаризации подвергаются в основном трудовые мигранты из стран ближнего зарубежья, данные показывают, что подавляющее большинство опрошенных в группе прекариев являются гражданами России по рождению, что идёт вразрез с мировыми тенденциями, согласно которым чаще всего прекариат пополняется за счёт внешних мигрантов.

Представители прекаризованной группы в целом высказывают удовлетворённость своей работой и условиями труда, но неудовлетворённость оплатой труда, считая её недостаточно справедливой. Причём 36% опрошенных знают, что получают «серую» заработную плату и что работодатель не платит с неё налоги и страховые взносы. 56% подтверждают, что не оформлены официально по инициативе работодателя, который не выражает желания произвести оформление в соответствии с Трудовым кодексом РФ. 88% подтверждают, что за последние 12 месяцев у них не было оплаченного отпуска, а те, у кого он был, говорят, что он составил 14 календарных дней.

Опрошенные оценивают свои шансы на продвижение по службе как не совсем удовлетворительные, т. е. констатируют тот факт, что карьера у них не складывается. Респонденты в целом не боятся безработицы и высоко оценивают свою возможность получить подобную работу в другой организации. В качестве ремарки можно отметить, что самый большой процент среди опрошенных составляют продавцы-консультанты в магазинах, на втором месте – телохранители, на третьем – уборщики помещений.

Каналы трудоустройства вполне предсказуемы. Большинство устроились на работу через друзей и знакомых, другие – через родственников, третьи пришли непосредственно в отдел кадров организации.

Опрошенные прекарии в большинстве не имеют дополнительной занятости или подработки, не выращивают на продажу овощи и фрукты, не разводят живность, не собирают грибы и ягоды, не живут на ренту.

Неформально занятые не отягощают себя различными дипломами и сертификатами. Так, только около 12% этой группы окончили дополнительно профессиональные курсы, чтобы повысить уровень своего базового образования, 4% посе-

Вопреки ожиданию, что прекаризации подвергаются в основном трудовые мигранты из стран ближнего зарубежья, данные показывают, что подавляющее большинство опрошенных в группе прекариев являются гражданами России по рождению, что идёт вразрез с мировыми тенденциями.

56% подтверждают, что не оформлены официально по инициативе работодателя, который не выражает желания произвести оформление в соответствии с Трудовым кодексом РФ.

Опрошенные прекарии в большинстве не имеют дополнительной занятости или подработки, не выращивают на продажу овощи и фрукты, не разводят живность, не собирают грибы и ягоды, не живут на ренту.

щали курсы повышения квалификации, менее 2% получают высшее или второе высшее образование, 0,2% учатся в магистратуре. Немногие окончили водительские курсы. Большинство увеличивающих свой индивидуальный человеческий капитал изыскивают для этих целей личные средства, следовательно, организация, в которой они трудятся, не заинтересована в повышении их уровня образования и квалификации. 72% опрошенных уверенно сказали, что не планируют повышать уровень своего образования в ближайшие три года. Уровень компьютерной грамотности в группе достаточно высок, но компьютер респондентами используется в личных целях для развлечений, поиска информации в интернете, для онлайн-покупок. На работе компьютером респонденты не пользуются.

В целом всё вышесказанное говорит о том, что прекарии не видят необходимости увеличивать свой индивидуальный человеческий капитал, не используют систему непрерывного образования для его повышения, они достаточно пассивны и инертны. По данным исследования, 14% заявляют, что стажа для получения трудовой пенсии у них нет, 63% не хотят менять работу.

Молодёжная подгруппа прекариата

В молодёжной подгруппе прекариата имеются некоторые отличия от «взрослой». Так, прекарная молодёжь делится на две группы на основании их отношения к полной формальной занятости. Одна из них – выпускники высших учебных заведений – стремится занять нишу на рынке труда, прилагая усилия к стабилизации своего статуса на этом рынке. Другая – НЕЕТ-молодёжь – не стремится ни к чему, полагаясь на течение времени, которое несёт их в неизвестность, и на всестороннюю поддержку своих родителей, имеющих стабильный социальный статус.

Согласно статистическим данным, на 10 000 человек в России в 2014/15 учебном году приходилось 356 студентов. В России каждый год выпускается около миллиона молодых специалистов. В 2012 г. среди безработных в возрасте 20–24 лет около 20% имели высшее образование [Российский статистический... 2015].

Те, кто менее образованы, имеют гораздо больше шансов трудоустроиться. Иначе говоря, существует обратная корреляция между образовательным уровнем и лёгкостью трудоустройства.

В безработные также попадает экономически активная молодёжь. Так, в 2014 г. почти 10% экономически активного населения в возрасте 15–29 лет являлись безработными. Причём пик безработицы среди имеющих высшее образование приходился на возраст 20–24 года. Этот факт говорит о том, что трудоустроиться после окончания высшего учебного заве-

Прекарии не видят необходимости увеличивать свой индивидуальный человеческий капитал, не используют систему непрерывного образования для его повышения, они достаточно пассивны и инертны. По данным исследования, 14% заявляют, что стажа для получения трудовой пенсии у них нет, 63% не хотят менять работу.

Прекарная молодёжь делится на две группы на основании их отношения к полной формальной занятости. Одна из них – выпускники высших учебных заведений – стремится занять нишу на рынке труда, прилагая усилия к стабилизации своего статуса на этом рынке. Другая – НЕЕТ-молодёжь – не стремится ни к чему, полагаясь на течение времени и на всестороннюю поддержку своих родителей, имеющих стабильный социальный статус.

дения достаточно трудно. 23% среди безработных в возрасте 15–29 лет составляют окончившие высшее учебное заведение. По данным исследовательского центра кадрового интернет-портала «Superjob», в июне 2014 г. в Москве чаще всего соискателями были мужчины в возрасте 25–29 лет с высшим образованием [Рынок труда Москвы... 2014]. Трудоустройство на работу, не связанную с полученной специальностью, – ещё одна проблема, ведущая молодёжь в группу нестабильно занятых. В основном на молодёжном рынке труда требуются работники со средним специальным образованием.

Но что же происходит на самом деле на молодёжном рынке труда? По данным исследования, проведённого порталом «Career» в июле 2014 г. в городах-миллионниках (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Казань, Самара, Омск, Челябинск, Ростов-на-Дону, Уфа, Волгоград, Красноярск, Пермь, Воронеж) [Рынок труда для... 2014], самой популярной вакансией для бывших студентов является продавец-консультант (10,3% всех вакансий по России), далее следуют менеджер по продажам (7,2%), стажёр (4,7%), менеджер по работе с клиентами (3,3%), кассир (3,0%). Москва — единственный город, в котором конкуренция при поиске работы среди молодёжи ниже, чем в целом по российскому рынку труда. Если говорить про долю вакансий для молодых специалистов в каждом регионе, то в Москве в 2014 г. на вакансии для молодых специалистов пришлось около 13% от общего спроса в регионе (или каждая 8-я вакансия на рынке труда в Москве). В Нижнем Новгороде и Казани каждая 13-я вакансия была ориентирована на молодого специалиста, в Санкт-Петербурге — каждая 11-я вакансия.

Большинство российских вакансий, размещённых в сфере «Начало карьеры, студенты», во втором квартале 2014 г. предполагали полную занятость. Самый высокий показатель отмечен в Воронеже — 89%, а самый низкий — в Красноярске и Челябинске — 73%.

Вакансий, предлагающих частичную занятость для молодых специалистов, больше всего было опубликовано в Челябинске — 24%. Стажировки чаще всего встречались в Санкт-Петербурге и Воронеже — 4% от общего количества вакансий, размещённых в сфере «Начало карьеры, студенты».

В начале 2014 г. конкуренция среди соискателей при поиске работы в сфере «Начало карьеры, студенты» совокупно была в среднем в два раза выше, чем в целом по рынку труда, т. е. напряжённость на рынке труда молодых специалистов выше.

Что касается требуемого работодателем образовательного уровня, то в целом по России 42% вакансий для молодых специалистов, в которых упоминалось об образовании как таковом, подразумевали высшее образование. В Москве рынок труда специалистов с высшим образованием более насыщен, поэтому предложений на 30% меньше, чем в регионах РФ (см. рис. 1).

В 2014 г. почти 10% экономически активного населения в возрасте 15–29 лет являлись безработными.

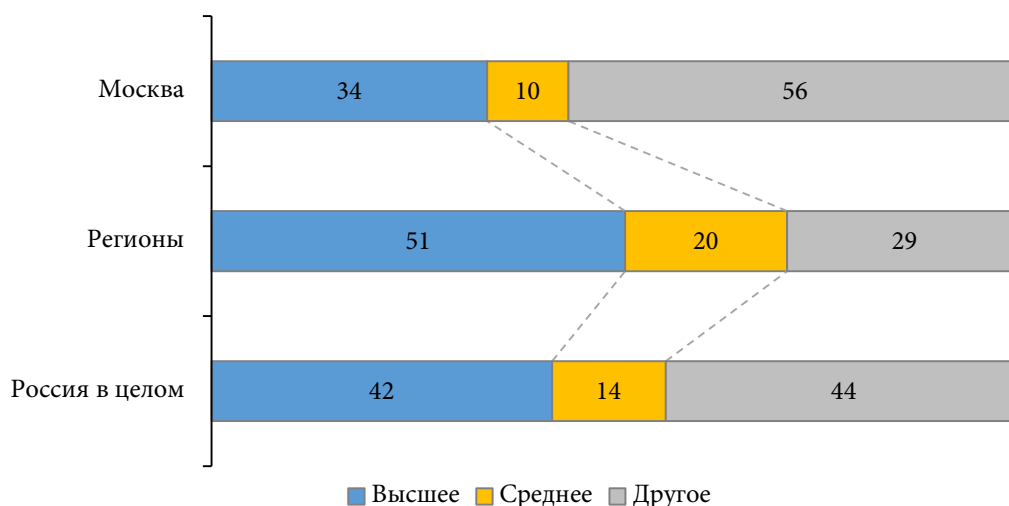

Рис. 1. Распределение вакансий для молодых специалистов по уровню требуемого образования, %

Скорее всего, эти данные свидетельствуют не о потребности в высококвалифицированных кадрах, а о завышенных требованиях работодателей. Так, если соотнести данные на рис. 2 и 1, то получается, что продавец-консультант или менеджер по продажам должны непременно иметь высшее образование, что лишено всякого здравого смысла. Феномен «девальвации дипломов» происходит, когда высшее образование связано не с уровнем профессиональной подготовки и компетентностью, а просто рассматривается как определённый уровень общей культуры. О профессиональных и социально-коммуникационных компетенциях, которые в различной степени востребованы на рынке труда, говорят следующие данные (см. рис. 2).

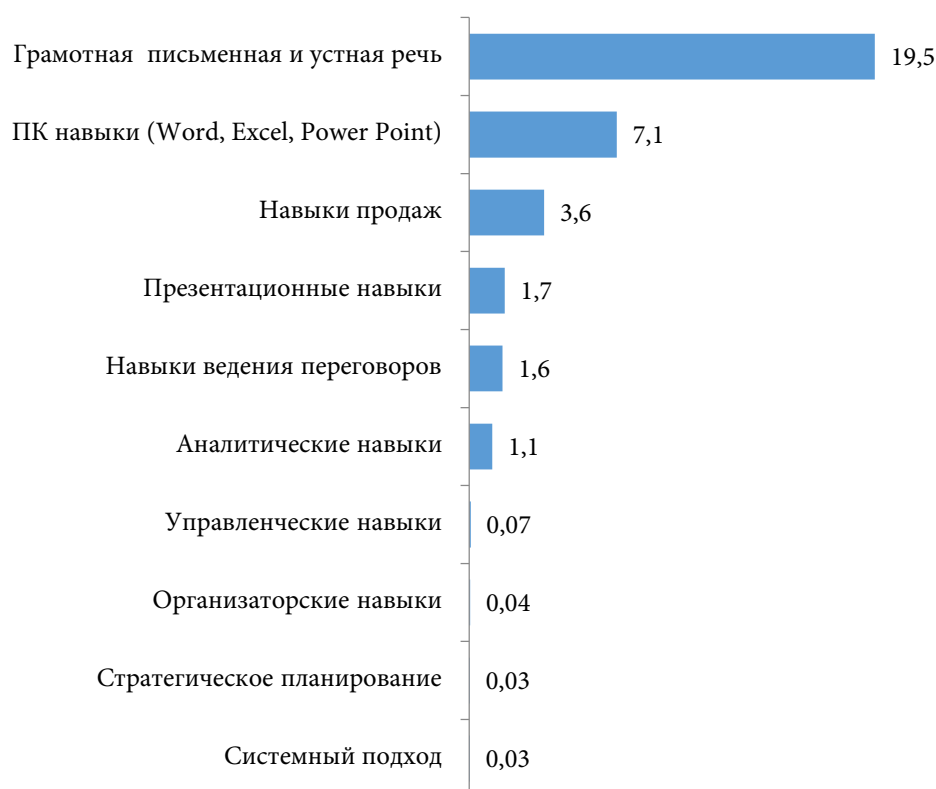

Рис. 2. Навыки, указанные в вакансиях для молодёжи, начинающей трудовую деятельность, %

Действительно, молодые люди, окончившие вуз, должны уметь грамотно изъясняться на русском языке, быть уверенными пользователями ПК, уметь продать товар. Перекос? Скорее всего, проблема кроется в низком уровне полного среднего образования, которое в последнее время своей задачей ставит не «воспитание гармонично развитой, грамотной личности», а нацелено на сдачу тестов ЕГЭ, зачастую не дающего никаких представлений об уровне знаний и компетенций выпускника. Поэтому только диплом о высшем образовании может хоть как-то гарантировать работодателю наличие у претендента на должность продавца-консультанта вышеуказанных навыков.

В начале 2014 г. работодатели чаще всего указывали на необходимость наличия у претендента высшего технического (инженерного, математического, физического) образования. Данные показывают, что основными работодателями выступали торговые организации, реализующие технику и комплектующие, поэтому для них важно было наличие у соискателей технического образования.

Для определения напряжённости на рынке труда кадровые агентства используют hh-индекс, который выражается в соотношении количества выложенных резюме и предложенных работодателями вакансий. Высокий показатель индекса говорит о том, что работодателю легче найти себе сотрудника, т. к. у него есть широкий выбор, а вот соискателю сложнее трудоустроиться, ведь конкуренция при поиске работы высокая. Низкий показатель индекса, напротив, невыгоден работодателю — соискателей мало и выбор среди них ограничен. Соискатели же, наоборот, могут диктовать свои условия при трудоустройстве, ибо они являются дефицитными специалистами на рынке.

Напряжённость при поиске работы у молодых специалистов во многих городах примерно в два раза выше, чем в целом по рынку труда этих городов. По данным онлайн-опроса, проведённого компанией HeadHunter в июне 2014 г., 48% молодых специалистов, находящихся в данный момент в поиске работы, утверждают, что сейчас трудоустроиться очень сложно¹. Каждый второй работник признаётся, что трудоустройство в данный момент для него является критичным и серьёзно отражается на жизнедеятельности семьи.

Около половины опрошенных в настоящее время готовы пойти на снижение зарплаты ради сохранения работы или гарантированного нового трудоустройства. Таким образом, молодые специалисты выражают согласие пойти на уступки для достижения стабильного статуса на рынке труда. Гибкость — основное качество, которое может привести к стабильности.

¹ Опрос проведён с 16 по 30 июня 2014 г. среди 131 работника компаний, разместивших резюме в сфере «Начало карьеры, студенты».

Напряжённость при поиске работы у молодых специалистов во многих городах примерно в два раза выше, чем в целом по рынку труда этих городов.

В более сложном положении оказались представители НЕЕТ-молодёжи, которые не получили специального или высшего образования, не приобрели профессии и не имеют никаких трудовых навыков. Численность таких молодых людей в возрасте от 20 до 24 лет в странах ЕС и России колеблется в пределах 10–13% [Варшавская 2015: 43].

Среди НЕЕТ преобладают девушки 20–24 лет. Возможно, это связано с рождением детей в этом возрастном периоде. В основном группу незанятых составляет молодёжь со средним образованием. Причём такое пребывание «в стороне от рынка труда» может затягиваться надолго. Согласно ряду оценок, численность этой «неблагополучной» группы превышает одну пятую от всей молодёжи до 29 лет, то есть весьма значительна. Группу НЕЕТ ещё предстоит изучить более глубоко, поскольку до конца не выяснено, что способствовало появлению этой группы, почему молодёжь из этой группы не стремится к накоплению человеческого капитала: не повышает уровень образования, не самосовершенствуется, не проявляет активности на рынке труда.

В результате мы получаем поколение людей инертных, не желающих адаптироваться к социуму и условиям рынка труда.

Заключение

Чем выше уровень образование и объём человеческого капитала индивида, чем более устойчивым статусом он обладает, тем менее он подвержен спонтанным необдуманым действиям. Рассмотрим возможные последствия инертности прекаризованных слоёв населения. Российские исследователи называют одним из таких последствий ресентимент – «скрытый (латентный) социальный протест, выраженный в различных формах отчуждения (социальной отдалённости, враждебности, социальной изолированности и др.), способный выражаться в агрессивных, деструктивных действиях и поступках в изменившихся социальных условиях» [Беспалова, Кондаков 2015: 8–9]. Последствиями ресентимента является переход от негативных эмоций по поводу своего положения к активным враждебным действиями, основанным на зависти, злобе, мести. Причём, по мнению исследователей, ресентимент может носить коллективный характер, что приведёт к возникновению протестных течений, радикальных политических сил [Беспалова, Кондаков 2015: 10].

О протестном потенциале прекариата известно давно, поэтому проблему его включения в систему образования и рынок труда необходимо решать уже сегодня, не дожидаясь передачи ресентимента из поколения в поколение.

Библиографический список

Бабенко И. А. 2012. Институционализация человеческого капитала в современной социально-экономической системе России. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата социологических наук. Белгород. 21 с.

Беспалова Ю. М., Кондаков В. А. 2016. Прекариат в современной России: опасность ресентимента // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. № 2. С. 6–11.

Варшавская Е. Я. 2015. Молодёжь, исключённая из сферы занятости и образования, в странах ЕС и России // Вопросы статистики. № 4. С. 40–46.

Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. 2015. Прекариат как новая группа наёмных работников // Уровень жизни населения регионов России. № 1. С. 47–57.

Российский статистический ежегодник. 2015. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_36/Main.htm [Дата посещения: 12.07.2016].

Рынок труда для молодых специалистов в России // Career.ru. URL: <http://career.ru/article/15140> [Дата посещения: 30.07.2016].

Рынок труда Москвы, июнь 2014 г. // SuperJob. URL: <http://www.superjob.ru/research/articles/111575/rynok-truda-moskvy-iyun-2014/> [Дата посещения: 30.07.2016].

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.412

The Russian Precariat: Human Capital Accumulation of Different Age Groups

Golenkova Zinaida Tikhonovna

Professor, doctor of philosophical sciences, The head of the Center for the study of social structure and social stratification, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: golenko@isras.ru

Goliusova Yulia Vyacheslavovna

Candidate of sociological sciences, senior researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: ygoliusova@yandex.ru

Abstract. This article examines the issue of weak involvement among Russia's informally employed population in the process of accumulating human capital by means of receiving higher or additional education, as well as adaptation to labor market conditions within various age and status groups. A sign of our times has become the fact we currently see at the forefront such things as knowledge capital in all of its forms, together with migration capital, which allow for individuals to travel through time and space while utilizing the knowledge that they constantly receive. This knowledge becomes associated with its practical use, i.e. the way people use it in their everyday activities. "Precarious" people may include those who are employed under a temporary labor or civil contract, those who work without in any way formalizing their labor relations, seasonal laborers, young specialists-interns (generally fresh out of college), as well as the so-called NEET youths ("not in education,

employment or training”), who are employed neither in the educational system, nor on the labor market. In Russian sociological practice it is possible to operationalize part of the precariat via officially formalized full time employment based on a labor contract with one’s main place of work. Of course, this is not the only such highlighting criterion, but its credibility can not be subject to doubt, for this parameter is reflected in official statistics. “Precarious” people do not see the need to increase their individual human capital, they do not use the system of continuous education to enhance it, and they are quite passive and inert. Young specialists agree to make concessions when it comes to their salary expectations if it helps them achieve a stable status on the labor market. Flexibility is the main quality which can lead to stability. The higher the level of education and the amount of human capital a certain individual has – the more stable status he possesses, and the less he is prone to spontaneous and hasty decisions. Also examined are the likely consequences of a lack of interest for education among “precarious” groups of Russian society.

Keywords: precariat, human capital, education, higher education, professional development, young professionals, NEET-young people, the danger of resentment.

References

Babenko I. A. Institucionalizacija chelovecheskogo kapitala v sovremennoy social’no-ekonomicheskoy sisteme Rossii [The Institutionalization of Human Capital in the Current Socio-economic System of Russia]. Avtoref. diss. candidate social. sci. Belgorod, 2012. 21 p.

Bespalova J. M., Kondakov V. A. Prekariat v sovremennoy Rossii: opasnost’ resentimenta [Prekariat in Modern Russia: the Danger of Resentiment]. Izvestija vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sociologija. Ekonomika. Politika, 2016, no 2, pp. 6–11.

Golenkova Z. T., Goliusova J. V. Prekariat kak novaja gruppа najomnykh rabotnikov [Prekariat as a New Group of Employee]. Uroven’ zhizni naselenija regionov Rossii, 2015, no 1, pp. 47–57.

Rossiysky statistichesky ezhegodnik 2015 [Russian Statistical Yearbook 2015]. Rosstat Official website. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_36/Main.htm [date of visit: 12.07.2016].

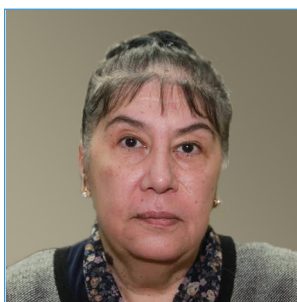
Rynok truda dlia molodykh specialistov v Rossii [The Labor Market for Young Professionals in Russia]. Career.ru website. URL: <http://career.ru/article/15140> [date of visit: 30.07.2016].

Rynok truda Moskvy, ijun’ 2014 g. [Moscow Labour Market, June 2014]. SuperJob website. URL: <http://www.superjob.ru/research/articles/111575/rynok-truda-moskvy-iyun-2014> [date of visit: 30.07.2016].

Varshavskaja E. Y. Molodiozh’, iskliuchionnaja iz sfery zaniatosti i obrazovaniya, v stranah ES i Rossii [Young People Excluded from the Scope of Employment and Education in the EU Countries and Russia]. Voprosy statistiki, 2015, no 4, pp. 40–46.

Т е м а н о м е р а : С о с т о я н и е с о ц и а л ь н ы х с л о ё в и г р у п п в р е г и о н а х с о в р е м е н н о й Р о с с и и

Б ю д ж е т в р е м е н и р а б о ч и х к а к о т р а ж е н и е и х р е а л ь н о г о п о в е д е н и я в п о в с е д н е в н о й ж и з н и (1965–2014 г г.)

Караханова Татьяна Муртазаевна –
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник, руководитель
сектора изучения повседневной деятельности
и бюджета времени, Институт социологии
Российской академии наук, Москва

E-mail: patruhev@isras.ru

Большакова Ольга Александровна –
кандидат социологических наук,
научный сотрудник, Институт социологии
Российской академии наук, Москва

E-mail: patruhev@isras.ru

Бюджет времени рабочих как отражение их реального поведения в повседневной жизни (1965–2014 гг.)

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.413

Аннотация. Статья посвящена вопросам использования времени рабочими – большой социальной группы населения страны. Эмпирическая база включает данные исследований, насчитывающих 50 лет наблюдений в области изучения бюджета времени рабочих (1965–2014 гг.). Опросы проводились по единой методике до 1998 г. под руководством профессора В. Д. Патрушева. В 2014 г. исследование осуществлялось на 8 промышленных предприятиях в пяти областных центрах России: Брянске, Владимире, Кирове, Омске, Пскове, но бюджет времени изучался только в трёх из них: Владимире, Омске и Пскове. В анализе используются не только объективные данные об использовании времени, но и субъективные оценки рабочих, связанные с различными аспектами их повседневной деятельности. Статья состоит из пяти разделов: общая картина использования времени рабочими в 2014 г.; рабочее время и виды деятельности, связанные с работой; домашний труд и другая бытовая деятельность (неоплачиваемый труд); свободное время как ресурс для восстанавливающей и развивающей деятельности; динамика использования времени рабочими и тенденции изменений в повседневной деятельности в 1965–2014 гг. В статье рассматривается реальное поведение рабочих в различных группах видов повседневной деятельности, анализируется структурирование суточного и недельного фонда времени, в т. ч. его дифференциация в зависимости от пола опрашиваемого. Углублённо исследуется рабочее время рабочих, его структура, делается попытка оценить интенсивность труда. Показано общее и особенное в поведении рабочих, которые трудятся на предприятиях, расположенных на территориях, относящихся к Центральному, Северо-Западному и Сибирскому федеральным округам. Анализируется динамика использования времени рабочими, формулируются выводы о направленности изменений в их реальном поведении: трудовом, восстанавливающем и развивающем за период с 1965 по 2014 гг. Показана позиция авторов по отношению к социальной политике государства и к тому, что необходимо учитывать, имея в виду реальное поведение рабочих в повседневной деятельности.

Ключевые слова: рабочие, бюджет времени, рабочее время, домашний труд, занятия в свободное время, трудовая деятельность, восстанавливающая деятельность, развивающая деятельность, тенденции изменений

Изучение повседневной деятельности больших социально-профессиональных групп населения и отслеживание происходящих изменений позволяют получить представление о реальном поведении людей в различных сферах жизни. Одной из таких групп являются рабочие, которые на начало 2014 г. составляли 35,4% занятого населения РФ [Труд... 2015: 61–62]. Исследователи отмечают, что роль рабочих как акторов прогресса в российском обществе позитивно оценивается всеми его слоями, и это является, скорее, отражением повышенного внимания именно к роли рабочего класса, характерного для индустриального этапа развития любой страны, а не отголоском советской эпохи [Тихонова 2011: 123–124].

О показателях использования времени рабочими, как показателях их реального поведения, свидетельствуют результаты многолетних наблюдений в области исследования бюджета времени, начиная с 1920-х гг. [Струмилин 1982: 178–213; Труд в СССР... 1932: 169–176; Бюджет времени... 1984; Патрушев 1993; Патрушев 1994; Патрушев 2001; Патрушев 2006; Повседневная деятельность... 2010: 115–127 и др.].

Задачами данной статьи являются анализ реального поведения рабочих в сферах труда, бытовой деятельности и свободного времени, оценка структурирования ими фонда времени на различные группы занятий, а также направленности изменений, происходивших в структурировании в 1965–2014 гг., как свидетельств выбора путей адаптации к предлагаемым внешним условиям. Эмпирической базой анализа являются данные о бюджете времени рабочих за 1965, 1986, 1997/98, 2007/08, 2014 гг., полученные в ходе исследований, проводившихся по единой методике. Опросы проводились сотрудниками сектора рабочего и внерабочего времени (в дальнейшем сектора изучения повседневной деятельности и бюджета времени) ИС РАН, по 1998 гг. они осуществлялись под руководством проф. В. Д. Патрушева. В 2014 г. опрос осуществлялся на 8 промышленных предприятиях в пяти областных центрах России: Брянске, Владимире, Кирове, Омске, Пскове, но бюджет времени исследовался только в трёх из них: Владимире, Омске и Пскове. Все пять субъектов РФ по уровню социально-экономического развития входят в группу регионов, представляющих «Середину», которая, в свою очередь, является модальной (49 регионов) [Караханова и др. 2014: 107; Социальный атлас...]. Помимо этого, три территории, на которых изучался бюджет времени, находятся в составе макрорегионов (Северо-Западный, Центральный, Сибирский), относящихся к I–II этапу стратегии интегрирующей модернизации и к типу 2–3 по уровню модернизованности регионов. В целом из 83 субъектов РФ больше половины относятся к более низкому I этапу и типу 2 по уровню модернизованности [Лапин 2015: 51].

Кроме того, необходимо добавить, что опросы в 1997/98 и 2007/08 гг. проводились в период до начала экономических кризисов, в 2014 г. – на самом старте нового витка кризиса.

Общая картина использования времени рабочими в 2014 г.

Рассмотрим распределение фонда времени рабочими промышленных предприятий, расположенных в трёх областных центрах России, на виды деятельности, уровень агрегирования которых соответствует шести крупным группам занятий (см. таблицу 1).

Таблица 1

Бюджет времени рабочих в 2014 г.,
на одного опрошенного в неделю, часы и %

Вид деятельности	Затраты времени					
	Мужчины N=296			Женщины N=303		
	Владимир	Омск	Псков	Владимир	Омск	Псков
1. Оплачиваемый труд (на основной и дополнительной работе)	37,4	44,8	39,7	39,4	43,0	39,0
2. Виды деятельности, связанные с работой	6,3	6,4	6,1	6,3	6,2	6,6
1+2	43,7	51,2	45,8	45,7	49,2	45,6
3. Домашний труд и другая бытовая деятельность	21,6	22,2	22,0	32,0	34,9	27,2
Общая трудовая нагрузка (1+2+3), часы/%*	65,3/39	73,4/44	67,8/40	77,7/46	84,1/50	72,8/43
4. Удовлетворение физиологических потребностей, часы/%*	66,5/40	70,0/41	68,5/41	67,8/40	67,4/40	70,8/42
5. Занятия в свободное время, часы/%*	36,2/21	24,5/15	31,7/19	22,4/14	16,5/10	24,4/15
6. Нераспределённое время	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0
Всего – недельный фонд времени	168	168	168	168	168	168

*Доля затрат времени в недельном фонде времени (%).

На трудовую часть структуры бюджета времени рабочих, которые трудятся на предприятиях, представляющих Центральный, Северо-Западный и Сибирский федеральные округа, приходится от 39 до 50% недельного фонда времени. Показатели трудообразующей части варьируются в зависимости от региона, однако на региональные показатели сильное влияние оказывает дифференциация в реальном поведении рабочих в зависимости от пола опрошенного. Выявлена разница в долях затрат времени, образующих общую тру-

довую нагрузку, у мужчин и женщин внутри каждого региона (39 и 46% во Владимире; 44 и 50% в Омске; 40 и 43% в Пскове). Если сопоставить эти показатели с вербальными оценками «трудовой» подгруппы ценностей (*труд для заработка; домашний и сельскохозяйственный труд; уход за детьми и их воспитание*), которые не только на пяти предприятиях в этих трёх регионах дифференцированы слабо, но и на трёх остальных заводах практически не имеют различий, то напрашивается вывод, что реальное трудовое поведение рабочих в показателях времени несколько корректируется, во-первых, производственной ситуацией на данных территориях, во-вторых – степенью значимости для рабочих труда в личном подсобном хозяйстве.

Доля времяресурсов, потребляемых группой занятий, направленных на восстановление сил организма, во-первых, меньше доли времяресурса трудовой части бюджета времени, во-вторых, различается слабо в зависимости от региона и пола респондента: от 40 до 42%.

Таким образом, 79–90% затрат времени в структуре бюджета времени рабочих на предприятиях в трёх регионах покрывают трудовую и восстанавливающую часть видов их повседневной деятельности. Если учесть, что некоторая часть из остатка недельного фонда времени, являющегося величиной постоянной, также расходуется на цели восстановления, то на развивающие занятия фактически приходится меньше, чем 10–21% недельного времяресурса.

Понятно, что женщины в этом смысле ущемлены больше, чем мужчины. Величина превышения доли времяресурса на цели развития у мужчин по сравнению с женщинами несколько различается в трёх регионах. Однако сравнение фактического положения с декларируемыми самооценками (ранжирование пяти групп ценностей рабочих, соответствующих выделенным факторам, только на предприятиях Пскова) показало, что у мужчин ценности «саморазвития» – на первом месте, а у женщин они же – на предпоследнем месте.

Рабочее время и виды деятельности, связанные с работой

Рабочее время

Фактическая продолжительность рабочей недели в трёх областных центрах, согласно данным о бюджете времени рабочих, отличается от продолжительности, установленной законодательством. Преобладающим режимом работы на предприятиях является пятидневная рабочая неделя с двумя выходными днями: во Владимире – у 99% опрошенных, в Пскове – у 96%, в Омске – у 96%. Недельная величина рабочего времени образуется из времени труда (включая сверхуроч-

На трудовую часть структуры бюджета времени рабочих, которые трудятся на предприятиях, представляющих Центральный, Северо-Западный и Сибирский федеральные округа, приходится от 39 до 50% недельного фонда времени.

79–90% затрат времени в структуре бюджета времени рабочих на предприятиях покрывают трудовую и восстанавливающую часть видов их повседневной деятельности. На развивающие занятия фактически приходится меньше, чем 10–21% недельного времяресурса.

ную работу и совместительство по основному месту работы, надомный труд), установленных регламентированных перерывов на отдых (исключая обеденный перерыв), оперативных собраний по производственному заданию, проводимых в рабочее время, внутрисменных простоев и перемещений, связанных с выполнением работы (см. таблицу 2).

Таблица 2

Структура рабочего времени рабочих,
на одного опрошенного в неделю, часы

Вид деятельности	Затраты времени					
	Мужчины			Женщины		
	Владимир	Омск	Псков	Владимир	Омск	Псков
Работа на предприятии	33,7	38,6	36,8	35,0	38,0	35,8
Работа на дому, в т. ч. с использованием компьютера	-	0,1	-	-	-	0,1
Работа на дому без использования компьютера	-	0,1	0,1	0,7	0,2	-
Сверхурочная работа	0,2	2,1	0,1	0,5	1,1	0,1
Совместительство по месту основной работы	-	0,2	-	-	-	-
Установленные регламентированные перерывы на отдых (исключая обеденный перерыв)	1,8	1,4	1,6	1,5	1,7	1,7
Оперативные собрания по производственному заданию в рабочее время	0,2	0,4	0,1	0,3	0,8	0,2
Внутрисменные простои	0,3	0,2	0,4	0,3	0,3	0,5
Перемещения во время работы (исключая дорогу домой и обратно, а также дорогу, не связанную с выполнением работы)	0,3	0,4	0,2	0,4	0,7	0,2
Дополнительная оплачиваемая работа	0,9	1,3	0,4	0,7	0,2	0,4
Оплачиваемая работа – всего	37,4	44,8	39,7	39,4	43,0	39,0

Из таблицы видно, что на предприятиях трёх областных центров фактическая продолжительность рабочей недели у рабочих, исключая дополнительную работу, дифференцирована. У мужчин она составляет 36,5; 43,5; 39,3 часа, у женщин – 38,7; 42,8; 38,6. Наблюдается очень тесная связь величины рабочего времени с местом расположения работы (коэффициент Крамера = 0,315^{***}). Во Владимире и Пскове

выявлена неполная рабочая неделя. По данным статистики, в 2014 г. во Владимирской и Псковской областях неполное рабочее время зафиксировано у 2,5 и 2,8% численности работников списочного состава. Одна из причин разброса в величине рабочего времени – разница в региональных ситуациях на рынках труда и в производственной ситуации на предприятиях. Можно заметить, что в регионе, где доля безработных в трудоспособном населении самая незначительная (во Владимирской области – 4,3% среди мужчин и 3,7% среди женщин в 2014 г.), отмечается и меньшая величина рабочего времени. В Омске и Пскове эти показатели выше (6,9 и 7,0%; 5,4 и 8,7% соответственно) [Российский... 2015: 108–110], выше и продолжительность рабочей недели (см. таблицу 3).

Таблица 3

**Неполная загруженность работой в течение дня
по оценке опрошенных, %**

Города	У рабочих бывает в течение рабочего дня время, когда они не знают, что делать					Итого
	Не бывает	Практически каждый день	Несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц	Несколько раз в год	
Владимир	59	3	5	11	22	100
Омск	70	3	7	7	13	100
Псков	55	3	14	16	12	100
Киров	43	12	16	20	9	100
Брянск	74	2	7	10	7	100

Данные таблицы позволяют увидеть связь между реальной величиной рабочей недели на основной работе и оценками степени загруженности рабочего дня. Неполная рабочая неделя, зафиксированная у опрошенных на предприятиях Владимира и Пскова, вполне согласуется с тем, что 41–45% рабочих в течение рабочего дня имеют время, «когда они не знают, что им делать». Может отсутствовать производственное задание, нет необходимых материалов и инструментов для выполнения задания и т. п. При этом от 16 до 30% сталкиваются с такой ситуацией «несколько раз неделю» и «несколько раз в месяц», а 3% – «практически каждый день».

В структуре рабочего времени доля внутрисменных потерь времени (оперативные собрания по производственному заданию в рабочее время, внутрисменные простои) равна в среднем 1,4% у мужчин и 2% у женщин. Региональная дифференциация во времени простоев опрошенных рабочих (не имеем данных о том, по чьей вине – Т. К.) очень незначительна: 0,3–0,4 часа в неделю. В 2014 г. от 0,2% (Омская область) до 1,2% (Владимирская область) численности работников списочного состава находились в простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от работодателя и работника. Неполное рабочее время, тем не менее, сочетается со сверх-

Неполная рабочая неделя, зафиксированная у опрошенных на предприятиях Владимира и Пскова, вполне согласуется с тем, что 41–45% рабочих в течение рабочего дня имеют время, «когда они не знают, что им делать».

урочной работой (табл. 2). Она выявлена во всех рассматриваемых регионах, но в Омске сверхурочные работы – наиболее продолжительные (от 1,1 до 2,1 часа в неделю) (см. таблицу 4).

Таблица 4

Рабочие дни в установленные графиком выходные дни, %

Города	Рабочим приходится работать в выходные дни				
	Не приходится	1–2 раза в месяц	3–4 раза в месяц	Другой вариант	Итого
Владимир	81	14	2	3	100
Омск	40	41	18	1	100
Псков	75	23	1	1	100
Брянск	70	24	4	2	100
Киров	68	22	3	7	100

Как видно из таблицы, в установленные графиком выходные дни 1–2 раза в месяц приходится трудиться от 14 до 41% рабочих. В Сибирском регионе 18% рабочих трудились практически каждое воскресенье. Среди рабочих, кому приходится трудиться сверхурочно несколько раз в месяц, во Владимире 26% назвали себя бедными, а 74% – людьми со средними доходами; в Пскове – 29 и 71%; в Омске, соответственно, 57 и 43%.

На всех предприятиях зафиксировано и время дополнительной оплачиваемой занятости (см. таблицу 2). Мужчины работают на дополнительной работе от 0,4 до 1,3 часа в неделю. Среди опрошенных мужчин самая продолжительная дополнительная занятость на предприятии Омска. Среди женщин наибольшее время, расходуемое на дополнительную работу, зафиксировано на предприятии во Владимире (0,7 часа в неделю). Женщины трудятся для дополнительного заработка меньше, чем мужчины.

Однако, несмотря на часы дополнительной работы, рабочая неделя сохранила черты неполного рабочего времени на предприятиях в двух из трёх областных центров. Рабочим предлагалось дать самооценку величины рабочего времени (включая сверхурочные часы, совместительство по основному месту работы, дополнительную занятость) в течение недели, предшествовавшей дню опроса (см. таблицу 5).

Таблица 5

Оценки рабочими величины фактически отработанного времени на основной и дополнительной работе, включая приработки, в течение недели, предшествовавшей дню опроса, %

Рабочее время (часы)	Владимир	Омск	Псков	Брянск	Киров
32 и меньше	16	3	3	16	41
32–40	67	58	80	49	41
Свыше 40	17	39	17	35	18
Итого	100	100	100	100	100

Субъективные оценки рабочими суммарной недельной величины рабочего времени в целом согласуются с данными бюджета времени о реальной продолжительности рабочей недели на предприятиях во Владимире, Омске и Пскове (см. таблицу 2). Поскольку затраты конкретного труда могут быть измерены определённым количеством рабочего времени, постольку можно судить о напряжённости труда, его интенсивности¹. Мы разделяем точку зрения В. Д. Патрушева о том, что интенсивность труда является одним из факторов, влияющих на производительность труда, которая ограничена физиологическими границами использования рабочей силы. Он различает производительные и непроизводительные физиологические затраты труда, которые образуются в результате нерегламентированных перерывов в течение рабочего дня [Патрушев 1963: 66–67, 70–71]. Вышеприведённая структура рабочего времени (см. таблицу 2) свидетельствует об определённом соотношении тех и других затрат труда. В. Д. Патрушев обосновывает следующее положение: «чем меньше доля непроизводительно затрачиваемой энергии, жизненных сил, тем выше полезная, или производительная интенсивность и производительность труда» [Патрушев 1963: 70–71]. Вместе с тем устранение перебоев в работе, улучшение организации использования рабочего времени не означают обязательного увеличения затрат энергии работника. Физиологи заметили, что у рабочего как раз в результате нарушения обычного производственного ритма происходит, в частности, усиление газообмена, увеличивается расход энергии и другие изменения в функционировании организма [Патрушев 1963: 68–69; Руководство... 1983].

Суммируя всё сказанное выше, можно судить об уровне интенсивности труда рабочих на предприятиях, где бюджет времени дополнялся самооценками рабочих. На предприятиях во Владимире и Пскове уровень интенсивности труда рабочих не имеет существенных различий. В Омском регионе интенсивность труда рабочих, хотя и несколько выше, но косвенные показатели интенсивности труда (самооценки степени усталости по окончании рабочего дня) понижают её уровень, т. к. здесь соотношение оценок «очень уставшие» – «уставшие» свидетельствует в целом о меньшем утомлении рабочих в конце рабочего дня. Таким образом, в трёх (из пяти) областных центрах соотношение между долями опрошенных, чувствующих себя после работы в той и другой степени «уставшими» и «не уставшими» на предприятиях, располагающихся на этих территориях, одинаково (см. таблицу 6).

¹ Разработка весьма важных проблем интенсивности труда в рыночных условиях хозяйствования в постсоветский период учёных и практиков интересует, к сожалению, много реже, чем это было 30–40 лет назад. В работах последнего двадцатилетия чаще встречаются публикации, посвящённые истории изучения вопросов интенсивности труда и экономии рабочего времени [Бусурин 2004; Андреев и др. 2007].

Таблица 6

Распределение рабочих в зависимости от их оценок степени своей усталости по окончании рабочего дня, %

Города	Рабочие чувствуют себя по окончании рабочего дня			
	Очень уставшими	Уставшими	Не уставшими	Итого
Владимир	17	72	11	100
Омск	12	77	11	100
Псков	18	71	11	100
Киров	10	75	15	100
Брянск	18	75	7	100
В среднем	15	74	11	100

На предприятиях в двух других городах (Киров, Брянск), на которых не изучался бюджет времени, дело с организацией труда, согласно мнению рабочих, обстоит не лучше. Тот факт, что от 26 до 45% рабочих постоянно или периодически имели недозагруженность работой, позволяет с определённой долей уверенности заключить, что такое положение является скорее общим для многих промышленных предприятий страны, чем частным случаем (см. таблицу 3). Оценки опрошенных на предприятиях, по которым у нас нет возможности установить фактическую величину рабочей недели по данным бюджета времени, показали, что неполная рабочая неделя с учётом времени дополнительной работы типична и для заводов, расположенных в Кирове и Брянске (см. таблицу 5).

В целом на предприятиях во всех пяти областных центрах интенсивность труда рабочих отличается сходством в значительной степени. Об этом свидетельствует и косвенный показатель интенсивности труда. В группе предприятий, где рабочие чувствуют себя по окончании рабочего дня «очень уставшим», модальной является доля в 17–18%, а в группе «неуставших» – в 11%. Доля тех, кто чувствуют себя после работы «уставшими», в среднем составляет 74% (коэффициент вариации – 31%).

Виды деятельности, связанные с работой

Затраты времени на данную весьма важную группу занятий, которые по принятой нами классификации видов повседневной деятельности характеризуются как «накладные» по отношению к оплачиваемому труду, дополняют общую картину рабочего времени. Доля этих затрат времени составляет 15–16% от величины времени оплачиваемого труда, т. е. может быть оценена как удовлетворительная (см. таблицу 7).

Таблица 7

Затраты времени рабочих на виды деятельности, связанные с работой, и их структура, на одного опрошенного в неделю, часы

Вид деятельности	Затраты времени мужчин				Затраты времени женщин				В среднем по всем опрошенным
	Владимир	Омск	Псков	в среднем	Владимир	Омск	Псков	В среднем	
Уход за собой до и после работы, подготовка к работе, уборка рабочего места	2,5	2,3	2,0	2,3	2,2	2,2	1,8	2,1	2,2
Передвижения до места работы и от места работы до дома	3,8	4,1	4,1	4,0	4,1	4,0	4,8	4,3	4,2
Всего	6,3	6,4	6,1	6,3	6,3	6,2	6,6	6,4	6,4

В отличие от величины рабочего времени, данные о «накладных» затратах времени как в целом, так и структурно, дифференцированы незначительно. Также небольшие различия зафиксированы и по полу. Поэтому по данной группе видов деятельности позволительно, по нашему мнению, говорить о средней величине времязатрат не только для предприятий данных областных центров, но и для областных центров других территорий, относящихся по классификации НИСП к кластеру «Середина».

Величина времени передвижений до места работы (основной и дополнительной) и обратно, которая составляет в структуре «накладных» расходов времени 66%, небольшая – 36 минут в день (проезд и ожидание транспорта). Этот факт указывает не только на то, что транспортное обслуживание на этих территориях скорее всего удовлетворительное, но и на то, что, во-первых, фактор степени близости места работы от места жительства является для рабочих весьма важным при выборе места приложения труда, во-вторых, данное условие ими определённо реализуется.

Домашний труд и другая бытовая деятельность (неоплачиваемый труд)

На неоплачиваемую бытовую деятельность у мужчин приходится в среднем 13% недельного фонда времени и треть от их общей трудовой нагрузки; у женщин, соответственно, 19 и 40% (см. таблицу 8). Для сравнения напомним, что доля свободного времени женщин составляет по трём территориям от 10 до 15% от фонда времени (см. таблицу 1).

Таблица 8

**Затраты времени на бытовую деятельность и их структура,
на одного опрошенного в неделю, часы**

Вид деятельности	Затраты времени					
	Мужчины			Женщины		
	Владимир	Омск	Псков	Владимир	Омск	Псков
Труд в домашнем и личном подсобном хозяйстве	8,2	11,0	13,4	19,2	19,7	15,9
Уход за детьми и их воспитание	4,5	5,0	4,5	4,7	6,8	5,7
Совершение покупок и пользование услугами	8,9	6,2	4,1	8,1	8,4	5,6
Бытовая деятельность – всего	21,6	22,2	22,0	32,0	34,9	27,2

Оценивая свою загруженность домашними работами, почти три четверти ответивших на вопрос рабочих сочли свою загруженность небольшой, нормальной. Сильно загруженных домашними работами в среднем по всем городам меньше четверти. Причём в Омском регионе, где на эти цели мужчинами и женщинами в среднем расходуется больше всего времени (более трети общей трудовой нагрузки), 80% ответивших находят загруженность не только небольшой, но 12% из них считают себя совсем незагруженными такой работой.

На суммарную величину времязатрат на домашний труд и удовлетворение других бытовых потребностей у мужчин существенно влияет объём труда в личном подсобном хозяйстве. В Омске 70% опрошенных имеют земельный участок, в Пскове 55%, во Владимире 49%. Эту группу видов деятельности именно во Владимире воспринимают как «семейную обязанность и любительское занятие» две трети ответивших, т. е. больше рабочих, чем фактически имеют земельный участок. В Пскове, вероятнее всего, почти все «располагающие землёй» удовлетворяют свою потребность в таком виде любительского труда. А в Омске лишь каждый второй, ответивший на вопрос (рабочих, имеющих надел земли, значительно больше), видит в этой работе любительское занятие. Такой способ адаптации к условиям жизни диктует более значительная трудовая составляющая в повседневной деятельности рабочих на предприятиях Омска.

Примерно таким же образом характеризуется отношение рабочих и к занятиям с детьми – как к любительским. Во Владимире меньше всего доля опрошенных, имеющих детей до 18 лет (34%), но эти виды деятельности являются любительскими более чем для двух третей ответивших. В Пскове респондентов с подобным отношением к занятиям с детьми также две трети при наличии несовершеннолетних детей у 39% опрошенных. Больше всего семей с детьми такого воз-

раста в Омске (49%), в т. ч. семей с 3–4 детьми – 8%. При этом здесь занятия с детьми мотивированы всеми и как потребность в выполнении необходимых семейных обязанностей, и как любимое занятие.

Рассмотрим, как распределяется вся бытовая деятельность по рабочим и нерабочим дням (см. таблицу 9).

Таблица 9

Затраты времени на бытовую деятельность в рабочие и нерабочие дни у рабочих на предприятиях Пскова, на одного опрошенного в день, часы

Вид деятельности	Затраты времени	
	Мужчины	Женщины
В рабочий день		
Труд в домашнем и личном подсобном хозяйстве	0,9	1,6
Уход за детьми и их воспитание	0,3	0,5
Совершение покупок и пользование услугами	0,4	0,7
Бытовая деятельность – всего	1,6	2,8
В нерабочий день		
Труд в домашнем и личном подсобном хозяйстве	4,1	4,0
Уход за детьми и их воспитание	1,5	1,5
Совершение покупок и пользование услугами	1,0	1,1
Бытовая деятельность – всего	6,6	6,6

Как видно из данных таблицы, затраты времени на бытовую деятельность в рабочие дни у женщин в 1,8 раза больше, чем у мужчин. У тех и других – это главным образом работы по дому, в жилище. Детям в рабочий день времени посвящается совсем немного (18 минут мужчинами и 30 минут женщинами). В нерабочие дни объём бытовой деятельности у тех и других значительно возрастает: у мужчин более чем в 4 раза, у женщин почти в 1,5 раза. Фактически более четверти суточного фонда времени рабочих в нерабочие дни (фактически двух дней в неделю, т. к. почти все рабочие трудятся в условиях «пятидневки») расходуется на различные виды бытовой деятельности – слагаемые общей трудовой нагрузки. Причём, если у мужчин 70% времязатрат на труд в домашнем и личном подсобном хозяйстве в нерабочий день посвящаются работам в саду, огороде, хозработам на земельном участке, то у женщин те же 70% затрат времени расходуются на приготовление пищи, уход за одеждой, уборку и на другие виды работ по дому.

Трудовые обязанности между мужчинами и женщинами в нерабочие дни распределены равномерно. Поэтому не случайным является отношение рабочих к вопросу о равномерности распределения обязанностей в бытовой сфере между членами семьи, продемонстрированное в относительно небольшой доле

Затраты времени на бытовую деятельность в рабочие дни у женщин в 1,8 раза больше, чем у мужчин. У тех и других – это главным образом работы по дому. Детям в рабочий день времени посвящается 18 минут мужчинами и 30 минут женщинами. В нерабочие дни объём бытовой деятельности значительно возрастает: у мужчин более чем в 4 раза, у женщин почти в 1,5 раза.

их ответов. Такая степень активности может расцениваться как слабо актуализированная в сознании рабочих проблема, т. к. достигнутая степень равномерности распределения обязанностей между членами семьи, вероятно, рассматривается большинством рабочих как достаточная.

Важным является вопрос о том, как при условии сокращения рабочего времени опрошенные использовали бы высвободившееся время. Анализ показал, что прежде всего были бы увеличены затраты времени на уход за детьми и их воспитание (в среднем по городам примерно каждый четвёртый ответ, дифференциация по городам небольшая). Рабочие хотели бы расходовать больше времени и на работы в саду, огороде, но, судя по распределениям, во вторую очередь, наряду с ремонтом транспортных средств своими силами, приготовлением пищи, уборкой жилого помещения.

Между тем, одновременно с показанным выше стремлением усилить самообслуживающий вектор при сокращении рабочего времени в бытовой деятельности, в сокращении домашнего труда нуждаются 96% опрошенных. Объяснить такой факт трудно, но можно попытаться интерпретировать данные, исходя из того, что речь идёт в основном о путях облегчения этих видов деятельности и повышения качества их результата. Примерно в каждом четвёртом ответе выражено мнение о необходимости повышения оснащённости домашнего хозяйства бытовой техникой, почти такая же доля ответов указывает на такой путь, как улучшение жилищно-коммунальных условий. Рабочих, мотивирующих свою бытовую деятельность желанием неограниченно пользоваться услугами, в среднем по всем рабочим пяти областных центров немного, на этот мотив приходится всего 4% ответов. Однако почти в каждом 2–3 ответе опрошенные, предпочитающие самообслуживание, соглашались с мотивом о том, что услуги для них дороги. Но предложение о снижении стоимости бытовых услуг и повышении их качества прозвучало только в 19% ответов. По-видимому, остальная часть рабочих предполагают в своей бытовой деятельности и в будущем опираться на собственные силы в домохозяйстве, оставляя свою общую трудовую нагрузку, как минимум в этом сегменте, без изменения [Караханова и др. 2015: 47].

Свободное время как ресурс для восстанавливающей и развивающей деятельности

В наших исследованиях мы придерживаемся следующего определения сущности свободного времени: свободное от оплачиваемого и неоплачиваемого труда, а также от

Анализ показал, что при условии сокращения рабочего времени прежде всего были бы увеличены затраты времени на уход за детьми и их воспитание (в среднем по городам примерно каждый четвёртый ответ).

Почти в каждом 2–3 ответе опрошенные, предпочитающие самообслуживание, соглашались с мотивом о том, что услуги для них дороги.

видов деятельности, направленных на удовлетворение физиологических потребностей индивида. Занятия, совершаемые в свободное время, выполняют восстанавливающую и развивающую функции [Караханова и др. 2015: 49]. Значимость занятий в свободное время среди ценностей, характеризующих жизнь и повседневную деятельность, оценена рабочими ниже, чем трудовая деятельность (оплачиваемый и неоплачиваемый труд). Региональные различия по отдельным видам занятий статистически не значимы. Объективные показатели недельных затрат времени рабочих на занятия в свободное время в трёх рассматриваемых регионах в среднем составляет у мужчин 30,8 часа, у женщин 21,1 часа (см таблицу 10). Дифференциация в величине данного времяресурса обуславливает (как один из факторов) особенности структуры занятий рабочих в свободное время.

Таблица 10

Величина и структура свободного времени рабочих в 2014 г.,
на одного опрошенного в неделю, часы

Вид деятельности	Затраты времени					
	Мужчины			Женщины		
	Владимир	Псков	Омск	Владимир	Псков	Омск
1. Учёба, самообразование	2,4	0,7	0,3	0,2	0,2	0,3
2. Общественная и религиозная деятельность	0,3	0,0	0,1	0,9	0,5	0,0
3. Посещение учреждений культуры и отдыха	0,5	0,3	3,2	0,1	0,0	0,9
4. Общение	8,5	9,5	4,7	6,0	6,3	5,2
5. Занятия физкультурой и спортом	0,2	0,0	0,3	0,1	0,2	0,4
6. Отдых на открытом воздухе	3,3	1,2	2,3	0,6	1,2	0,5
7. Любительские занятия	3,7	2,4	1,9	2,6	2,1	1,8
8. Просмотр телепередач	8,8	6,0	2,9	6,9	6,6	3,0
9. Чтение	0,9	1,0	0,6	1,1	1,7	1,0
10. Прослушивание радио и аудиозаписей	0,3	0,4	0,1	0,4	0,1	0,1
11. Пользование интернетом	5,7	8,6	5,8	2,5	4,3	1,7
12. Бездеятельный отдых (лежал, думал, и т. п.)	1,6	1,6	2,3	1,0	1,2	1,6
Свободное время – всего	36,2	31,7	24,5	22,4	24,4	16,5

Величина свободного времени у мужчин оказывает влияние на времязатраты, отводимые учёбе и самообразованию, любительским занятиям, просмотру телепередач, чтению. У женщин такое влияние распространяется главным образом на чтение и пользование интернетом. Влияние объёма свобод-

ного времени на структуру занятий выражается в том, что при уменьшении величины этого времяресурса происходит интенсификация его использования у рабочих. Проведенный расчёт по более дробно агрегированной структуре видов занятий в свободное время показал, что в составе свободного времени «восстанавливающая» и «развивающая» группы видов деятельности при самом значительном объёме свободного времени (36,2 часа в неделю у мужчин во Владимире) соотносятся, примерно, как 60 к 40%. Наименьшая величина этого времяресурса у мужчин (24,5 часа в Омске) не меняет данного соотношения: 60 к 40%. Такая же закономерность наблюдается и в использовании свободного времени женщинами, только с меньшей долей развивающей деятельности 70 к 30%.

Величину свободного времени оценивают как достаточную только 10–21% рабочих. Судя по данным [таблицы 11](#), женщины должны испытывать дефицит свободного времени в рабочие дни в большей степени, чем мужчины, т. к. его объём в средний рабочий день у мужчин в 1,5 раза больше, чем у женщин. Но в нерабочий день это соотношение выглядит существенно выравненным. Основной объём свободного времени приходится на нерабочие дни. Однако выбор рабочими (и мужчинами, и женщинами) наиболее предпочитаемых групп занятий в нерабочий день практически повторяет картину предпочтений в средний рабочий день, только с большей продолжительностью этих же видов деятельности.

Таблица 11

Величина свободного времени рабочих на предприятиях Пскова в рабочие и нерабочие дни, на одного опрошенного в день, часы

Вид деятельности	Затраты времени	
	Мужчины	Женщины
В рабочий день	4,0	2,7
Наиболее времяёмкие виды деятельности	- Интернет - ТВ - Общение - Любительские занятия	- Интернет - Любительские занятия - Общение
В нерабочий день	6,1	5,5
Наиболее времяёмкие виды деятельности	- Интернет - Любительские занятия - ТВ - Общение - Отдых на открытом воздухе	- ТВ - Интернет - Чтение - Общение - Любительские занятия - Отдых на открытом воздухе
В среднем в день недели	4,5	3,5

Самооценки показали, что почти половина рабочих (в большей степени мужчины при меньшей напряжённости их бюджета времени) [Караханова 2016: 179] испытывают потребность в расширении временного пространства именно восстанавливающей деятельности и отчасти не в самом лучшем её виде, а именно: «Просто отдохнуть, ничего не делая». Интенсификация использования свободного времени в случае сокращения его величины характеризует выбор пути адаптации: минимизация потерь в удовлетворении насущных досуговых потребностей. Однако из данного вывода не следует, что и величина свободного времени является достаточной, и структура занятий вполне удовлетворительна. Минимизация таких потерь может идти двумя путями: сохранение структуры занятий, уменьшение расхода времени и его перераспределение или сокращение числа занятий, но увеличение затрат времени на них. Представляет трудность преодоление противоречия между оценкой вариантов оптимизации структуры занятий как положительной деятельности, с точки зрения субъекта, и полезности её – с позиции общества. Например, с уменьшением временных возможностей рабочие существенно сокращают затраты времени на учёбу, самообразование и повышение квалификации. Выявленная картина досугового поведения рабочих свидетельствует о наличии значительных нереализованных резервов улучшения использования совокупного фонда времени.

Динамика использования времени и тенденции изменений

Изменения в использовании фонда времени рабочими рассмотрим за периоды с 1965 по 1986 гг. и с 1986 по 2014 гг. Данные за 2007/08 гг. содержат информацию, полученную в Пскове и Саратове (также относящемуся к кластеру «Середина»). Объединение массивов данных было обусловлено тем, что среди опрошенных по территориальной выборке в Пскове доля рабочих была недостаточной для анализа. Кроме того, показатели времени по шести агрегированным группам видов деятельности имели значительное сходство у опрошенных на этих территориях [Караханова, Большакова 2011]. Для сравнительного анализа данных за 1997–2014 гг. была проведена процедура «взвешивания» показателей времени за эти годы по методике, разработанной в 2014 г. Поэтому цифры, приведённые в [таблице 12](#), несколько отличаются от ранее опубликованных.

Таблица 12

Бюджет времени рабочих в 1965–2014 гг.,
на одного опрошенного в неделю, часы и %

Вид деятельности	Псков			Псков, Саратов	Псков	Владимир	Омск
	1965 N=788	1986 N=985	1997/98 N=69	2007/08 N=74	2014		
					N=200	N=196	N=197
Затраты времени мужчин							
1. Оплачиваемый труд и виды деятельности, связанные с ним	46,5	50,7	42,6	58,7	45,8	43,7	51,2
в т. ч. передвижения до работы и обратно	4,6	5,4	4,5	5,4	4,1	3,8	4,1
2. Домашний труд и другая бытовая деятельность	16,3	14,4	19,7	17,2	22,0	21,6	22,2
Общая трудовая нагрузка (1+2), часы/%*	62,8/37	65,1/39	62,3/37	75,9/45	67,8/40	65,3/39	73,4/44
3. Удовлетворение физиологических потребностей, часы/%*	70,7/42	68,5/41	69,0/41	65,3/39	68,5/41	66,5/40	70,0/42
4. Занятия в свободное время, часы/%*	34,5/21	34,0/20	36,3/22	26,8/16	31,7/19	36,2/21	24,5/14
5. Нераспределённое время	0,0	0,4	0,4	0,0	0,0	0,0	0,0
Всего часов в неделю	168,0	168,0	168,0	168,0	168,0	168,0	168,0
Затраты времени женщин							
1. Оплачиваемый труд и виды деятельности, связанные с ним	44,9	44,7	43,2	57,0	45,6	45,7	49,2
в т. ч. передвижения до работы и обратно	3,9	3,7	6,2	4,5	4,8	4,1	4,0
2. Домашний труд и другая бытовая деятельность	35,4	28,2	28,3	26,6	27,2	32,0	34,9
Общая трудовая нагрузка (1+2), часы/%*	80,3/48	72,9/43	71,5/42	83,6/50	72,8/43	77,7/46	84,1/50
3. Удовлетворение физиологических потребностей, часы/%*	67,0/40	68,4/41	70,2/42	62,6/37	70,8/42	67,8/40	67,4/40
4. Занятия в свободное время, часы/%*	20,7/12	25,9/16	25,9/16	21,8/13	24,4/15	22,4/14	16,5/10
5. Нераспределённое время	0,0	0,8	0,4	0,0	0,0	0,1	0,0
Всего часов в неделю	168,0	168,0	168,0	168,0	168,0	168,0	168,0

*Доля затрат времени в недельном фонде времени (%).

В недельном фонде времени соотношение между общей трудовой нагрузкой, восстанавливающими видами деятельности и занятиями в свободное время (развивающими) в 1965–86 гг. у женщин изменилось кардинально: с 48 – 40 – 12% до 43 – 41 – 16%. Произошло это благодаря значительному сокращению затрат времени на домашний труд и другую бытовую деятельность. Эти изменения в повседневной деятельности рабочих оценивались как безусловно положительные. Улучшились не только показатели трудовой составляющей повседневной деятельности, но и почти все времязатратные характеристики восстанавливающей деятельности. Вместе с тем в возросшем на 5,2 часа в неделю свободном времени женщин сократился его развивающий компонент (повышение образования, чтение, посещение учреждений культуры и др.), но увеличились затраты времени на физическое развитие, т. е. фактически восстанавливающую деятельность.

У мужчин наблюдалась динамика, выразившаяся в некотором повышении напряжённости их бюджета времени, с 37 – 42 – 21% до 39 – 41 – 20%. Увеличилось время их оплачиваемого труда и «накладных» затрат времени на 4,2 часа в неделю. Времязатраты на домашний труд и другую бытовую деятельность у мужчин, как и у женщин, сократились. Такая направленность социальных процессов, однако, не свидетельствует об однозначно отрицательной динамике, т. к. рост рабочего времени мужчин в какой-то степени мог компенсировать наблюдавшиеся потери в его использовании. Это обстоятельство, тем не менее, не снимает с повестки дня вопрос о повышении эффективности использования рабочего времени на промышленных предприятиях. В качестве отрицательного последствия можно рассматривать сокращение в структуре восстанавливающей деятельности мужчин затрат времени на питание. Тенденции в изменении структуры свободного времени, которое у мужчин уменьшилось на полчаса в неделю, имеют почти такой же характер, какой выявили у женщин. При этом у мужчин в большей степени сократились затраты времени на повышение образования, чтение, посещение учреждений культуры и даже на спорт и активный досуг.

Таким образом, к началу политических и социально-экономических преобразований в стране (1986 г.) показатели времени, характеризующие реальное поведение рабочих в сферах труда, бытовой деятельности и свободного времени, давали представление о базе, имеющей довольно основательный положительный задел в реальной практике структурирования времени и указывающей на «узкие места», требующие дальнейшей работы по их «расширению».

Следующий исторический отрезок (1986–2014 гг.), являющийся собой новую политическую и социально-экономическую реальность, представлен тремя точками замеров исполь-

Времязатраты на домашний труд и другую бытовую деятельность у мужчин, как и у женщин, сократились. В качестве отрицательного явления можно рассматривать сокращение в структуре восстанавливающей деятельности мужчин затрат времени на питание.

зования рабочими фонда времени: 1997/98, 2007/08 и 2014 гг. В период радикальных экономических реформ (1986–98 гг.) структура фонда времени по трём его составляющим у женщин изменилась незначительно: 42 – 42 – 16% против 43 – 41 – 16%, но внутри трёх групп изменения более заметны. Женщины стали расходовать больше времени на передвижения до места работы и обратно. Увеличилась продолжительность их суточного сна, но сократилось время на приём пищи. Женщины стали меньше посвящать времени уходу за детьми и их воспитанию, хотя в целом объём бытовой деятельности во временном выражении не вырос. При той же величине свободного времени изменился характер предпочтений в выборе занятий. Из его состава практически исчезли времязатраты на повышение образования, посещение учреждений культуры, занятия физкультурой и спортом. Вместе с тем выросла длительность чтения книг, журналов, газет почти на 1,5 часа в неделю, просмотра телепередач, общение, пассивный отдых.

У мужчин видна более выраженная трансформация, но не грубая: 37 – 41 – 22% против 39 – 41 – 20%. Фактически мужчины вернулись к показателям 1965 г. Общая трудовая нагрузка снизилась, хотя повысился домашний труд и другая бытовая деятельность. По сравнению с женщинами, у мужчин, ровно наоборот, сократилась длительность сна, но вырос расход времени на питание. Свободное время возросло, но тенденции в его использовании наблюдались примерно те же, что у женщин. Из бюджета времени мужчин также исчезли статьи затрат времени на повышение образования и посещение учреждений культуры. Однако сохранились довольно солидные времязатраты на чтение, даже немного подросли, сильно увеличилась продолжительность просмотра телепередач (на 5,0 часов в неделю). Такими тенденциями в повседневной деятельности рабочие завершили первое десятилетие реформ. Развить положительные результаты в реальном поведении рабочих, достигнутые в предшествующий период, не удалось. Вскоре страна «погрузилась» в экономический кризис.

Следующее десятилетие реформ (1997–2008) было временем преодоления кризиса и его последствий. Сильно выросла активность рабочих (и мужчин, и женщин) в сфере оплачиваемого труда. Рабочее время вместе с «накладными» затратами, включая транспортные времязатраты, увеличилось, соответственно, на 16,1 и на 13,8 часа в неделю. Бытовая деятельность сократилась у тех и других, но, тем не менее, женщины нашли возможность прибавить к затратам времени на уход за детьми и их воспитание ещё 4,9 часа в неделю – весьма положительный факт. У мужчин и женщин заметно уменьшился и времяресурс, расходуемый на удовлетворение физиологических потребностей. Суточный сон сократился на 6,0–7,3 часа в неделю, величина времени на приём пищи оста-

лась без изменений. Менялся у рабочих и объём, и структура использования свободного времени. Вопреки уменьшению его величины у мужчин на 9,5 часа, а у женщин – на 4,1 часа в неделю, его структура может претендовать на некоторые положительные качественные сдвиги. У мужчин вновь появились посещения учреждений культуры, а у женщин – занятия физкультурой и спортом, у тех и других зафиксированы затраты времени на повышение образования. Однако, наряду с этим, мужчины в три раза снизили времязатраты на физкультуру и спорт; у мужчин и женщин «понесло потери» чтение, затраты времени на него уменьшились, соответственно, в 4,0 и 1,5 раза, продолжительность просмотра телепередач также стала меньше в 2,0–2,5 раза. Зато общение получило «временной простор». Его времяресурс возрос у мужчин в 3,2 раза, а у женщин в 2,5 раза. Все это внесло коррективы и в соотношения «труд – восстановление – развитие». У мужчин: 45 – 39 – 16% против 37 – 41 – 22%; у женщин: 50 – 37 – 13% против 42 – 42 – 16%. При всех выявленных позитивных тенденциях такие показатели соотношений свидетельствуют о признаках «депрессивности» в использовании фонда времени и крайней напряжённости бюджета времени, прежде всего у женщин-работниц.

Замер показателей времени у рабочих в 2014 г. почти совпал с началом нового витка кризиса. За период между 2007 и 2014 гг. (по предприятиям Пскова, см. таблицу 12) также произошла переоценка рабочими ценностей их деятельности как проявление выбора путей адаптации к новым социально-экономическим реалиям. Судя по соотношениям «общая трудовая нагрузка» – «удовлетворение физиологических потребностей» – «свободное время», эффективность такого выбора женщинами оказалась выше (43 – 42 – 15% в 2007 г. против 50 – 37 – 13% в 2014 г.), чем мужчинами (40 – 41 – 19% против 45 – 39 – 16%, соответственно). Мужчины сократили общую трудовую нагрузку, но за счёт нежелательного снижения продолжительности рабочего времени (вместе с «накладными» затратами времени), а домашний труд и другая бытовая деятельность стали отнимать у них больше времени на 4,8 часа в неделю. Кроме того, в самооценках рабочих произошло некоторое снижение значимости труда для заработка; причём понижение этой ценности согласуется с аналогичной направленностью динамики ценности «материальное благополучие». Но, как бы то ни было, положительным следствием изменений в трудовом поведении мужчин является увеличение временного ресурса на восстановление и развивающую деятельность.

В динамике реального поведения женщин положительным, безусловно, является значительное уменьшение объёма оплачиваемого труда (вместе с «накладными» видами деятельности) на 11,4 часа в неделю. Бытовая деятельность почти не

претерпела изменений. Возросшее на 8,2 часа в неделю время удовлетворения физиологических потребностей позволило женщинам увеличить его расход прежде всего на сон. Величина свободного времени у женщин стала больше на 2,6 часа в неделю (см. таблицу 10). Повысились времяресурсы общения, группы «Спорт и активный досуг» за счёт активизации только любительских занятий и отдыха на открытом воздухе, различных видов религиозной деятельности, а также существенно больше времени стали потреблять все виды деятельности в интернете. Изменения в реальных практиках использования свободного времени однако не совпали с самооценками женщин (по их ощущениям) изменений в продолжительности любительских занятий, различных видов общения, отдыха на открытом воздухе. Рассчитанный индекс этих оценок не достиг 3,0 (исходя из пятибалльной шкалы), что соответствует, скорее, позиции «Стали затрачивать времени меньше», чем позиции «Примерно столько же, сколько 5–6 лет назад». В отношении временных ресурсов, расходуемых женщинами на учёбу, самообразование и чтение, можно сказать, что направленность тенденций в этой области повседневной деятельности не вызывает оптимизма, т. к. показатели времени явно ухудшились.

Мужчины в ещё большей степени улучшили показатель объёма свободного времени – на 4,9 часа в неделю, но тенденции в его структурировании в основном наблюдались те же, что у женщин. Меньшая по сравнению с женщинами напряжённость бюджета времени мужчин к 2014 г. сохранилась.

Несколько слов посвятим направленности изменений в использовании времени в связи с наблюдающейся некоторой региональной дифференциацией его показателей. Рассматриваемая выше динамика структурирования фонда времени рабочими в 1965–2014 гг. базировалась на данных, полученных на трёх предприятиях одного и того же Северо-Западного федерального округа, одного и того же областного центра. В связи с этим важно определить, вносят ли региональные условия двух других областных центров поправки в выявленные тенденции изменений в реальном поведении рабочих и насколько они серьёзны. Сравнение данных бюджета времени рабочих, которые трудятся на двух других предприятиях, расположенных в областных центрах Центрального и Сибирского федеральных округов, показало, что они в целом вписываются в картину направленности тенденций распределения времени между сферами деятельности, наблюдаемую по данным, полученным в Псковском регионе в 1965–2014 гг. Присутствуют и региональные различия в степени проявления изменений реального поведения рабочих, когда рассматриваются виды деятельности в менее укрупнённом формате, но они существенно не меняют общего характера выявленной социальной направленности изменений в повседневной деятельности рабочих.

Выводы

Анализ показал, что проблемы в структурировании рабочими фонда времени в сферах трудовой, восстанавливающей деятельности и в проведении ими свободного времени существуют. В условиях оживления в стране промышленной политики на повестке дня стоит вопрос об изменении качественных характеристик рабочих как важной группы наёмных работников. Например, на предприятиях Северо-Западного федерального округа каждый четвёртый опрошенный является (по самооценкам) рабочим неквалифицированным и низкой квалификации. Изменение качественных характеристик может происходить через изменение структуры и содержания повседневной деятельности рабочих. Меры социальной политики призваны не мешать, а содействовать такому процессу. Динамика развивающей деятельности не должна носить одностороннего характера, как это происходило в течение последних 6–7 лет, когда только деятельность в интернете (не всегда дающая полезный, с точки зрения развития, эффект) замещает другие важные занятия в свободное время.

Несмотря на ряд положительных изменений, произошедших в повседневной деятельности женщин-работниц, их общая трудовая нагрузка, существенно превышающая зафиксированную у мужчин, меньшая величина свободного времени, степень напряжённости их бюджета времени дают основание для вывода о том, что при социальной нестабильности это может привести к серьёзному ухудшению их социального самочувствия и физического здоровья. Анализ данных о состоянии здоровья рабочих показал, что по мере увеличения возраста в группе с хорошим и отличным состоянием здоровья обнаруживается все меньшее количество лиц. В группе 50-летних и старше, например, таких 1 из 10 человек. Эти цифры иллюстрируют не только уровень здоровья, но и соответствующую такому уровню степень работоспособности, которая с возрастом по мере ухудшения здоровья по определению не может не снижаться. При этом необходимо иметь в виду динамику общей трудовой нагрузки и реальную потребность в восстанавливающей деятельности. Такие факты нельзя не учитывать, когда сегодня дискутируется вопрос о повышении пенсионного возраста. Главным аргументом для обоснования данной меры социальной политики выступает увеличившаяся средняя продолжительность жизни. При этом абсолютно не берутся в расчёт снижающаяся в старших возрастах работоспособность и существующая дифференциация в интенсивности труда. В особо напряжённом положении оказываются жен-

В условиях оживления в стране промышленной политики на повестке дня стоит вопрос об изменении качественных характеристик рабочих как важной группы наёмных работников.

В повседневной деятельности женщин-работниц их общая трудовая нагрузка, существенно превышающая зафиксированную у мужчин, меньшая величина свободного времени, степень напряжённости их бюджета времени дают основание для вывода о том, что при социальной нестабильности это может привести к серьёзному ухудшению их социального самочувствия и физического здоровья.

щины рабочих профессий, для них (в числе работающих женщин других профессий) предусматривается увеличение пенсионного возраста аж на 10 лет. Работницы таких профессий в старших возрастах ущемлены в возможности использовать гибкие режимы работы или неполной занятости. Если поставлена цель увеличить показатели смертности женщин, которые, видимо, представляются низкими, то выбранное направление социальной политики вполне объяснимо.

Основной задачей общества должно являться, на наш взгляд, создание условий не только для повышения рождаемости, но и для того, чтобы родители (прежде всего, матери) имели возможность в полной мере реализовывать свои обязанности по воспитанию детей, которые, достигнув совершеннолетия, не пополняли бы ряды молодых правонарушителей, но вырастали бы физически и нравственно здоровыми людьми. Подавляющее большинство рабочих (83%) согласились с тем, что «занятие со своими детьми, их воспитание является самым главным в жизни обоих супругов». Как женщине в нынешних условиях совмещать роль матери, неформально выполняющей задачи воспитания нравственно здоровых детей, и профессиональный рост, который необходим хотя бы для того, чтобы (как её убеждают) получать в дальнейшем достойную пенсию? Когда социальная адаптация требует от субъекта повседневного переключивания таких важных обязанностей на «чужие плечи», то такая адаптация не может не приводить к негативным последствиям для будущего страны.

Библиографический список

Андреев В. А., Павлов К. В., Лялин В. Е. 2007. Институционализация интенсивности труда // Научные ведомости БелГУ. № 1 (32). С. 136–141.

Бусурин Ю. М. 2004. Эволюция теории интенсивности труда в советской политической экономии (вторая половина XX в.) // Вестник АГТУ. № 3. С. 17–24.

Бюджет времени трудящихся промышленности (методические рекомендации и материалы исследования) / Отв. ред. В. Д. Патрушев. М.: ИСИ АН СССР, 1984. 137 с.

Караханова Т. М. 2016. Российская повседневность в показателях времени (1965–2014 гг.) // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 14 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф. 496 с.

Караханова Т. М., Бессокирная Г. П., Большакова О. А. 2015. Повседневная деятельность рабочих: труд, быт, досуг, 2014. М.: Институт социологии РАН. 100 с. // Официальный сайт ИС РАН. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3224> [Дата посещения: 03.11.2015].

Караханова Т. М., Бессокирная Г. П., Большакова О. А. Труд и досуг рабочих (Программа, инструментарий и некоторые предварительные результаты повторного исследования). М.: Институт социологии РАН, 2014. 162 с. // Официальный сайт ИС РАН. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3224> [Дата посещения: 03.11.2015].

Караханова Т. М., Большакова О. А. 2011. Использование времени горожанами: социально-экономические и демографические факторы // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011. Вып. 10 / Отв. ред. академик РАН М. К. Горшков. М., СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-История. С. 332–349.

Лапин Н. И. 2015. Дистанции между модернизированностью макрорегионов и этапы интегрирующей модернизации России // Социологические исследования. № 3. С. 44–55.

Патрушев В. Д. 1993. Бюджет времени рабочих Москвы и Московской области и его использование в 1991 г. М.: ИС РАН. 64 с.

Патрушев В. Д. 1982. Бюджет времени трудящихся промышленных предприятий // Советская социология (Динамика социальных процессов в СССР) / Под ред. Т. В. Рябушкина и Г. В. Осипова. М.: Наука. Т. 2. С. 164–172.

Патрушев В. Д. 1994. Изменения в использовании бюджета времени рабочих Москвы за 1923–1991 гг. М.: ИС РАН. 62 с.

Патрушев В. Д. 1963. Интенсивность труда при социализме. М.: Издательство экономической литературы. 240 с.

Патрушев В. Д. 2001. Сравнительный анализ бюджетов времени рабочих в России, США и Финляндии // Социологический журнал. № 4. С. 128–135.

Патрушев В. Д. 2006. Труд и досуг рабочих (бюджет времени, ценности и мотивы). М.: Изд-во ИС РАН. 164 с.

Повседневная деятельность городских жителей в годы реформ: бюджет времени, ценности, тенденции (1986–2008) / Под общ. ред. Т. М. Карахановой. М.: Институт социологии РАН, 2010. 344 с.

Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2015. 727 с.

Руководство по физиологии труда / Под ред. З. М. Золиной, Н. Ф. Измерова. М.: Медицина, 1983. 528 с.

Социальный атлас российских регионов // Официальный сайт НИСП. URL: http://www.socpol.ru/atlas/typology/Typology_tabl.htm [Дата посещения: 03.11.2015].

Струмилин С. Г. 1982. Проблемы экономики труда. М.: Наука. 471 с.

Тихонова Н. Е. 2011. Акторы российской модернизации в восприятии населения и в реальности // Вестник Института социологии. № 3. С. 120–140. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2011_32/Tihonova2.pdf (Дата посещения: 06.11.2015).

Труд в СССР. Экономико-статистический справочник / Под ред. Э. Л. Миндлина и С. А. Хейнмана. М.–Л.: ЭкономГиз, 1932. 182 с.

Труд и занятость в России. Стат. сб. М.: Росстат, 2015. 274 с.

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.413

Laborers Time Budget as a Reflection of Their Actual Behavior in Everyday Life

Karakhanova Tatyana Murtazaevna

Candidate of economical sciences, leading researcher, head of the Department of study of the daily activity and time budget, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: patruhev@isras.ru

Bolshakova Olga Alexandrovna

Candidate of sociological sciences, researcher of the of the Department of study of the daily activity and time budget, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: patruhev@isras.ru

Abstract. This article is dedicated to issues of time use among laborers – a large social group within the country's population. Its empirical basis includes data from studies which are composed of 50 years of observation in the field of studying laborers' time budget (1965–2014). Up until 1998 surveys were conducted using a uniform method under the supervision of V. D. Patrushev. In 2014 research was conducted at 8 industrial enterprises located in five Russian regional capitals: Bryansk, Vladimir, Kirov, Omsk and Pskov. However, time budget was examined in only three of them: Vladimir, Omsk and Pskov. Not only objective data on time-use was utilized in the analysis, but also the laborers' subjective assessments concerning various aspects of their own everyday activities. The article consists of five chapters: a general evaluation of time use among laborers in 2014; working hours and types of activities associated with work; domestic labor and other household activities (unpaid labor); leisure time as a resource for regenerative and developmental activities; the dynamics of laborers' time use and tendencies for changes in everyday activities from 1965 to 2014. The article examines the actual behavior of laborers in various typical groups of everyday activities, while also analyzing the structuring of daily and weekly time reserves, including its differentiation depending on the gender of those surveyed. Laborers' working hours are thoroughly evaluated, as well as their structure, while attempting to assess labor intensity. Revealed is the general and specific behavior of laborers who work for enterprises located in territories which are part of the Central, North-West and Siberian federal districts. Analyzed are the dynamics of laborers' time use, and formulated are conclusions concerning the direction for changes in their actual behavior: labor, regenerative and developmental during a period from 1965 to 2014. Revealed is the authors' standpoint when it comes to the government's social policies, and when it comes to what should be considered keeping in mind laborers' actual behavior in their everyday activities.

Keywords: laborers, time budget, working hours, domestic labor, leisure time activities, labor activities, regenerative activities, developmental activities, tendencies for change.

References

Andreev V. A., Pavlov K. V., Lialin V. E. Institucionalizacija intensivnosti truda [The Institutionalization of Labor Intensity]. *Nauchnye vedomosti BelGU*, 2007, no 1 (32), pp. 136–141.

Biudzhët vremeni trudiaschihsia promyshlennosti (metodicheskie rekomendacii i materialy issledovaniya) [Budget Time of Industry Workers (Guidelines and Results of the Research)]. Ed. by V. D. Patrushev. Moscow, ISR AS USSR, 1984. 137 p.

Busurin Y. M. Evoliucija teorii intensivnosti truda v sovetskoy politicheskoy ekonomii (vtoraja polovina XX v.) [The Evolution of the Labor Intensity Theory in Soviet Political Economy (the Second Half of XX Century)]. *Vestnik AGTU*, 2004, no 3, pp. 17–24.

Karahanova T. M. Rossiyskaja povsednevnost' v pokazateliah vremeni (1965–2014 gg.) [Russian Daily in Terms of Time (1965–2014)]. *Rossija reformirujuschaiasia: Ezhegodnik*. Vol. 14. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Novy Khronograph, 2016. 496 p.

Karahanova T. M., Bessokirnaia G. P., Bol'shakova O. A. Povsednevnaia dejatel'nost' rabochih: trud, byt, dosug, 2014 [Daily Activities of Workers: Work, Life, Leisure, 2014]. Moscow, IS RAS, 2015. 100 p. IS RAS Official website. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3224> [date of visit: 03.07.2016].

Karahanova T. M., Bessokirnaia G. P., Bol'shakova O. A. Trud i dosug rabochih (Programma, instrumentary i nekotorye predvaritel'nye rezul'taty povtornogo issledovaniia) [Work and Leisure of Workers (Program, Instruments and Some Preliminary Results of the Re-examination)]. Moscow, IS RAS, 2014. 162 p. IS RAS Official website. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3224> [date of visit: 03.09.2016].

Karahanova T. M., Bol'shakova O. A. Ispol'zovanie vremeni gorozhanami: social'no-ekonomicheskie i demograficheskie faktory [Time Using of Citizens: the Socio-economic and Demographic Factors]. Rossiia reformirujushchaisia: Ezhegodnik. Vol. 10. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, St.-Petersburg, IS RAS, Nestor-Istorija, pp. 332–349.

Lapin N. I. Distancii mezhdru modernizirovannost'ju makroregionov i etapy integrirujushey modernizacii Rossii [Distances between Macroregions Modernization and the Stages of Integrating Russia's Modernization]. Sociologicheskie issledovaniia, 2015, no 3, pp. 44–55.

Patrushev V. D. Biudzhet vremeni rabochih Moskvy i Moskovskoj oblasti i ego ispol'zovanie v 1991 godu [Time Budget of Workers of Moscow and the Moscow Region and its Use in 1991]. Moscow, IS RAS, 1993. 64 p.

Patrushev V. D. Biudzhet vremeni trudiaschihsia promyshlennykh predpriiatii [Time Budget of Industry Workers]. Sovetskaja sociologija (Dinamika social'nykh processov v SSSR). Ed. by T. V. Riabushkin, G. V. Osipov. Moscow, Nauka, 1982, Vol. 2, pp. 164–172.

Patrushev V. D. Intensivnost' truda pri socializme [Labor Intensity under Socialism]. Moscow, Izdatel'stvo ekonomicheskoy literatury, 1963. 240 p.

Patrushev V. D. Izmeneniia v ispol'zovanii biudzheta vremeni rabochih Moskvy za 1923–1991 gody [Changes in the Use of Working Time Budget of Moscow for 1923–1991]. Moscow, IS RAS, 1994. 62 p.

Patrushev V. D. Sravnitel'ny analiz biudzhetrov vremeni rabochih v Rossii, SShA i Finliandii [The Comparative Analysis of the Workers' Time Budget in Russia, USA and Finland]. Sociologicheskii zhurnal, 2001, no 4, pp. 128–135.

Patrushev V. D. Trud i dosug rabochih (biudzhet vremeni, cennosti i motivy) [Work and Leisure Time of Workers (Time Budget, Values and Motives)]. Moscow, IS RAS, 2006. 164 p.

Povsednevnaia dejatel'nost' gorodskih zhiteley v gody reform: biudzhet vremeni, cennosti, tendencii (1986–2008) [Daily Activities of Urban Residents in the Years of Reforms: Budget Time, Values, Trends (1986–2008)]. Ed. by T. M. Karahanova. Moscow, IS RAS, 2010. 344 p.

Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik [Russian Statistical Yearbook]. Moscow, Rosstat, 2015. 727 p.

Rukovodstvo po fiziologii truda [Occupational Physiology Guide]. Ed. by Z. M. Zolina, N. F. Izmerov. Moscow, Medicina, 1983. 528 p.

Social'ny atlas rossiyskikh regionov [Social Atlas of Russian Regions]. IISP Official website. URL: http://www.socpol.ru/atlas/typology/Typology_tabl.htm [date of visit: 03.11.2015].

Strumilin S. G. Problemy ekonomiki truda [Problems of Labor Economics]. Moscow, Nauka, 1982. 471 p.

Tikhonova N. E. Aktory rossijskoy modernizacii v vospriiatii naselenija i v real'nosti [Actors of Russian Modernization in the Public Perception and Reality]. Vestnik Instituta sociologii, 2011, no 3. pp. 120–140. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2011_32/Tihonova2.pdf [date of visit: 06.07.2016].

Trud i zaniatost' v Rossii [Labor and Employment in Russia]. Moscow, Rosstat publ., 2015. 274 p.

Trud v SSSR. Ekonomiko-statisticheskiy spravocnik [Labour in USSR. Economical and Statistical Guidebook]. Ed. by Z. L. Mindlin, S. A. Heinman. Moscow, Leningrad, EconomGIZ, 1932. 182 p.

Т е м а н о м е р а : С о с т о я н и е с о ц и а л ь н ы х с л о ё в и г р у п п в р е г и о н а х с о в р е м е н н о й Р о с с и и

П р о б л е м ы т р у д о у с т р о й с т в а и н в а л и д о в : р е г и о н а л ь н ы й а с п е к т

Горина Татьяна Ивановна – научный сотрудник
Центра исследования социальной структуры
и социального расслоения, Институт социологии
Российской академии наук, Москва

E-mail: tagor03@mail.ru

Кефели Валентина Борисовна –
научный сотрудник Центра исследования
социальной структуры и социального расслоения,
Институт социологии Российской академии наук,
Москва

E-mail: vkefeli@mail.ru

Проблемы трудоустройства инвалидов: региональный аспект

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.414

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы трудоустройства инвалидов на рынке труда, их интеграции в социум, их потребности в различных сферах жизнедеятельности. Анализ проблем инвалидности как социального явления на сегодняшний день свидетельствует о том, что наше общество, пройдя долгий путь изоляции людей с ограниченными возможностями здоровья, подошло к признанию остроты этого вопроса как следствия социальной неустроенности всего общества. Ориентируя инвалидов на активную жизненную позицию, само государство не смогло преодолеть противоречий в отношениях между законодательством и рынком труда. В процессе рыночной трансформации российская социальная политика в отношении занятости инвалидов была пересмотрена не в интересах инвалидов: отменились налоговые льготы на фоне норм квотирования рабочих мест, не создавались рабочие места с необходимыми условиями труда, работодателями нарушались права инвалидов в сфере занятости. В итоге существующие сегодня серьёзные препятствия реализации инвалидами своего права на труд обострили проблему социального неравенства. Акцентируется внимание на вопросах применения труда инвалидов в частных и государственных организациях, мотивах их трудоустройства, проблемах трудовой и правовой осведомлённости. Исследование показало, что многие инвалиды стремятся работать и быть независимыми, однако испытывают большие трудности с трудоустройством и нуждаются в помощи. Большинство из опрошенных негативно оценивают не только своё настоящее, но и с пессимизмом смотрят в будущее, считая, что в их жизни нет перспектив. В статье прослеживаются роль и значение государственной службы занятости (СЗН) в изучаемом вопросе.

Ключевые слова: инвалиды, социальная политика, рынок труда, интеграция, социальное гражданство, трудовая адаптация, права и гарантии занятости, служба занятости

Современное российское общество живёт в период радикальных социально-экономических и демократических реформ, дающих возможность всем членам общества жить и трудиться в демократической стране. «Россия должна быть и будет страной с развитым гражданским обществом и устойчивой демократией. В ней в полной мере будут обеспечены права человека, гражданские и политические свободы», – подчеркнул В. В. Путин в своём президентском Послании Федеральному Собранию [Путин 2003].

Важнейшим показателем демократического общества является отношение членов этого общества к инвалидам. Анализ развития проблем инвалидности как социального явления на сегодняшний день свидетельствует о том, что наше общество, пройдя долгий путь полной изоляции людей с ограниченными возможностями здоровья, подошло к признанию остроты этого вопроса как следствия социальной неустроенности всего общества.

В перечень наиболее важных государственных задач, наряду с другими социальными проблемами, включена проблема трудоустройства инвалидов. Согласно данным Росстата на 1 января 2014 г., количество людей, которым присвоена инвалидность, в России составляет свыше 13 млн человек. Трудоспособных из них более 2,5 млн, что составляет 17% от общего числа инвалидов, причём 83,3% имеют профессию, подтверждённую дипломом или свидетельством. Однако постоянную работу из числа инвалидов трудоспособного возраста имеют всего лишь 40% (817,2 тыс. чел.).

К сожалению, потенциал этой социальной группы, которая могла бы стать серьёзным источником пополнения рабочей силы в период социально-экономического кризиса, до сих пор остаётся нереализованным.

До 1960 г. основное внимание социальной политики в отношении инвалидов было уделено «военной инвалидности» [Наберушкина 2002]. В последующие годы эта политика была направлена на централизацию помощи инвалидам: были созданы специализированные интернаты, учебные заведения, производства для инвалидов, что привело к полной изоляции инвалидов от других членов общества [Малеева, Васин 2001].

Вопросы адаптации и интеграции инвалидов в общество не затрагивались. И только в 1995 г. в федеральном законе «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» были прописаны новые понятия инвалидности. Впервые было объявлено «обеспечение инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией РФ». Однако в обществе осталось прежнее отношение к инвалидам как социальному меньшинству.

На 1 января 2014 г. количество людей, которым присвоена инвалидность, в России составляет свыше 13 млн человек. Трудоспособных из них более 2,5 млн, 83,3% имеют профессию, подтверждённую дипломом или свидетельством. Однако постоянную работу из числа инвалидов трудоспособного возраста имеют всего лишь 40% (817,2 тыс. чел.).

Некоторые изменения наступили в связи с подписанием Россией в сентябре 2008 г. Конвенции ООН о правах инвалидов. В отличие от российского законодательства, Конвенция основана на социальном подходе, признающим инвалидность следствием неустроенности общественных отношений. Подписав Конвенцию ООН, государство признало инвалидность следствием социальной несправедливости и дало обязательство изменить условия жизни инвалидов.

Следуя ст.13 Закона «О занятости населения Российской Федерации» [Законодательство... 1991], государство обязано обеспечить инвалидам дополнительные гарантии в поиске работы, создании и реализации целевых программ содействия занятости. Однако, ориентируя инвалидов на активную жизненную позицию, само государство не смогло преодолеть противоречий в отношениях между законодательством и рынком труда. В процессе рыночной трансформации российская социальная политика в отношении занятости инвалидов была пересмотрена не в интересах инвалидов: отменились налоговые льготы на фоне норм квотирования рабочих мест, не создавались рабочие места с необходимыми условиями труда, работодателями нарушались права инвалидов в сфере занятости, что серьезно повлияло на их трудоустройство. В итоге существующие сегодня серьезные препятствия реализации инвалидами права на труд обострили проблему социального неравенства.

Вопросы социального неравенства и способы его преодоления являются сегодня насущными вопросами в обсуждении проблем развития нашего общества. Проблеме интеграции инвалидов в общество посвящено значительное количество научных трудов. Цель интеграции заключается в создании общества с равными возможностями и правами для всех его членов. На сегодняшний день накоплен определённый опыт изучения проблем интеграции инвалидов в общество, однако всё ещё остаётся не до конца разработанным системный подход к решению данного вопроса.

В некоторых исследованиях социальной политики делается попытка привлечения внимания к жизненной активности инвалидов, к способам их социальной интеграции посредством политики занятости, социального обеспечения, предпринимательской деятельности [Наберушкина 2002], учитывая при этом трудности с передвижением и недоступностью объектов социальной инфраструктуры – всего того, что снижает социальную активность инвалидов и их конкурентоспособность на рынке труда [Ярская-Смирнова, Наберушкина 2003]. Инвалиды, имея трудовые льготы в сфере занятости, мало интересуют работодателей, в результате чего образуется социальная дистанция между ними и полноценными работниками. Это просматривается в социологических исследованиях, посвящённых изучению стратификации социальной системы инвалидности [Добровольская, Шабалина 1993: 62].

Работы, посвящённые проблемам инвалидности в России, на протяжении долгого времени отражали вопросы социально-бытового обеспечения, предоставления социальных услуг и социокультурной реабилитации. Новые подходы в сфере профессиональной реабилитации проанализированы многими современными российскими авторами¹.

В ходе исследования, проведённого службой занятости населения Нижнего Новгорода (СЗН) при участии ИС РАН с целью изучения основных проблем трудоустройства инвалидов, вопросов их информированности о рынке труда, юридических и правовых аспектах трудоустройства, роли и значения государственной службы занятости было проведено анкетирование 507 инвалидов, обратившихся в СЗН и зарегистрированных в качестве безработных, получено 10 неформализованных интервью с обратившимися в СЗН инвалидами и два интервью с сотрудниками СЗН, непосредственно занимающимися трудоустройством инвалидов.

Как показало исследование, многие инвалиды стремятся работать и быть независимыми. Однако, испытывая большие сложности с трудоустройством, они нуждаются в помощи. Большинство из опрошенных негативно оценивают не только своё настоящее, но и пессимистично смотрят в будущее, считая, что в их жизни нет перспектив: *«Мы живём в таком обществе, где любого человека, если он слаб, задавят. Тогда к чему стремиться? Как мы дальше собираемся жить? Сейчас поколение воспитывается в том духе, что надо урвать и ограбить. У нас в обществе интересен только тот, кто преуспел. И преуспел неважно как: обманул, ограбил, убил – что угодно. Главное – есть деньги. К чему мы тогда стремимся?»* (Андрей, 33 года, высшее образование); *«Нет никакой надежды найти работу, какую хочется, т. к. инвалидность является большим препятствием»* (Андрей, 49 лет, высшее образование); *«Меня никуда не берут на работу, всё занято. Если свободно – так сразу занято»* (Анна, 22 года, среднее образование). Такое восприятие жизни даёт ощущение полной незащитности и ненужности в жизни (см. рис. 1).

¹ Проблемы трудоустройства инвалидов отражены в работах Э. К. Наберушкиной, Н. Н. Малофеева, Д. Б. Шевченко, П. В. Романова, А. А. Чернецкой и др. Зарубежный опыт использования труда инвалидов рассматривается в трудах С. А. Жилина, М. Ю. Погудаева, Г. Г. Карпова, О. В. Новожиловой и др. Правовой защите инвалидов и их адаптации посвящено большое количество научных трудов Е. Р. Ярской-Смирновой, эта же проблематика отражена в работах А. Г. Шевцова, П. В. Романова, Н. П. Антипова, Д. В. Зайцева и др. Вопросы неоднозначности и сложности процессов трудовой адаптации, её структуры и динамики, степени адаптированности инвалидов с трудовой рекомендацией, воздействие факторов внешней и внутренней среды представлены в научных трудах Н. В. Гуляевой, О. И. Зотовой, В. П. Казначеева, П. С. Кузнецова, Б. Д. Парыгина, Л. Л. Шпака и др. Способы трудового поведения и выживания инвалидов в условиях постоянно меняющегося мира представлены в работах В. Н. Шубкина, И. К. Кряжевой, Н. В. Пилипенко, Е. М. Авраамовой, И. А. Бутенко, Л. А. Гордона, А. Н. Демина, Л. С. Егоровой, З. Н. Поповой, Н. М. Римашевской, Г. Л. Смирновой, М. А. Шабановой и др.

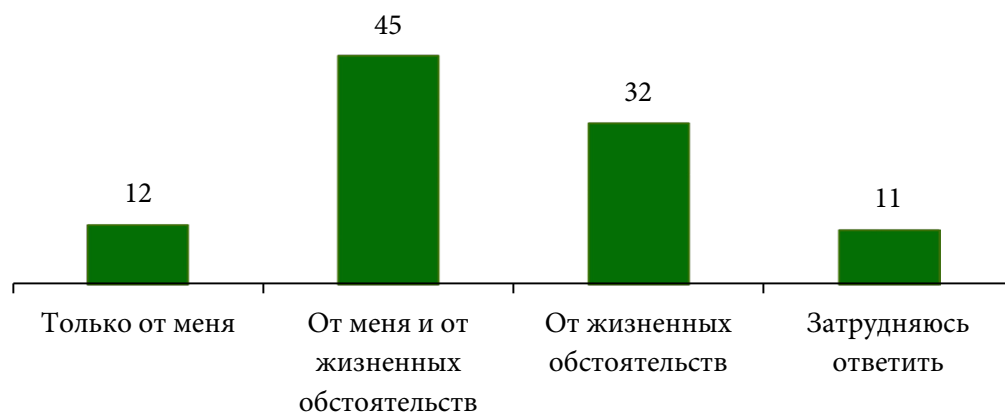

Рис. 1. От кого или чего зависит благополучие в жизни

Отвечая на вопрос, от чего зависит личное благополучие, только 12% опрошенных инвалидов ответили, что рассчитывают в своей борьбе с невзгодами исключительно на свои силы. 45% опрошенных считают, что одних только собственных усилий в их положении мало, нужна ещё и внешняя помощь. 32% опрошенных совсем не рассчитывают на свои силы, надеясь только на благоприятное стечение обстоятельств.

К сожалению, опрос не позволяет точно отделить субъективные причины недостаточной веры в себя от объективных. Однако он позволяет при планировании помощи инвалидам точно оценить ситуацию и исходить из того, что треть инвалидов рассчитывают на то, что их проблемы будут в основном решать за них, а ещё почти половина готовы что-то для этого делать, но желательно в сочетании с внешней помощью.

Прежде чем анализировать применяемые инвалидами способы поиска работы, следует понять, какую работу они ищут. Указанное знание может помочь лучше организовать помощь инвалидам, учитывая особенности их психологии. Как следует из данных опроса, практически половина опрошенных (45%) ищут работу с оформлением по трудовой книжке, подразумевающую наличие социальных гарантий: отпусков, больничных и т. п. Участница интервью Юлия (26 лет, образование высшее) на вопрос о критериях поиска работы ответила, что для нее «важно, чтобы можно было и на больничный уйти, и в отпуск, и в декретный отпуск». Ещё 41% хотели бы найти работу, не требующую никакого (ни нервного, ни физического) напряжения: «Я искал работу на легковой машине, спокойную. Было предложение пойти на служебный автобус, но дело в том, что его нужно отремонтировать самому, а это тяжело, и на такую работу я сам уже не шёл. Я искал хотя бы не больше 'Газели'. 'Газель' – это сам и водитель, и экспедитор, и грузчик. Это, в основном, в торговле – за товаром, по маркетам. Или на базы. Там всего проще – товар получил на каком-то предприятии, привёз на склад, там грузчики и загрузят, и выгрузят. А в основном нужен и водитель,

и грузчик. Такую работу предлагали, но я не шёл: таскать не могу, уже тяжело» (Сергей, 48 лет, образование среднее, водитель). Третьим, наиболее часто встречающимся критерием поиска работы (40%) является территориально удобное расположение места работы, т. е. близости от дома.

Становится понятно, что социальные гарантии для инвалидов важнее заработка. И если учесть, что инвалиды не очень-то и рассчитывают на высокий заработок, который им вряд ли кто-то предложит, то соотношение их целей и финансовых ориентиров становится вполне прозрачным. С высокой степенью уверенности можно предположить, что основную ставку инвалиды делают не на возможность заработать *достаточно средств* для безбедного существования, а на возможность получения своего рода пособия, позволяющего им не остаться вовсе без средств. На вопросы относительно льгот, предоставляемых государством, почти все опрошенные считают наиболее важными для себя скидки на коммунальные услуги, оплату проезда в общественном транспорте и санаторно-курортное обслуживание: *«Льготы – это хорошо, плюс большой: у меня и проезд бесплатный и за квартиру меньше плачу»* (Андрей, 34 года, образование среднее).

В итоге указанные выше финансовые ориентиры и определяют действия инвалидов, пришедших в поисках работы в службу занятости. Обращение этих людей в СЗН и их постановка на учёт как безработных, позволяет сделать вывод, что другие способы поиска ими работы оказались недостаточно эффективными. Действенная мера СЗН по профессиональной интеграции инвалидов была оценена респондентами очень высоко: *«Когда появлялись какие-то хорошие вакансии, то специалист СЗН, которая мной занималась, звонила прямо домой, на сотовый телефон, направляла куда-то. Благодаря ей я устроилась на работу»* (Юлия, 26 лет, образование высшее); *«Я неоднократно искал работу, но кроме как в службе занятости ничего порядочного не предлагали»* (Андрей, 33 года, образование высшее). В целом оценка инвалидами полезности своего обращения в Центр занятости представляется очень высокой: две трети опрошенных (63%) оценили результат такого обращения как «хороший» (22%) и «отличный» (41%).

Трудовая деятельность для человека является не только способом экономически обеспечить себя, но и возможностью реализации своих способностей и осознания себя полноценным гражданином своей страны. Несовершенство социальной политики государства в трудоустройстве инвалидов проявляется прежде всего в том, что не учитывается мнение самих инвалидов. Здесь наиболее интересно проследить, как сочетается обращение в службу занятости с другими формами поиска работы. Ответ на данный вопрос позволяет лучше понять стратегию поиска инвалидами работы, в которой они нуждаются (см. рис. 2).

Рис. 2. Способы поиска работы

Можно предположить, что круг родных и знакомых у инвалидов значительно сужен, а тех, кто могли бы помочь с работой, у них в принципе нет. Отсюда следует, что социальная изоляция инвалидов значительно сокращает шансы их трудоустройства.

Вторым по частоте применения способом поиска работы инвалидами является покупка газет, журналов и иных рекламных изданий, в которых публикуются объявления о приёме на работу. Этот способ использовали более половины обратившихся в службу занятости (56%).

Объективные причины отказов в приёме на работу могут быть самые разные, включая завышенные притязания или невыигрышные личностные характеристики самого инвалида (см. рис. 3). По мнению 64% опрошенных, наиболее частой причиной отказа в приёме на работу являются их физические

недостатки, которые воспринимаются большинством нанимателей как препятствие к качественному выполнению инвалидом своей работы.

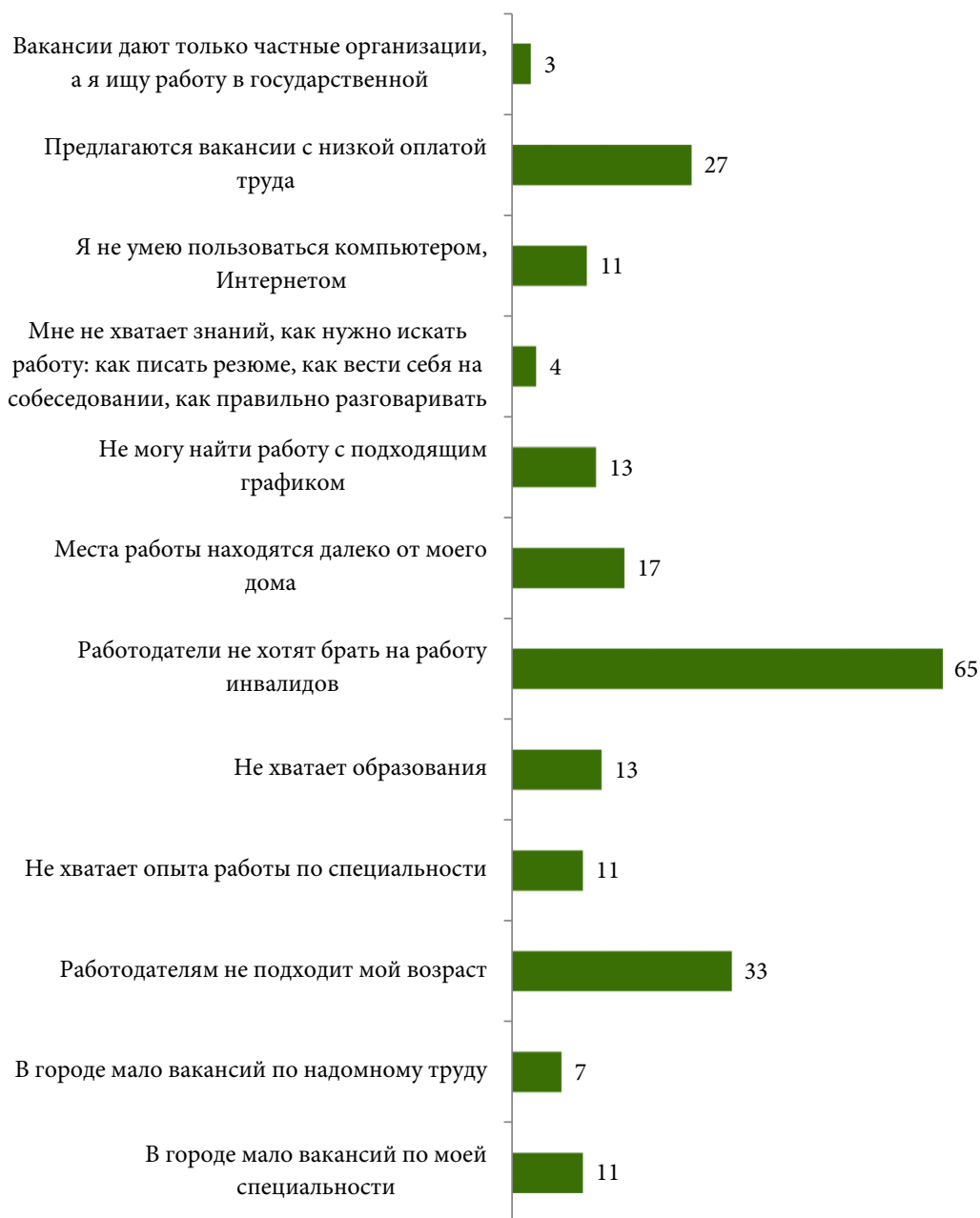

Рис. 3. Причины неудач в поиске работы

Сложности трудоустройства инвалидов приводят к тому, что людям приходится соглашаться на любую работу. Среди занятых инвалидов преобладают работники неквалифицированного или малоквалифицированного труда: курьер, сторож, лифтёр, грузчик и т. п. Поиск подходящей работы может длиться долго. Так, например, почти треть (30%) опрошенных ищут работу уже больше 8 месяцев, и это не предел (см. рис. 4).

Наиболее частой причиной увольнения инвалидов является состояние их здоровья, достаточно часто сочетающееся с встречным движением начальства, которое желает

избавиться от работника, неспособного энергично трудиться. Работодателями движет экономический расчёт и нежелание брать на себя дополнительные обязательства, предусмотренные Трудовым Кодексом РФ: *«На работу с инвалидностью не берут, поскольку инвалидам полагается много дополнительных льгот, которые работодатели не хотят предоставлять. Кроме того, по инвалидам нужно каждый квартал представлять в Фонд социального страхования много документов. Работодателю это невыгодно»* (Юлия, 26 лет, образование высшее); *«Я бы не отказался и на государственном предприятии работать, например, газовым оператором. Инвалидность была препятствием устроиться на работу, и сторожем даже не брали»* (Андрей, 33 года, среднее образование).

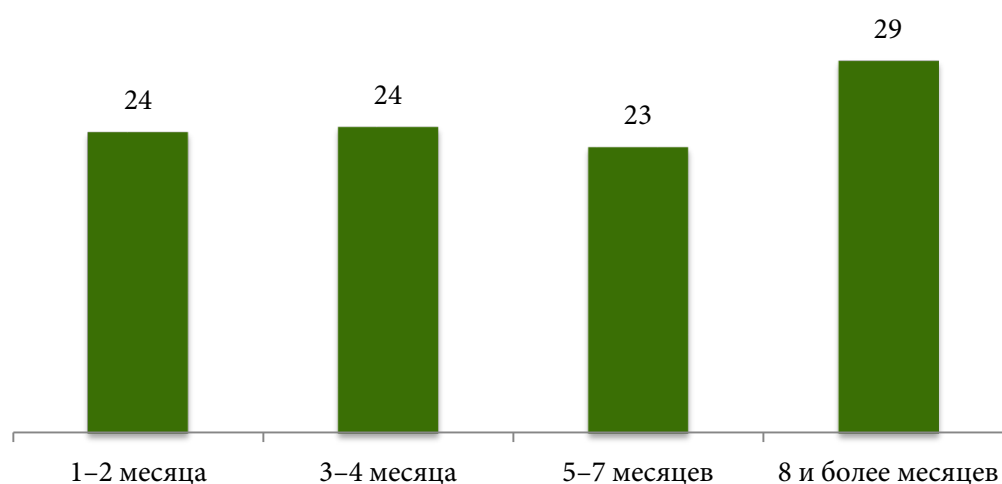

Рис. 4. Длительность поиска работы

В рейтинге субъективно воспринятых причин отказа в приёме инвалидов на работу находится «недостаточно высокий уровень образования» респондентов. Эту причину называют 13% опрошенных, однако больше половины из них считают, что их не берут ещё и потому, что они инвалиды.

Как показало исследование, две трети опрошенных инвалидов могут скрывать свою инвалидность во время устройства на работу. Однако большинство тех, кто может инвалидность не показывать, этого не делают: *«Зачем мне скрывать? Потом обязательно узнают, зачем мне людей обманывать?»* (Сергей, 48 лет, образование среднее); *«У меня на прежней работе два приступа было ночью. Я тоже скрывал инвалидность, т. к. работать хотел, но два приступа было, скорую не вызвали, чуть не умер»* (Дмитрий, 49 лет, образование высшее); *«Знаете, наверное, лучше всё рассказать перед устройством на работу, а не после того, поставит людей в курс заранее»* (Наталья, 24 года, образование высшее).

Возможно, такой подход обусловлен тайным, плохо осознаваемым стремлением, получив отказ в приёме на работу в связи с недостаточной квалификацией или другими «неинвалидными» характеристиками, иметь возможность объяс-

нить потом себе и окружающим, что отказ был связан именно с инвалидностью. Отсюда возникает вопрос, важный для проведения психолого-терапевтической работы с инвалидами: следует ли убеждать людей в том, что их трудности с трудоустройством лежат в иной сфере, чем они себе представляют, то есть гораздо меньше связаны с их инвалидностью, чем им кажется. Разрушение данного стереотипа сознания могло бы оказаться весьма эффективным в коррекции индивидуальных приёмов и способов поиска работы, повысило бы результативность этой деятельности (см. рис. 5).

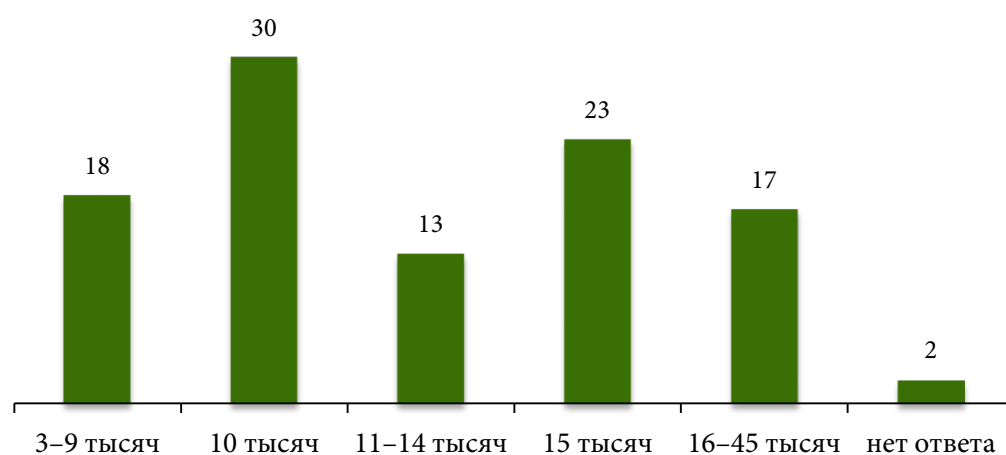

Рис. 5. Желаемый месячный заработок

Как следует из представленной диаграммы, у большинства опрошенных инвалидов весьма невысокие для миллионного областного центра запросы относительно требуемого им заработка. Практически половина опрошенных (47%) удовлетворились бы зарплатой в пределах 10 тыс. руб. в месяц, и ещё 35% рассматривают для себя возможность работы за зарплату в диапазоне от 10 до 15 тыс. рублей.

Однако при этом почти половина опрошенных на открытый вопрос о том, какая работа отвечала бы их требованиям, ответили, что не готовы к повышению квалификации и смене привычного им вида деятельности. Но и желающие повысить квалификацию встречаются с рядом непреодолимых препятствий: *«Требуется сертификат главного бухгалтера или аудитора, но для этого нужно ещё учиться. Обучение за 3 месяца стоит 100 тысяч рублей, что совершенно недоступно»* (Юлия, 26 лет, образование высшее).

Респондентам был предложен список услуг, оказываемых специалистами при поиске работы. На первом месте в этом списке желательных услуг стоит содействие в поиске работы. Однако на втором (треть опрошенных!) находятся юридические консультации, о которых до сих пор мало кто знал. Далее следуют информирование о рынке труда и регистрация в качестве безработного. Почти четверть опрошенных

нуждаются в повышении квалификации: *«Я попал в аварию в 2005 г. Мне тяжело было работать, передвигаться, я 5 лет вообще практически не ходил. Сейчас после операции хотел бы найти работу. В СЗН предложили учёбу, я не отказался, пошёл учиться, считаю, что пригодится»* (Андрей, 34 года, образование среднее); *«Я сейчас стою на очереди на обучение компьютеру. Это переобучение»* (Наталья, 35 лет, образование среднетехническое, техник-технолог).

Пятая часть хотели бы принять участие в ярмарках вакансий. Менее всего люди заинтересованы во временном трудоустройстве, общественных работах и переселении в другую местность.

Пришедшие искать постоянную работу инвалиды негативно относятся к попыткам службы занятости предложить им временную или эпизодическую работу: *«Мне предлагали сажать цветы, а это мне тяжело, ...пришлось бы вёдрами носить землю. Я отказался»* (Сергей, 48 лет, образование среднее); *«Вы знаете, я в принципе игнорирую всё, что мне говорят врачи... Мне показан лёгкий физический труд, скажем так, я и не знаю, где он может быть лёгким. Любая должность – это совмещение нескольких видов работ. Даже когда я устраивался в агрохимическую контору, там зарплата была 4500 ‘грязными’, но они написали: ‘не подходит по состоянию здоровья’. Работодатель он и есть работодатель. ‘Лёгкий физический труд’ я не могу нигде найти, ни в одной организации. Даже идти куда-то далеко, куда-то ездить тяжело стало»* (Андрей, 33 года, образование высшее); *«Предлагали работу уборщицей, а я не могу – это физический труд. Мне сложно голову вниз нагибать. Ещё «кухонный работник» – так это, вообще, бачки поднимать. А что-нибудь из того, что мне написали в карте реабилитации – так нет такого»* (Наталья, 24 года, образование среднее).

Трудовые рекомендации (ИПР), которые выдаются в службах медико-социальной экспертизы, казалось бы, открывают для инвалидов возможности получения ими соответствующей работы, однако эта программа не всегда подходит инвалидам. Из-за недостаточного взаимодействия медицинских служб со службами занятости в трудовых рекомендациях содержатся скорее общие указания предположительной трудовой возможности каждого обратившегося в СЗН.

Обсуждая вопрос о факторах, мешающих инвалидам трудоустроиться, сотрудница СЗН объяснила, что это связано ещё и со слабым рынком труда, с малым количеством предприятий, куда принимают на работу инвалидов, с их низкой квалификацией и слабой трудовой мотивацией.

Рассуждая о мерах, которые могли бы помочь инвалидам лучше трудоустроиться, сотрудница СЗН сказала: *«Считаю, что было бы хорошо государству создавать неболь-*

шие предприятия для инвалидов, где они могли бы в основном заниматься лёгкой работой, например, сборкой. Чтобы человек мог в любое время прийти, поработать в разные смены, по 4 часа в день. Надо бы вернуть льготы предприятиям, принимающим на работу инвалидов. Кроме того необходимо проектирование и приспособление рабочих мест».

В первую очередь инвалиды надеются в решении своих проблем на государство в лице СЗН. Это подтверждают и сотрудники СЗН: *«С одной стороны, безработные инвалиды невостребованы, с другой – у них очень низкая мотивация, чтобы броситься в бой, пройти повторно комиссию ВТЭК и убедить расширить их трудовые рекомендации, разрешить им переобучение. Мы всегда можем пойти навстречу. Казалось бы, человек проявляет желание работать, а в результате он не торопится искать её для себя».*

Рассуждая о том, какими качествами должен обладать человек с ограниченными возможностями, чтобы успешно трудоустроиться, сотрудники СЗН считают, что всё зависит от человека, от его личных мотиваций: *«Часто человек заиклен на том, что он инвалид, и все должны его жалеть. А если он желает работать, то он найдёт работу и будет добиваться успехов. Недавно у нас устроилась на работу на компьютере в банк глухонемая девушка. Она самостоятельно и очень активно искала работу, несмотря ни на что. Она хорошо читает по губам, да и мы прекрасно понимаем её жесты».*

Невзирая на все позитивные изменения в государственной социальной политике, пока ещё не наступило время значительного улучшения жизни инвалидов. Предвзятость общественного мнения в отношении инвалидов, отсутствие поддержки общества и слабые побудительные мотивы самих инвалидов в достижении лучшей жизни порождают разрыв между целями государственной политики по интеграции инвалидов в общество и реальной картиной их вовлечённости в различные сферы жизнедеятельности общества. Всё это создаёт серьёзные препятствия для реализации инвалидами права на труд и благосостояние, не способствует реализации социального гражданства инвалидов.

К сожалению, в российском законодательстве отсутствует понимание того, что инвалидность является не индивидуальным свойством человека, а результатом социальных обстоятельств. Решением этих проблем может стать устранение противоречий между осознанием российским обществом социальных причин инвалидности и преобладанием в практике государственных служб отношения к инвалидам как к изгоям общества, изменение социальной политики в отношении российских инвалидов на основе всестороннего учёта их интересов.

Библиографический список

Добровольская Т. А., Шабалина Н. Б. 1993. Социально-психологические особенности взаимоотношений инвалидов и здоровых // Социологические исследования. № 1. С. 62–66.

Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 02.07.2013 № 185-ФЗ) 19 апреля 1991 года N 1032-1 // Информационный портал Алтайского края по трудоустройству и занятости населения. URL: <http://trud22.ru/normative/npr/nparf/fedzak/law1> [Дата посещения: 06.05.2016].

Малеева Т., Васин С. 2001. Инвалиды в России – узел старых и новых проблем // «Pro et Contra». Т. 6. № 3. С. 128–157.

Наберушкина Э. К. 2002. Социальная политика в отношении инвалидов // Социальная политика и социальная работа в меняющейся России. М.: ИНИОН РАН. С. 137–152.

Путин В. В. 2003. Послание Федеральному собранию РФ // Официальный сайт Президента РФ. 16 мая. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml> [Дата посещения: 15.05.2016].

Ярская-Смирнова Е. Р., Наберушкина Э. К. 2003. Социальная работа с инвалидами. Саратов: СТГУ. 224 с.

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.414

Issues Attributed to the Employment of Disable People: A Regional Aspect

Gorina Tatiana Ivanovna

Researcher of the Center of investigations in social structure and social stratification, Institute of Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia. E-mail: tagor03@mail.ru

Kefeli Valentina Borisovna

Researcher of Center of investigations in social structure and social stratification, Institute of Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia. E-mail: vkefeli@mail.ru

Abstract. This article examines the issues and problems attributed to the employment of disabled people on the labor market, issues with their integration into society, while examining the needs of disabled people in various aspects of life. At this point analyzing the problem of disability as a social phenomenon shows that our society, which has gone through a lengthy period of isolating people with disabilities, has come close to acknowledging the relevance of this matter, with it being a consequence of disorder in our society as a whole. While guiding the handicapped towards an active stand on life, the government itself was unable to overcome the contradictions between the legislation and the labor market. While the market was undergoing a transformation, Russian social policies concerning handicapped employment were revised not in favor of the disabled: cancelled were tax benefits, while a job quota system was in effect, new workplaces with the proper working conditions were not being established, and employers would violate the employment rights of the disabled. Ultimately those serious obstacles which exist today and do not allow for the handicapped to realize their right to work have exacerbated the problem of social inequality. Attention is drawn towards issues attributed to utilizing handicapped labor in private and public organizations, the motives for employing them, as well as the problems of labor and legal awareness. The study

revealed that many disabled people aspire towards labor and independence. However, they have serious difficulties finding a job and are in need of help. Most of those surveyed view not only their current state in a negative light: they also have a pessimistic outlook on the future, since they think that there are no opportunities for them in life. This article traces the role and importance of state employment service (SES) when it comes to the matter at hand.

Keywords: handicapped, social policy, labor market, integration, social citizenship, labor adaptation, the right to a job and job security, employment service.

References

Dobrovol'skaja T. A., Shabalina N. B. Social'no-psihologicheskie osobennosti vzaimootnosheniy invalidov i zdorovykh [Socio-psychological Characteristics of Relationships between Persons with Disabilities and Healthy]. *Sociologicheskie issledovanija*, 1993, no 1, pp. 62–66.

Maleeva T., Vasin S. Invalidy v Rossii – uzel starykh i novykh problem [Persons with Disabilities in Russia – a Host of Old and New Problems]. *Pro et Contra*, 2001, Vol. 6, no 3, pp. 128–157.

Naberushkina E. K. Social'naja politika v otnoshenii invalidov [Social Policy for People with Disabilities]. *Social'naja politika i social'naja rabota v meniajuscheysia Rossii*. Moscow, ISSS RAS, 2002, pp. 137–152.

Putin V. V. Poslanie Federal'nomu sobraniju RF 2003 [Message to the Federal Assembly of RF 2003]. Russian President Official website. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml> [date of visit: 15.05.2016].

Jarskaja-Smirnova E. R., Naberushkina E. K. Social'naja rabota s invalidami [Social Work for People with Disabilities]. Saratov, STSU, 2003. 224 p.

Zakon RF «O zaniatosti naselenija v Rossiyskoy Federacii» [RF Law “On Employment in the Russian Federation”] 19.04.1991 no 1032-1 (red. ot 02.07.2013 N 185-FZ).

Техносфера и социальные процессы

Техносфера России: проблемы развития и риски

Шаповалова Инна Сергеевна – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодёжью, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ БелГУ), Белгород

E-mail: inna-shapov@mail.ru

Техносфера России: проблемы развития и риски

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.416

Аннотация. В статье заострено внимание на возрастающей роли современной техносферы в формировании среды обитания человека. Акцент сделан на неуправляемости её трансформации и нелинейности развития, трудностях оценки и прогнозирования. Поставлена научная проблема, заключающаяся в необходимости поиска механизмов прогноза и оценки влияния техногенных проявлений на среду обитания современного человека, в создании научных алгоритмов расчёта ситуации в системе векторов эволюционного движения техносферы. В рассмотрение темы представлены результаты анализа Всероссийского экспертного опроса, проведённого в 2015 г. Центром социологических исследований Белгородского национального исследовательского университета. Результаты исследования позволили установить частоту и вероятность возникновения техногенных чрезвычайных ситуаций в различных регионах, приемлемость уровня техносферной безопасности России, проиндексировать уровень угроз по конкретным чрезвычайным ситуациям и определить реальные показатели подверженности экономических сфер и техногенных чрезвычайных ситуаций влиянию техногенных факторов. Данные социологического исследования преломлены через специфику функционирования регионов двух типов: с максимальным и минимальным техногенным риском. В статье всесторонне проанализированы меры, применяемые в России для нивелирования и профилактики техногенных угроз и катастроф. Рассмотрены группы мер по степени их эффективности. Проанализирована возможность создания группы мероприятий для каждой чрезвычайной ситуации и отрасли техносферы. Помимо общего исследования техносферных явлений удалось установить показатели влияния техносферы на возникновение социальных рисков. В итоге определена общая рискогенность современной техносферы и подчёркнута необходимость создания прогнозных механизмов и систем принятия решений для рационального и эффективного управления современной техносферой.

Ключевые слова: техносфера, чрезвычайные ситуации, техногенные факторы, техносферная безопасность, рискогенность, социальные риски

Техносфера – всеобъемлющее понятие, искусственная система, элементы которой проникают во все сферы жизни и деятельности современного человека. «Творение его рук, продукт его разума» – давно не говорят так об этом широком цивилизационном образовании, представляющем отдельную оболочку Земли, ставшую с течением времени своеобразным пультом управления для всех других сред нашей планеты.

Постоянная трансформация, гибкость, высокая адаптивность к внешнему запросу, подчинённость законам капитала, а также отсутствие действенных технологий социогуманитарной экспертизы постепенно превращают техносферы в саморазвивающуюся систему, продуцирующую глобальное рискогенное поле, непредсказуемое в своих конфигурациях по причине эффектов конвергенции с рисками других сфер среды [Шаповалова 2015]. Сценарное моделирование развития техносферы внушает пессимизм и заставляет задуматься – насколько неуправляема всемирная техногенная система? Действительно ли мы можем говорить о существовании технологической сингулярности [Виндж 2015] или феномен странного аттрактора лишь результат необдуманности человеческих действий?

Так или иначе, внимание к развитию техносферы, её эффектам и феноменам растёт и трансформируется в научные теории и исследования. Влияние на среду обитания, триединство с природной и социокультурной сферой становятся основой анализа как позитивных, так и негативных явлений, происходящих по вине техногенеза [Васильева 2011, Якупов 2013]. Воздействие результатов научно-технического прогресса на общество, формирование общецивилизационных трендов [Горюнов 2011, Кочергин 2011], попытки прогнозирования ситуации [Попкова 2005] и отказ от футурологических прогнозов заставляют сформулировать научную проблему: для регулирования развития техносферы необходим поиск механизмов прогноза и оценки влияния техногенных проявлений на среду обитания современного человека, необходимо создание научных алгоритмов расчёта ситуации в системе векторов эволюционного движения.

Метод исследования

В качестве первых шагов движения в указанном направлении в 2015 г. Центром социологических исследований НИУ БелГУ в рамках выполнения проекта Российского научного фонда «Прогнозирование и управление социальными рисками развития техногенных человекомерных систем в динамике процессов трансформации среды обитания человека» был проведён всероссийский экспертный опрос. Исследование реализовано сотрудниками совместной научно-исследовательской лаборато-

рии трансдисциплинарных исследований (НИУ БелГУ, ИСПИ РАН, ЮЗГУ) под руководством Ю. А. Зубок. Целью опроса стала экспертиза влияния среды обитания на конфигурацию социальной ситуации, определение степени нарушения социальной безопасности в российских регионах. Одной из задач исследования ставилось определение безопасности современной техносферы и оценка техногенного риска современных российских регионов.

Опрос был проведён в период с 30 апреля по 1 июня 2015 г., общее количество экспертов, участвовавших в исследовании, составило 120 человек. В качестве критериев отбора экспертов использовались сфера деятельности, опыт работы в сфере, способность (компетентность) оценивать ситуацию и прогнозировать её развитие. Характеристика экспертной группы – профильные специалисты отраслевых организаций, административные работники и государственные служащие, сотрудники профильных кафедр высших учебных заведений и НИИ, специалисты общественных организаций. В качестве территориальной принадлежности были отобраны 8 регионов и распределены по группам с различными уровнями рискогенности («уровень техногенной безопасности») на основании данных ГУ МЧС России. Были выделены регионы РФ с максимальным и минимальным уровнями техногенного риска: Адыгея, Карачаево-Черкессия, Краснодарский край, Амурская, Брянская, Кировская, Костромская, Нижегородская, Саратовская и Тверская области.

Для экспертизы современной техносферы России участникам исследования предлагалось оценить частоту возникновения чрезвычайных ситуаций в регионе, уровень техногенного риска в ведущих региональных отраслях экономики, влияние рискогенных факторов и эффективности предпринимаемых мер на снижение техногенных рисков среды обитания, оценить уровень техносферной безопасности в регионе.

Полученные экспертные данные обработаны и проанализированы с позиции оценки безопасности техносферы российских регионов.

Техногенные чрезвычайные ситуации

Анализ экспертного мнения о вероятности возникновения угроз, связанных с техногенными чрезвычайными ситуациями (ТЧС), показал, что в техносфере регионов наиболее часто возникают опасности и угрозы, связанные с транспортными авариями (70,0%), с авариями на коммунальных системах жизнеобеспечения (66,7%), с пожарами и взрывами (53,3%), а также с авариями на электроэнергетических системах (50,0%) (см. рис. 1).

Рис. 1. Частота возникновения техногенных чрезвычайных ситуаций, %

Расчёт индекса вероятности возникновения ТЧС позволил проранжировать их (см. таблицу 1)¹ и определить тройку наиболее вероятных ТЧС. Ими стали аварии на коммунальных системах жизнеобеспечения (индекс вероятности 0,91), аварии на электроэнергетических системах (0,86), транспортные аварии (0,85). Наименее вероятные ситуации, по мнению экспертов, связаны с авариями с угрозой выброса радиоактивных веществ (индекс вероятности 0,05), с авариями с выбросом патогенных для человека микроорганизмов (0,11), с авариями с выбросом опасных химических веществ (0,23) и с гидродинамическими авариями (0,24).

¹ Индекс рассчитывается как разница между долями встречающихся техногенных чрезвычайных ситуаций и долями не встречающихся. При этом долям ситуаций, встречающимся раз в году и чаще или никогда не встречающимся, присваивается коэффициент 1, а встречающимся один раз в 2–3 года – коэффициент 0,5. Далее к полученному показателю прибавляется 100 (с учётом наличия отрицательных значений шкалы присутствует 200-балльная шкала), и полученное значение делится на 200. Таким образом, наибольшим показателем индекса вероятности возникновения аварий становится 1, а наименьшим 0.

Таблица 1

**Ранжирование техногенных чрезвычайных ситуаций
по индексу вероятности их возникновения**

Чрезвычайные ситуации в техносфере	Индекс вероятности возникновения	Ранг
Аварии на коммунальных системах жизнеобеспечения	0,91	1
Аварии на электроэнергетических системах	0,86	2
Транспортные аварии (катастрофы)	0,85	3
Пожары и взрывы	0,80	4
Внезапное обрушение зданий, сооружений, пород	0,47	5
Аварии на очистных сооружениях	0,44	6
Гидродинамические аварии	0,24	7
Аварии с выбросом (угрозой выброса) опасных химических веществ	0,23	8
Аварии с выбросом (угрозой выброса) патогенных для человека микроорганизмов	0,11	9
Аварии с выбросом (угрозой выброса) радиоактивных веществ	0,05	10

Рассматривая вероятность возникновения аварий и чрезвычайных ситуаций разного типа в регионах с максимальной и минимальной концентрацией техногенного риска, можно сделать заключение о локальных особенностях формирования статуса региона – с кризисной техносферой или с умеренно кризисной техногенной ситуацией. Так, наибольшая вероятность ТЧС в регионах с максимальными техногенными рисками указывается по группе транспортных аварий (67%), в остальных же случаях вероятность возникновения таких ситуаций реже одного раза в 2–3 года (см. таблицу 2).

Очерчивая «техногенный портрет» кризисных и благополучных регионов относительно вероятности возникновения ТЧС, можно сделать выводы.

Кризисным регионам свойственны:

- высокая вероятность возникновения транспортных аварий (67%), аварий ЖКХ (56%);

- достаточно высокая вероятность возникновения пожаров и взрывов (78%), аварий на электроэнергетических системах (67%), аварий на очистных сооружениях.

Благополучным регионам свойственны:

- высокая вероятность возникновения транспортных аварий (67%), пожаров и взрывов (67%), аварий на электроэнергетических системах (67%), аварий ЖКХ (78%);

- устойчивая вероятность возникновения внезапных обрушений зданий (75%), аварий на очистных сооружениях (67%).

Таблица 2

**Распределение вероятности возникновения
чрезвычайных техногенных ситуаций
по районам максимального и минимального техногенного риска, %**

Чрезвычайные ситуации техносферы		Регионы	
		Максимальный уровень техногенного риска	Минимальный уровень техногенного риска
Транспортные аварии	Раз в году и чаще	67	67
	Раз в 2–3 года	22	11
	Никогда	11	22
Пожары и взрывы	Раз в году и чаще	22	67
	Раз в 2–3 года	78	11
	Никогда		22
Аварии с выбросом опасных химических веществ	Раз в году и чаще		11
	Раз в 2–3 года	33	22
	Никогда	67	67
Аварии с выбросом радиоактивных веществ	Раз в 2–3 года		11
	Никогда	100	89
Аварии с выбросом патогенных для человека микроорганизмов	Раз в году и чаще		11
	Раз в 2–3 года		11
	Никогда	100	78
Внезапное обрушение зданий, сооружений, пород	Раз в 2–3 года	44	75
	Никогда	56	25
Аварии на электроэнергетических системах	Раз в году и чаще	33	67
	Раз в 2–3 года	67	33
Аварии на коммунальных системах жизнеобеспечения	Раз в году и чаще	56	78
	Раз в 2–3 года	44	22
Аварии на очистных сооружениях	Раз в году и чаще	13	11
	Раз в 2–3 года	50	67
	Никогда	38	22
Гидродинамические аварии	Раз в году и чаще	11	
	Раз в 2–3 года	44	38
	Никогда	44	63

Можно выдвинуть предположение, согласно которому *не существует зависимости техногенного благополучия региона от количества потенциальных угроз. Оно определяется общей готовностью к их возникновению и предотвращению чрезвычайных ситуаций.*

Кризисным регионам свойственны: высокая вероятность возникновения транспортных аварий (67%), аварий ЖКХ (56%); достаточно высокая вероятность возникновения пожаров и взрывов (78%), аварий на электроэнергетических системах (67%), аварий на очистных сооружениях.

Благополучным регионам свойственны: высокая вероятность возникновения транспортных аварий (67%), пожаров и взрывов (67%), аварий на электроэнергетических системах (67%), аварий ЖКХ (78%).

Информирование населения

Исходя из выдвинутого выше тезиса и в качестве одного из мероприятий предотвращения чрезвычайных ситуаций были проанализированы ответы экспертов о специфике информирования населения в случаях техногенных аварий и катастроф [Шаповалова 2015]. Во многих регионах, принимавших участие в исследовании, большинство населения информировалось в случае ТЧС через средства массовой информации (75,9%). Однако существовали регионы, где информация распространялась в виде слухов (13,8%) или предоставлялась локально, затрагивая лишь непосредственных участников событий (по 10,3% соответственно). Анализ показывает, что массовость информирования населения в случае возникновения угроз со стороны техносферы оставляет желать лучшего – непрозрачность ситуации и отсутствие информации в каждом 4-ом (24,1%) случае может привести к необратимым последствиям на этапе предотвращения катастроф и защиты населения.

В кризисных и благополучных регионах информирование населения имеет свои особенности. Так, в кризисных регионах, помимо СМИ, значимыми информационными каналами становятся слухи (25%), а акторами – участники событий (13%), в то время как в благополучных регионах лишь незначительная доля распределяется в виде слухов (11%), основная часть населения получает информацию посредством СМИ (89%) (см. таблицу 3).

Таблица 3

Распределение информации в кризисных и благополучных регионах при возникновении техногенных чрезвычайных ситуаций, %

Техногенные чрезвычайные ситуации	Районы	
	Максимальный техногенный риск	Минимальный техногенный риск.
Информирование через средства массовой информации	63	89
Информация распространялась преимущественно в виде слухов	25	11
Информация распространялась локально и затрагивала лишь непосредственных участников событий	13	
Итого	100	100

Техногенные отрасли и их безопасность

Оценивая соотношение между допустимым уровнем техногенной безопасности и экономическими возможностями его достижения, эксперты сделали вывод о приемлемом уровне техносферных рисков в России. Так, 65,5% посчитали его скорее приемлемым, что совокупно с группой экспертов (27,6%), отметивших его однозначную приемлемость, составляет достаточно высокий уровень удовлетворённости уровнем техногенной безопасности – 93,1%. Лишь 6,8% указали ту или иную степень неприемлемости сложившейся ситуации (см. рис. 2).

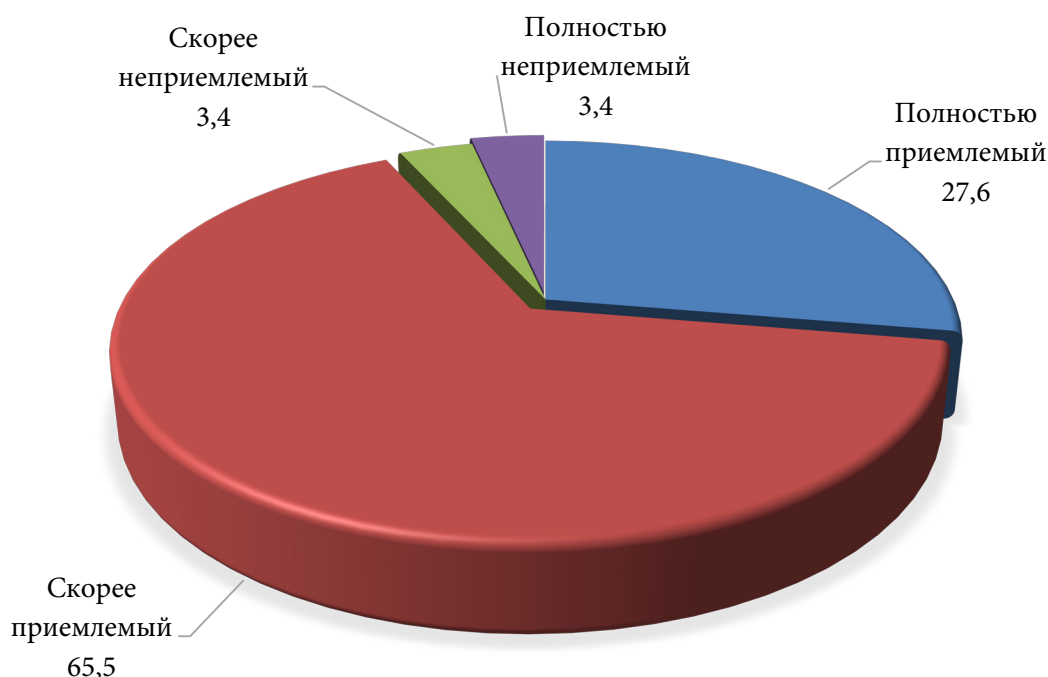

Рис. 2. Приемлемость уровня техносферной безопасности России, %

Сопряжение конкретных ТЧС с уровнем их приемлемости (для анализа взяты ситуации, встречающиеся не менее 1 раза в год) и расчёт индекса техногенной безопасности для конкретной ТЧС позволяют, с точки зрения частоты и приемлемости риска, выделить группы наиболее опасных ситуаций и проранжировать их по этому показателю (см. таблицу 4).

Согласно показателям индекса, ни одна из предложенных экспертам ситуаций не может соответствовать приемлемому уровню безопасности – только показатель индекса ситуации обрушения зданий немного приподнимается над средней величиной (0,56 – это самый высокий индекс безопасности).

Наиболее низкий индекс безопасности имеют чрезвычайные ситуации, связанные с авариями с выбросом (угрозой выброса) опасных химических веществ (0,0), патогенных для человека микроорганизмов (0,01), с авариями с выбросом (угрозой выброса) радиоактивных веществ (0,06), с авариями на коммунальных системах жизнеобеспечения (0,13), с транспортными авариями и катастрофами (0,14).

Таблица 4

Индекс безопасности техногенных чрезвычайных ситуаций

Техногенные чрезвычайные ситуации	Индекс техногенной безопасности по конкретной ТЧС	Ранг
Транспортные аварии (катастрофы)	0,14	6
Пожары и взрывы	0,23	5
Аварии с выбросом (угрозой выброса) опасных химических веществ	0,00	10
Аварии с выбросом (угрозой выброса) радиоактивных веществ	0,06	8
Аварии с выбросом (угрозой выброса) патогенных для человека микроорганизмов	0,01	9
Внезапное обрушение зданий, сооружений, пород	0,56	1
Аварии на электроэнергетических системах	0,34	3
Аварии на коммунальных системах жизнеобеспечения	0,13	7
Аварии на очистных сооружениях	0,46	2
Гидродинамические аварии	0,25	4

Кризисные регионы: наиболее часто встречаются такие отрасли, как электроэнергетика (56%), химическая и нефтехимическая промышленность (56%), нефтеперерабатывающая промышленность (44%), магистральный и трубопроводный транспорт (44%); не встречаются машиностроение и металлообработка (0%).

Благополучные регионы практически не имеют ярко выраженных ведущих отраслей, наиболее часто встречающиеся – электроэнергетика (38%), химическая и нефтехимическая промышленность (38%), лесная и деревоперерабатывающая (38%), сельское хозяйство (38%).

При построении портрета регионов с максимальным и минимальным риском были определены экономические сферы, характерные для кризисных и благополучных регионов (в таблице 5 представлены ведущие отрасли регионов):

- *кризисные регионы:* наиболее часто встречаются такие отрасли, как электроэнергетика (56%), химическая и нефтехимическая промышленность (56%), нефтеперерабатывающая промышленность (44%), магистральный и трубопроводный транспорт (44%); не встречаются машиностроение и металлообработка (0%);

- *благополучные регионы* практически не имеют ярко выраженных ведущих отраслей, наиболее часто встречающиеся – электроэнергетика (38%), химическая и нефтехимическая промышленность (38%), лесная и деревоперерабатывающая (38%), сельское хозяйство (38%).

Таким образом, можно сделать предположение, что существует прямая связь между наличием ведущей техногенной отрасли и критичностью региона по степени техногенного риска.

Анализ связи хозяйственных отраслей экономики и техногенных чрезвычайных ситуаций позволил выделить наиболее значимые для каждой отрасли ТЧС. Ими стали аварии на коммунальных системах жизнеобеспечения и транспорте. Ряд отраслей имеют связь со специфическими проблемными зонами техносферы (например, отрасль электроэнергетики имеет связь с авариями на электроэнергетических системах).

Таблица 5

Наличие ведущих экономических отраслей
в кризисных и благополучных регионах, %

Экономические отрасли	Максимальный уровень техногенного риска	Минимальный уровень техногенного риска
Электроэнергетика	56	38
Нефтедобывающая промышленность	33	13
Нефтеперерабатывающая промышленность	44	0
Газовая промышленность	33	13
Химическая и нефтехимическая промышленность	56	38
Машиностроение и металлообработка	0	13
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	11	38
Строительство. Промышленность строительных материалов	22	0
Лёгкая и пищевая промышленность	22	0
Железнодорожный транспорт	33	13
Сельское хозяйство, рыболовство	11	38
Городской транспорт	11	0
Автомобильный транспорт	33	0
Магистральный трубопроводный транспорт	44	13
Морской транспорт	11	0
Внутренний водный транспорт	11	0
Авиационный транспорт	11	0

Техногенные факторы

Оценивая высокую степень влияния техногенных факторов на рискогенные области техносферы, наличие ситуаций техногенного риска, эксперты установили, что более всего зависят от ТЧС отрасли, связанные с электроэнергетикой (57,1%), химической и нефтехимической промышленностью (39,3%) (см. рис. 3). Менее других зависят от техногенного риска городской, авиационный, внутренний водный и морской транспорт, цветная и чёрная металлургии (по 3,6% соответственно).

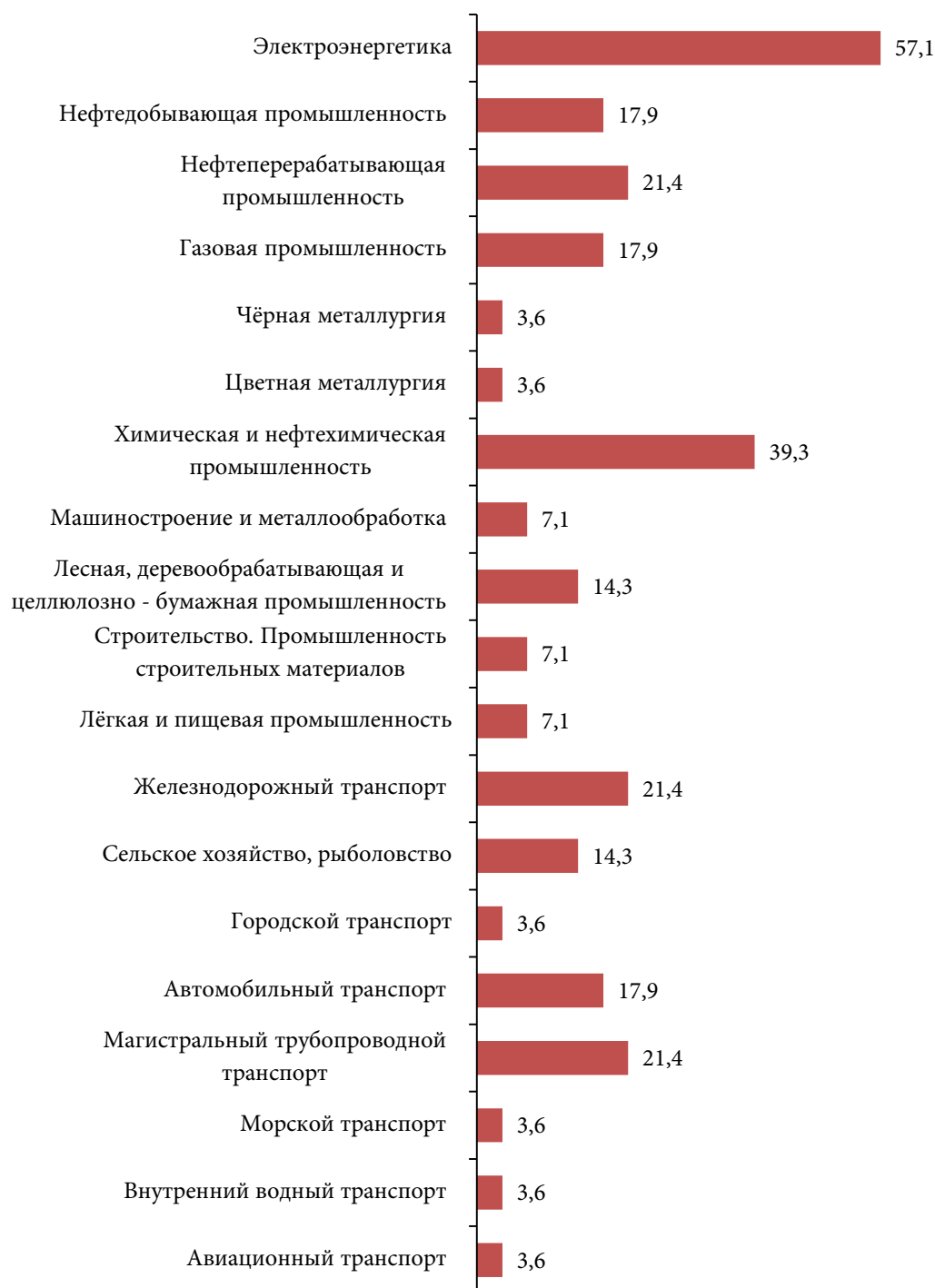

Рис. 3. Подверженность экономических сфер влиянию техногенных факторов, %

Степень влияния рискогенных факторов техногенного локуса среды обитания, по оценкам экспертов, распределилась по шкале оценки следующим образом (см. таблицу 6). Все эксперты наиболее значимой группой факторов техногенного локуса среды обитания признали факторы, связанные с изменением со временем свойств объектов техносферы (средняя оценка по семибалльной шкале 5,57). Примечательно, что шкальная оценка этой группы факторов начинается не с минимального значения шкалы. К достаточно сильным факторам (их влияние оценивается как «выше среднего») экспертами

отнесены также человеческий фактор (средняя оценка 5,0) и недостаточное внимание собственника к обеспечению безопасности объектов техносферы (4,21). Наименьшее влияние эксперты определили для факторов, связанных с появлением новых, неизученных свойств объектов техносферы (2,07).

Таблица 6

Оценка влияния рискогенных факторов техногенного локуса на возникновение техногенных чрезвычайных ситуаций в среде обитания человека

Техногенные факторы риска	Оценка влияния факторов				
	N	Минимум	Максимум	Среднее	Стандартное отклонение
Связанные с изменением со временем свойств объектов техносферы (старение, изношенность)	30	2	7	5,57	1,547
Связанные с появлением новых, неизученных на момент внедрения, свойств объектов техносферы	29	1	5	2,07	1,462
Связанные с недостатком информации о состоянии техносферы	30	1	7	2,60	1,653
Человеческий фактор (ошибки в проектировании и в эксплуатации техники, нарушение технологий и техники безопасности)	30	2	7	5,00	1,781
Недостаточное внимание собственника к обеспечению безопасности объектов техносферы	29	1	7	4,21	1,698
Особенности региональной структуры экономики	28	1	6	2,39	1,524
Состояние правовой и законодательной базы по техногенной безопасности	29	1	7	2,38	1,801
Природные факторы	29	1	7	3,90	1,676
Недостатки в управлении	29	1	7	3,59	1,823

Рассматривая зависимость между влияющими факторами и кризисностью участвовавших в исследовании регионов, были получены следующие данные (см. таблицу 7). Кризисные регионы имеют наибольшую зависимость от воздействия рискогенных факторов, связанных с изменением со временем свойств объектов техносферы (6,22) и человеческого фактора (5,56); благополучные регионы в большей мере зависят только от рискогенных факторов, связанных с изменением со време-

нем свойств объектов техносферы (5,33). Существенные отличия можно наблюдать и в показателе индекса рискогенной зависимости – кризисные регионы 0,55, благополучные – 0,45.

Таблица 7

**Роль техногенных факторов
в зависимости от техносферного благополучия регионов**

Регионы	Изменение со временем свойств объектов	Появление новых свойств объектов	Недостаточное информирование	Человеческий фактор	Недостаточное внимание собственника	Региональные особенности	Состояние правовой и законодательной базы	Природные факторы	Недостатки в управлении	Индекс рискогенной зависимости
Максимальный уровень техногенного риска	6,22	2,56	2,78	5,56	4,44	3,00	2,89	3,22	4,22	0,55
Минимальный уровень техногенного риска	5,33	1,78	2,22	4,11	4,00	2,11	2,00	3,67	3,33	0,45

Расчёт коэффициентов корреляции между влияющими факторами позволяет определить наиболее устойчивые факторные группы (см. таблицу 8):

- Факторы, связанные с изменением со временем свойств техносферных объектов, объединяются с группой факторов, связанных с человеческой деятельностью.

- Факторы, связанные с недостатком информации о состоянии техносферы, объединяются с группами факторов, связанных с человеческой деятельностью, с недостаточным вниманием собственника к обеспечению безопасности объектов техносферы, с особенностями региональной структуры экономики, с состоянием правовой и законодательной базы по техногенной безопасности, с природно-экологическими факторами.

- Человеческий фактор объединяется в факторную группу с факторами, связанными с недостаточным вниманием государства к обеспечению безопасности, с влиянием техносферы и с управленческим фактором.

- Недостаточное внимание государства к обеспечению безопасности природно-экологической сферы объединяется в факторную группу с факторами, связанными с недостатками в управлении.

- Факторы, связанные с особенностями региональной структуры экономики, объединяются с группой факторов, связанных с состоянием правовой и законодательной базы по обеспечению экологической безопасности.

- Факторы, связанные с состоянием правовой и законодательной базы по обеспечению экологической безопасности, объединяются с группой факторов, связанных с недостатками в управлении.

- Факторы, связанные с появлением новых, неизученных на момент внедрения, свойств объектов техносферы, объединяются с группой факторов, связанных с состоянием правовой и законодательной базы по обеспечению экологической безопасности и особенностями региональной структуры экономики.

Таблица 8

Корреляционные связи факторов техносферы

Рискогенные факторы техносферы	Появление новых объектов	Недостаточное информирование	Человеческий фактор	Недостаточное внимание собственника	Региональные особенности	Состояние правовой и законодательной базы	Природные факторы	Недостатки в управлении
Связанные с изменением со временем свойств объектов техносферы	0,097	0,062	0,427	0,117	-0,036	0,121	0,280	0,16
Связанные с появлением новых, неизученных на момент внедрения, свойств объектов техносферы		0,329	0,156	0,112	0,576	0,406	-0,055	0,326
Связанные с недостатком информации о состоянии техносферы			0,390	0,587	0,571	0,368	0,434	0,341
Человеческий фактор				0,513	0,276	0,197	0,313	0,445
Недостаточное внимание собственника к обеспечению безопасности объектов техносферы					0,298	0,150	0,225	0,582
Особенности региональной структуры экономики						0,425	-0,029	0,208
Состояние правовой и законодательной базы по техногенной безопасности							-0,011	0,460
Природные факторы								-0,098

Рискогенные факторные облака чрезвычайных ситуаций техносферы представлены в таблице 9. В крайнем её столбце дан показатель индекса рискогенной уязвимости, рассчитанный как доля совокупного влияния рисков техносферы от максимально возможного влияния¹.

Таблица 9

**Влияние рискогенных факторов
на возникновение чрезвычайных ситуаций в техносфере**

Чрезвычайные ситуации техносферы	Изменение со временем свойств объектов	Появление новых свойств	Недостаточное информирование	Человеческий фактор	Недостаточное внимание собственника	Региональные особенности	Состояние правовой и законодательной базы	Природные факторы	Недостатки в управлении	Индекс рискогенной уязвимости
Аварии с выбросом опасных химических веществ	7,00	5,00	5,00	6,00	6,00	6,00	5,00	4,00	6,00	0,79
Аварии с выбросом патогенных для человека микроорганизмов	7,00	3,00	3,50	5,00	5,50	3,50	3,50	5,50	4,00	0,64
Аварии с выбросом радиоактивных веществ	6,50	3,00	3,50	6,50	6,50	4,50	3,00	3,50	4,50	0,65
Аварии на коммунальных системах жизнеобеспечения	5,60	1,95	2,50	4,85	4,00	2,33	2,79	3,89	3,58	0,5
Транспортные аварии	5,76	1,90	2,57	5,48	4,52	2,40	2,67	4,10	3,86	0,52
Пожары и взрывы	5,44	1,69	2,38	5,25	4,19	2,13	2,56	4,25	3,13	0,49
Гидродинамические аварии	7,00	1,00	1,00	4,00	3,00	1,00	7,00	2,00	5,00	0,49
Аварии на электроэнергетических системах	5,53	2,07	3,20	5,13	4,33	2,64	2,60	4,47	3,40	0,52
Аварии на очистных сооружениях	5,33	2,33	3,00	4,00	4,33	2,67	3,67	5,33	3,00	0,53
Внезапное обрушение зданий, сооружений, пород	4,00	1,00	7,00	7,00	7,00	2,00	2,00	6,00	6,00	0,66

¹ Исходя из выделенных 9 факторов риска, максимальная рискогенная уязвимость может быть равна 63 в балльном эквиваленте (что равно единице в долевом эквиваленте).

Наиболее обусловлены техногенными факторами ситуации, связанные с выбросами опасных химических веществ (индекс рискогенной уязвимости 0,79), внезапным обрушением конструкций (0,66), с выбросами радиоактивных веществ (0,65) и с выбросами патогенных микроорганизмов (0,64). Наименее уязвимы к воздействию внешних рискогенных факторов гидродинамические аварии, пожары и взрывы. Необходимо подчеркнуть, что рискогенная зависимость и уязвимость ситуации отражает не только силу воздействия фактора, но и величину значимого факторного облака. Таким образом, казалось бы, имеющий ярко выраженную внешнюю природу факт взрыва и пожара, относящийся к постоянным явлениям (часто происходящим), при наличии небольшого факторного поля приобретает меньшее значение индекса рискогенной уязвимости, нежели аварии с выбросом химических веществ.

Эффективность мер поддержания техногенной безопасности

Оценивая эффективность мер и их использование в обеспечении и повышении уровня техногенной безопасности регионов, эксперты определили в качестве наименее используемых мер внедрение рыночных механизмов регулирования техносферы и совершенствование методов управления техногенными рисками в регионе.

Для кризисных регионов однозначная эффективность мер отмечается по позициям «усиление мер контроля на стадии проектирования» и «усиление мер контроля на всех стадиях производственного процесса», «воспитание ответственного, добросовестного отношения к работе у персонала».

Оценивая эффективность применяемых мер, исходя из статуса региона, можно отметить следующее. Для кризисных регионов однозначная эффективность мер отмечается по позициям «усиление мер контроля на стадии проектирования» и «усиление мер контроля на всех стадиях производственного процесса» (по 78% – это оценка по регионам, исходя из их статуса), «воспитание ответственного, добросовестного отношения к работе у персонала» (56%). Для благополучных регионов явно выраженные эффективные мероприятия отсутствуют.

Для получения более достоверных данных об эффективности предлагаемых к оценке мероприятий была произведена индексация данных с последующим их ранжированием.

В целом, ранжируя меры по индексу эффективности на территории РФ, можно разделить их на эффективные (индекс 0,76–1,0), более эффективные (0,51–0,75), менее эффективные (0,26–0,50) и неэффективные (0–0,25)¹ (см. таблицу 10).

¹ Индекс рассчитывается как разница между долей эффективных и относительно эффективных мер и мер неэффективных, при этом доля относительно эффективных мер умножается на 0,5, а доля неиспользованных мер не учитывается в расчёте, все рассчитанные показатели переводятся в долевой эквивалент.

Наиболее обусловлены техногенными факторами ситуации, связанные с выбросами опасных химических веществ, внезапным обрушением конструкций, с выбросами радиоактивных веществ и с выбросами патогенных микроорганизмов.

Оценивая эффективность мер и их использование в обеспечении и повышении уровня техногенной безопасности регионов, эксперты определили в качестве наименее используемых мер внедрение рыночных механизмов регулирования техносферы и совершенствование методов управления техногенными рисками в регионе.

Для кризисных регионов однозначная эффективность мер отмечается по позициям «усиление мер контроля на стадии проектирования» и «усиление мер контроля на всех стадиях производственного процесса», «воспитание ответственного, добросовестного отношения к работе у персонала».

Рис. 4. Эффективность применяемых мер для обеспечения техногенной безопасности, %

Таблица 10

**Индекс эффективности мер повышения и обеспечения
техногенной безопасности**

Меры по снижению техногенных рисков	Индекс эффективности
Принятие новых законов, повышающих должностную ответственность за производственные нарушения	0,38
Совершенствование правоприменительной практики в рамках существующего законодательства	0,51
Усиление экономических санкций к предприятиям и их руководителям	0,73
Усиление экономических санкций к непосредственным исполнителям	0,32
Ужесточение административных санкций	0,53
Усиление мер контроля на стадии проектирования	0,62
Усиление мер контроля на всех стадиях производственного процесса	0,75
Совершенствование методов управления рисками	0,37
Укрепление кадрами служб технической безопасности и охраны труда	0,51
Воспитание ответственного, добросовестного отношения к работе у персонала	0,57
Внедрение рыночных механизмов	0,10
Укрепление корпоративной солидарности, повышение коллективной ответственности	0,09
Информирование населения об уровне техногенных рисков	0,43

По результатам индексации и ранжирования мер к группе более эффективных могут быть отнесены: усиление мер контроля на всех стадиях производственного процесса (индекс 0,75), усиление экономических санкций к предприятиям и их руководителям (0,73); к менее эффективным, но достаточно значимым в общей шкале, – усиление мер контроля на стадии проектирования (0,62), воспитание ответственного, добросовестного отношения к работе у персонала (0,57), ужесточение административных санкций (0,53); к самым неэффективным – укрепление корпоративной солидарности и повышение коллективной ответственности (0,09), внедрение рыночных механизмов регулирования техносферы (0,10).

Техносфера и социальные риски

Взаимосвязь современной среды обитания с возникновением и воплощением социальных рисков подтверждается в последнее время исследованиями многих учёных [Риски

трансформирующейся среды... 2016]. Техносфера как система, пронизывающая все ниши жизнедеятельности человека, не может не оказывать значимого влияния на социальные риски его существования. Во всероссийском исследовании была проведена экспертиза силы такого влияния и определение техногенных агентов максимального социального влияния.

Отвечая на вопрос о степени связи угрозы возникновения чрезвычайных техногенных ситуаций в регионе с основными группами социальных рисков, эксперты определили как наибольшую степень связи состояние анализируемого локуса среды обитания (техносферы) с уровнем качества жизни (4,24 по семибалльной шкале) и социальной напряжённости (3,24) (см. таблицу 11).

Таблица 11

**Степень связи техногенных угроз
с возникновением социальных рисков территории**

Социальные риски	N	Минимум	Максимум	Среднее	Стандартное отклонение
Снижение качества жизни	29	1	7	4,24	2,166
Рост социальной напряжённости	29	1	7	3,24	1,921
Рост вынужденной миграции	29	1	7	3,03	1,899
Рост социальной неопределённости в регионе	29	1	7	3,03	1,721

Сопряжённость балльных оценок степени связи техногенных угроз с социальными рисками и наличие реальной вероятности конкретных угроз техносферы (чрезвычайных ситуаций) даёт возможность установить следующие каузальные отношения (см. рис. 5).

Расчёт индекса социального влияния позволяет определить наиболее весомые из угроз техносферы, те чрезвычайные ситуации, которые наиболее вероятно могут вызывать реализацию социальных рисков (см. таблицу 12).

Согласно приведённым расчётам, наибольшее влияние на возникновение социальных рисков имеют чрезвычайные ситуации, связанные с авариями с выбросом опасных химических и радиоактивных веществ (по 0,78 соответственно), гидродинамические аварии (по 0,67 соответственно). Наименьшее влияние оказывают инциденты, связанные с внезапным обрушением зданий, сооружений, пород (0,17). Общий индекс влияния техносферы на социальные риски можно охарактеризовать как величину выше среднего (0,55).

Рис. 5. Степень связи техногенных угроз с социальными рисками

Таблица 12

**Индекс социального влияния
техногенных чрезвычайных ситуаций**

Техногенные чрезвычайные ситуации	Индекс социального влияния
Аварии с выбросом опасных химических веществ	0,78
Аварии с выбросом патогенных для человека микроорганизмов	0,64
Аварии с выбросом радиоактивных веществ	0,78
Аварии на коммунальных системах жизнеобеспечения	0,47
Транспортные аварии	0,50
Пожары и взрывы	0,45
Гидродинамические аварии	0,67
Аварии на электроэнергетических системах	0,49
Аварии на очистных сооружениях	0,58
Внезапное обрушение зданий, сооружений, пород	0,17
Совокупный индекс влияния техносферы на возникновение социальных рисков среды обитания	0,55

Заключение

Подводя итог проведённому исследованию, можно сделать вывод о системности воздействия техносферы на среду обитания человека: создание техногенных отраслей и строительство техногенных объектов продуцируют возникновение чрезвычайных ситуаций в техносфере, индекс вероятности возникновения которых прямо пропорционален их обыденности (наиболее вероятны аварии на коммунальных службах и электроэнергетических системах) и обратно пропорционален глобальности угрозы и последствий (наименее вероятны аварии с выбросами радиоактивных веществ и патогенных микроорганизмов).

Одновременно с этим стоит говорить о том, что техногенная рискогенность регионов определяется не наличием и количеством объектов, создающих угрозу и потенциально являющихся источником чрезвычайных ситуаций и катастроф, а наличием или отсутствием системы эффективных мер предотвращения таких аварий, активностью использования действенных систем прогнозирования рисков на территории.

По-прежнему остаётся проблемой открытость информации для общественности. Наличие альтернативных каналов распространения информации о возможном техногенном риске или случившейся катастрофе не просто снижает уровень безопасности регионов, но и нарушает принцип человекомерности, социальный закон равных прав доступа к информа-

Создание техногенных отраслей и строительство техногенных объектов продуцируют возникновение чрезвычайных ситуаций в техносфере, индекс вероятности возникновения которых прямо пропорционален их обыденности и обратно пропорционален глобальности угрозы и последствий.

ционному ресурсу. Обнаруженная в результате исследования связь между техногенной безопасностью региона и эффективностью распространения информации о возможной угрозе, подтверждает наш вывод о каузальной зависимости между этими величинами.

Несмотря на постоянное рискогенное расширение и ежесекундную реализацию существующих рисков того или иного масштаба, на данный момент уровень безопасности техносферы российских регионов, по мнению экспертов, можно считать приемлемым, хотя индексы безопасности каждой из конкретных чрезвычайных ситуаций не поднимаются выше среднего значения (максимальный показатель 0,56).

Усугубляет существующую ситуацию наличие рискогенных факторов, воздействующих в той или иной мере на каждую техногенную отрасль. Несмотря на существующие и применяемые меры, не всегда удаётся снизить рискогенный уровень экономических отраслей, что и создаёт ситуацию возникновения в России кризисных и благополучных в отношении техносферы регионов. Так, по результатам исследования, кризисные регионы испытывают большее воздействие техногенных факторов, чем благополучные. Тем более, что факторы, создающие ситуации риска, образуют устойчивые группы воздействия, формируя факторное поле для каждой экономической отрасли и чрезвычайной ситуации.

Анализ силы влияния факторов позволяет определить наиболее опасные из них. К ним относится группа факторов, связанных с изменением со временем свойств объектов техносферы и человеческий фактор. Наименьшее влияние эксперты определили для факторов, связанных с появлением новых, неизученных свойств техногенных объектов, что вполне сопоставимо с реальными векторами и акцентами внимания, имеющимися в системе управления этой сферой. В ближайшие 5–7 лет мы прогнозируем изменение результатов такой оценки – экспансивное развитие технологий в сочетании с отсутствием эффективных методов прогноза будет продуцировать форсайт-сценарии с глобальными последствиями внедряемых инноваций. Конвергенция свойств технических объектов, основанная на конвергенции технологий их создания, в контакте и взаимодействии с природно-экологической и социокультурной системой может продуцировать непредвиденные комбинации, результаты которых будут иметь настолько глобальные последствия, насколько был узок горизонт их прогнозирования.

Тем более, что группа эффективных мер регулирования и предотвращения рисков в техносфере, по мнению экспертов, включает лишь считанное количество позиций (к группе более эффективных могут быть отнесены меры усиления контроля на всех стадиях производственного процесса и усиление эко-

На данный момент уровень безопасности техносферы российских регионов, по мнению экспертов, можно считать приемлемым.

номических санкций к предприятиям и их руководителям), в то время как неэффективными мероприятиями признаны порядка 50% профилактического арсенала. Так, к самым неэффективным мерам отнесены укрепление корпоративной солидарности и повышение коллективной ответственности, внедрение рыночных механизмов регулирования техносферы – это, к сожалению, именно те мероприятия, которые создают социально-экономическую систему новой формации (то, что нужно России в современных условиях), изменяют менталитет человека, закладывая основу поколенческих изменений. То, что в России эти меры не имеют эффекта, говорит о том, что технология их внедрения и реализации не отработана, но то, что эти меры могут иметь потрясающий и глобальный эффект, доказано опытом развитых стран.

Квинтэссенцией техногенеза становится формирование каузальных отношений техносферы с социальной средой и продуцирование социальных рисков. Индекс её социального влияния на данный момент 0,55, для сравнения и сопоставления: индекс социального влияния природно-экологической сферы – 0,47, а индекс влияния социокультурной сферы – 0,6, т. е. техносфера, являясь средой искусственного происхождения, превысила влияние природного элемента среды и немногим уступает сфере, породившей её. Если же посмотреть на социальное влияние её экономических отраслей, то можно увидеть, что некоторые из них перешагнули порог высокого влияния (аварии с выбросами химических, радиоактивных веществ и патогенных микроорганизмов, гидродинамические аварии) и активно продуцируют социальные риски.

Ситуация нарастания социального влияния техносферы в среде обитания человека говорит о вполне реальной возможности реализации основных футурологических техногенных прогнозов и необходимости поиска путей и методов прогнозирования её экспансии, создания системы контроля её развития и системы принятия решений относительно будущей трансформации и конфигурации её объектов [Информационные технологии... 2015].

Библиографический список

Васильев Ю. С. 2011. Устойчивое развитие техносферы в системе природа – общество – человек: введение в проблему // Устойчивое развитие: наука и практика. Вып. 2 (7). С. 3. URL: <http://www.yrazvitie.ru> [Дата посещения: 11.12.2015].

Виндж В. 2004. Технологическая сингулярность // Электронная библиотека RoyalLib.com URL: http://royallib.com/read/vindg_vernor/tehnologicheskaya_singulyarnost.html#0 [Дата посещения: 30.05.2016].

Горюнов А. В. 2011. Информационные технологии и общество, или Состоятелен ли технологический детерминизм? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 8 (14). Ч. I. С. 54–58.

Информационные технологии поддержки принятия решений при оценке социальных рисков развития техногенных систем: монография. 2015. / Под ред. Ю. А. Зубок. Белгород: ООО «Эпицентр». 116 с.

Кочергин А. Н. 2011. Техносфера и общество: проблема взаимодействия // Научный вестник МГТУ ГА. № 166. С. 32–39.

Попкова Н. В. 2005. Основное противоречие техносферы // Философия и общество. № 3. С. 123.

Риски трансформирующейся среды обитания: проблема исследования и управления: монография. 2016. / Под ред. Ю. А. Зубок. Белгород: ООО «Эпицентр». 208 с.

Шапвалова И. С. 2015а. Понятие субсредовых локусов среды обитания человека // Научный результат. Белгород: Изд-во БелГУ. № 3. С. 93–100.

Шапвалова И. С. 2015б. Специфика информирования населения о чрезвычайных ситуациях в зависимости от локализации угрозы // Казанская наука. № 12. С. 368–371.

Якупов А. М. 2013. Среда обитания людей и «поля опасностей» в ней // Вестник НЦ БЖД. № 4 (18). С. 91–100.

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.416

Technosphere of Russia: Problems and Risks of Development

Shapovalova Inna Sergeevna

Doctor of sociological sciences, docent, Head of the Department of sociology and organization of the work with youth, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia. E-mail: inna-shapov@mail.ru

Abstract This article pays close attention to the ever growing role of the modern techno-nasphere in forming mankind's living environment. Attention is focused on the uncontrollable nature of its transformation, its nonlinear development, and certain difficulties when it comes to evaluation and predictions. A scientific problem is brought forward, namely the need to search for mechanisms which would allow predicting and evaluating the way anthropogenic manifestations affect humankind's current living environment, as well as to generate scientific algorithms for calculating situations in the system of vectors within the evolutionary movement of the techno-sphere. Presented within the scope of the matter are the results of analyzing an All-Russian expert survey, conducted in 2015 by the Belgorod National Research University's Sociological Study Center. The results of this study allowed establishing the frequency and probability for the occurrence of anthropogenic emergency situations in various regions, the suitability of the safety level for Russia's techno-sphere, as well as indexing the threat level for specific emergency situations and defining the true indicators for the susceptibility of economic sectors and anthropogenic emergency situations to the influence of technogenous factors. Data from the sociological study are refracted through the functional peculiarities of two types of regions: with minimal and maximal technogenous risk. This

article thoroughly analyzes all the measures that are taken in Russia for reducing and preventing technogenous threats and catastrophes. Examined are groups of measures according to their degree of efficiency. Analyzed is the possibility of implementing a group of measures for each emergency situation and each field of the techno-sphere. In addition to evaluating techno-sphere manifestations in general, successfully established were indexes for the effects that the techno-sphere has on the emergence of social risks. Ultimately the general risk-capacity of the modern techno-sphere was determined, while also stressing the need to create means of prediction and systems that would allow making decisions for rational and effective control over the modern technological environment.

Keywords: techno-sphere, emergency situations, technogenous factors, techno-sphere safety, risk-capacity, social risks.

References

Goriunov A. V. Informacionnye tehnologii i obschestvo, ili Sostojatelen li tehnologicheskij determinizm? [Information Technology and Society, or whether Technological Determinism is Consistent?]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2011, no 8 (14), Ch. I, pp. 54–58.

Informacionnye tehnologii podderzhki priniatija resheniy pri ocenke social'nykh riskov razvitija tehnogennykh system [Information Technologies of Support of Decision-making in Assessing the Social Risks of Technological Systems: Monograph]. Ed. by J. A. Zubock. Belgorod, Epicentr, 2015. 116 p.

Jakupov A. M. Sreda obitaniya liudey i «polia opasnostey» v nej [Human Environment and “Fields of dangers” inside it]. *Vestnik NC BZhD*, 2013, no 4 (18), pp. 91–100.

Kochergin A. N. Tehnosfera i obschestvo: problema vzaimodeystvija [Technosphere and Society: Problems of Interaction]. *Nauchny vestnik MGTU GA*, 2011, no 166, pp. 32–39.

Popkova N. V. Osnovnoe protivorechie tehnosfery [The Basic Contradiction of the Technosphere]. *Filosofija i obschestvo*, 2005, no 3, pp. 123–130.

Riski transformirujuscheysia sredy obitaniya: problema issledovaniya i upravleniya [Risks of Transforming Living Environment: the Problem of Research and Management: a Monograph]. Ed. by J. A. Zubock. Belgorod, Epicentr, 2016. 208 p.

Shapovalova I. S. Poniatie subsredovykh lokusov sredy obitaniya cheloveka [The Concept of Subenvironmental Loci of the Human Environment]. *Nauchny rezul'tat*, 2015, no 3, pp. 93–100.

Shapovalova I. S. Specifika informirovaniya naseleniya o chrezvychaynykh situacijah v zavisimosti ot lokalizacii ugrozy [Specificity of Informing the Public about Emergency Situations, Depending on the Threat Localization]. *Kazanskaja nauka*, 2015, no 12, pp. 368–371.

Vasil'ev Y. S. Ustoychivoje razvitie tehnosfery v sisteme priroda – obshchestvo – chelovek: vvedenie v problem [Sustainable Development of the Technosphere in the System Nature – Society – Human Being: Introduction to the Problem]. *Ustoychivoje razvitie: nauka i praktika*, 2011, Vol. 2 (7), p. 3. URL: <http://www.yrazvitie.ru> [date of visit: 11.12.2015].

Vindzh V. Tehnologicheskaja singularnost' [Technological Singularity]. 2004. RoyalLib.com website. URL: http://royallib.com/read/vindg_vernor/tehnologicheskaja_singularnost.html#0 [date of visit: 30.05.2016].

Россия и Монголия: сходства и различия

Монголия на рубеже XX-XXI вв.: случай постсоциалистической т р а н с ф о р м а ц и и

Родионов Владимир Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры истории и регионоведения стран Азии, Бурятский государственный университет, Улан-Удэ.

E-mail: vladimir_198025@mail.ru

Монголия на рубеже XX–XXI вв.: случай постсоциалистической трансформации

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.418

Аннотация. В данной статье¹ исследуются кардинальные общественные изменения, произошедшие в Монголии на рубеже XX–XXI вв. Одним из ключевых понятий, используемых в статье, является «постсоциалистическая трансформация». Данный термин призван объяснить наличие общих исторических и пространственных характеристик стран, отказавшихся от социализма как общественной модели и воспринявших капитализм в качестве альтернативного общественного идеала. При изучении данного феномена в Монголии наряду с формальными институциональными изменениями в политике и экономике, сопровождающими трансформацию, не менее важным был анализ дискурсивной природы постсоциализма, т. е. того, как воспринимались и интерпретировались происходящие процессы. Феномен Монголии прежде всего заключается в том, что она оказалась единственной бывшей социалистической страной в Азии, пошедшей по пути одновременного реформирования политической и экономической сфер, взяв за основу опыт постсоциалистических стран Восточной Европы и России. Отказавшись от социализма, Монголия стала воспринимать капитализм как новую идеальную модель, сохранив модернистский взгляд на свою историю, настоящее и будущее. Демократия как центральное понятие постсоциалистической трансформации в Монголии рассматривалась главным мерилем современности и прогресса, отделяющим «продвинутые страны» от «стран отсталых» в общественном развитии. Своеобразным водоразделом, отделяющим развитие от отсталости, виделась демократическая революция 1989–90 гг. Воплощением отсталости выступал социалистический период истории Монголии, который представлял как досовременная или даже антисовременная эпоха, основывавшаяся на отрицании ценностей современности. При этом идея демократии воспринималась монгольским обществом крайне диффузно и противоречиво. Для одних демократия ассоциировалась со свободой в широком понимании этого слова. Другие, осуждавшие систему льгот партноменклатуры, видели в демократии условие социальной справедливости. Такие явления, как реабилитация истории и религии, а также изменение внешнеполитической стратегии виделись атрибутами демократизации страны, а сама демократия стала взаимоувязана с такими явлениями, как нация и суверенитет.

Ключевые слова: Монголия, постсоциалистическая трансформация, демократия, современность

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Постсоветское общество и буддийская сангха: социорелигиозные процессы в России и Монголии», проект № 15-23-03002.

Понятия «постсоциализм» и «постсоциалистические страны» вошли в академический и политический лексикон на рубеже 1980–90-х гг. Их породили «перестройка» в СССР и его дальнейший распад, «бархатные революции» в странах Восточной Европы и даже рыночные реформы в КНР и ряде других социалистических стран Азии [Aslund 1992; Elster 1990; Jowitt 1992; Offe 1991]. По замечанию К. Бойме, «крах реального социализма поставил исследования трансформаций буквально на поток» [Бойме 1994: 148]. Одновременно с этим возникли дискуссии по вопросу о смысловом наполнении понятия «постсоциализм» и «постсоциалистические страны».

На первый взгляд этот вопрос решался просто. К постсоциалистическим странам следовало отнести все те, что отказались от социализма как модели общественно-политического развития. Однако такое простое объяснение не давало ответа на вопрос, почему это произошло и какова дальнейшая траектория развития этих стран.

Теоретические подходы к исследованию трансформационных процессов в постсоциалистических странах

В попытке найти ответ на эти вопросы логичным является обращение к геополитическим истокам свершившихся изменений. Постсоциалистические страны являются определённым территориальным пространством, ещё недавно объединённым сферой военно-политического, идеологического, экономического влияния СССР, – от стран Восточной Европы на Западе до КНДР на Востоке. Ослабление и дальнейший распад Советского Союза, повлёкшие за собой грандиозные международно-политические изменения, во многом стали катализатором отказа от основ социалистической модели развития многих из этих стран. Иными словами, страны стали относить к категории «постсоциалистических» на основании их изменившегося геополитического положения ввиду распада социалистического блока и его ядра – СССР. В то же время исчезновение СССР не привело к стремительным изменениям в большинстве социалистических стран Азии (КНР, КНДР, Вьетнаме, Лаосе, Камбодже) и на Кубе, формально сохранивших курс на построение коммунизма. Кроме того, выделение только внешнего источника начавшейся в бывших социалистических странах трансформации обедняет политический анализ и не отражает всей полноты картины. Поэтому геополитический признак не может быть признан достаточным критерием для определения постсоциализма и постсоциалистических стран.

Не менее значимыми критериями являются специфические политические и социально-экономические условия и процессы рубежа 1980–90-х гг., определившие предметные

рамки исследований постсоциализма. Одним из популярных направлений в исследованиях коренных социально-экономических и политических изменений в бывших социалистических странах в начале 1990-х гг. стала так называемая «транзитология», противопоставившая социализм (как «отсталую модель») капитализму (как «модели прогрессивной») [Пшеворский 2000; Шумпетер 1995]. Само слово «транзит» было призвано подчеркнуть состояние «между» тем, от чего общество решило уйти (социализм), и тем, к чему оно направляется (капитализм). Необходимость стремительного перехода от социализма к капитализму через либеральные реформы (отпуск цен, приватизация государственной собственности, минимальное вмешательство государства в экономику) считались главным экономическим содержанием транзита, который, в свою очередь, должен был привести к созданию в постсоциалистических странах рыночной экономики. Политическое наполнение транзитологической теории выражалось в разработанных рецептах перехода от тоталитарно-авторитарных систем к либеральной демократии, признаваемой в качестве лучшей формы политического устройства [Rostow 1970; Diamond 1997; Muravchik 1991]. В этой связи процесс демократизации объявлялся закономерным итогом истории человечества.

Особенно важно подчеркнуть, что «транзитология» рассматривала экономическую либерализацию и политическую демократизацию в теснейшей связке. Эти составляющие должны были диалектически сосуществовать друг с другом. С одной стороны, предполагалось, что экономическое процветание, формируя средний класс, закладывало социальную базу демократического режима. С другой стороны, политическая демократия, обеспечивая свободу экономической деятельности и разнообразия форм собственности, укрепляла основы рыночной экономики [Burkhart, Lewis-Beck 1994; Diamond 1992].

Как сам термин «транзит», так и его содержание, имеют свои познавательные ограничения и были неоднократно раскритикованы представителями самых различных школ и направлений социальных наук.

Одни авторы критикуют «транзитологию» за её зацикленность на анализе состояния и развития формальных институтов [Никула 2005:135–137]. Другие обращают внимание на утопичность и/или устарелость идейных установок «транзитологии», её радикальную морализаторскую бинарность в оценках общественной реальности (традиция vs современность, социализм vs капитализм и т. д.) и западноцентризм [Капустин 2001]. В ходе данной критики выявляется, что теоретические рамки транзитологии не могут охватить разнообразный страновой материал. Представители политической антропологии критикуют линейный (эволюционистский) подход к пониманию общественного развития, которое

якобы неминуемо должно привести к капитализму. М. Буравой и К. Вердери подчёркивают, что не существует заранее предписанной магистрали общественного развития по западному образцу в качестве конечной точки, потому что процесс трансформации непредсказуем как по своему содержанию, так и по конечному результату. Будущее не предопределено, а прошлое не имеет прямого воздействия на будущее постсоциалистических стран [Uncertain Transition... 1999]. В целом критики отмечают, что «транзитология» не в состоянии создать адекватное понимание противоречивого опыта народов постсоциалистических обществ.

В качестве альтернативы термину «транзит» М. Буравой в своё время предложил концепцию «постсоциалистической трансформации» [Burawoy 2001: 271], которая была призвана объяснить наличие общих исторических и пространственных характеристик рассматриваемых стран. Например, общее для стран Восточной Европы и бывших республик СССР социалистическое прошлое может быть рассмотрено в качестве институционального ресурса для настоящего, т. е. эпохи постсоциализма. По замыслу К. Вердери, применение постсоциалистического подхода позволяет при помощи этнографических методов изучать повседневную реальность тех, кто был вынужден приспособливаться к новым условиям жизни и потребления после падения социализма: то, как жители бывших социалистических стран жили во время реформ, как воспринимали эти реформы, как приспособивались к новым обстоятельствам, как их социалистическое прошлое влияло на настоящее, какие типы идентичностей появились в новых обстоятельствах, какие новые практики возникли и так далее. Таким образом, вместо идеи линейного развития концепция «постсоциалистической трансформации» включает в себе идею «множественных современностей» [Verdery 2002: 17]. А. Лангеноль говорит о смысле использования категории «постсоциализм», ибо она «позволяет продемонстрировать различия между старыми демократиями Запада и ещё не полностью сложившимися демократиями Востока и, таким образом, ставит под сомнение предположение об автоматическом выравнивании демократических структурных и культурных моделей» [Лангеноль 2004: 368].

На наш взгляд, использование термина «постсоциалистическая трансформация» наиболее точно отражает сущность происходящих процессов в рассматриваемых странах. Начиная с 1990-х гг., страны, относимые к постсоциалистическим, в своём развитии отталкивались от того, что они понимали под социализмом. Новое общество строилось и воспринималось как антипод социализма. Иными словами, «постсоциализм» понимается в качестве специфического культурного пространства с общими для многих стран социокультурными проблемами

и путями их решения [Лангеноль 2004; Brandtstdter 2007]. Помимо изменений формальных политических и экономических институтов, не менее значимым при исследовании постсоциалистических процессов являются культурно-идеологические, дискурсивные сдвиги в рассматриваемых сообществах. Важнейшей дискурсивной составляющей постсоциалистической трансформации стала идея расставания с коммунизмом как несбыточным будущим, с одной стороны, и идея неизбежности построения капитализма – с другой.

При таком рассмотрении территориальные рамки исследований постсоциализма чаще всего включают в себя страны Восточной Европы и бывшие республики СССР. Особняком в этом ряду стоит Монголия, чей опыт постсоциалистической трансформации заслуживает отдельного рассмотрения.

Монголия в начале процессов изменений

Монголия, вслед за СССР начавшая во второй половине 1980-х гг. политику перестройки, оказалась в ситуации серьёзного системного кризиса. По оценкам западных специалистов, объём внешнего советского финансирования страны за период 1989–91 гг. сократился с 53% (от размера ВВП Монголии) до 7%, а советский импорт сократился на 60% [Вооне 1994: 330]. Произошло падение национального дохода, который в 1980 г. составлял 5 млрд тугриков, а в 1990 г. – уже 3.1 млрд. Соответственно, на душу населения в 1990 г. приходилось всего лишь 42 доллара. По этому показателю Монголия опустилась ниже отметки, занимаемой таким крайне отсталым государством, как Бангладеш [Яскина 1994: 30].

Обострение кризисных явлений в экономической сфере и неспособность правительства с ними справиться повлекли за собой требования политических изменений – отмена 82 статьи конституции МНР о руководящей роли правящей Монгольской народно-революционной партии (МНРП), введение многопартийной системы, соблюдение гражданских прав и свобод и др. Основными выразителями данных требований стали представители молодого поколения монгольских интеллектуалов, создавших на рубеже 1980–90-х гг. первые оппозиционные МНРП политические партии – Демократическая партия (ДП), Монгольская социал-демократическая партия (МСДП), Монгольская партия национального прогресса (МПНП) и др. В результате серии массовых акций протеста и гражданского неповиновения ЦК МНРП в марте 1990 г. в полном составе ушёл в отставку, и вскоре после этого состоялись первые многопартийные выборы в парламент страны. Данные события стали именоваться в Монголии демократической революцией.

Помимо изменений формальных политических и экономических институтов, не менее значимым при исследовании постсоциалистических процессов являются культурно-идеологические, дискурсивные сдвиги в рассматриваемых сообществах.

Монголия, вслед за СССР начавшая во второй половине 1980-х гг. политику перестройки, оказалась в ситуации серьёзного системного кризиса.

При известных идеологических разногласиях внутри монгольской политической элиты в начале 1990-х гг. сложился негласный консенсус по поводу общей оценки происходивших изменений. В основе данного консенсуса лежал отказ от социализма как неэффективного пути развития.

В социалистический период был сформирован и институционализирован миф о том, что социализм с его плановой экономикой гарантирует темпы роста, в несколько раз превышающие темпы роста в условиях капитализма. Также представлялось, что социализм способен ликвидировать большинство социальных проблем в течение одного-двух поколений. Иными словами, социализм в рамках господствовавшей марксистско-ленинской идеологии с характерным для неё линейно-прогрессивным пониманием времени виделся наиболее эффективной и исторически оправданной моделью общественного развития. В Монголии начала XX в. с её аграрно-сословным обществом теория построения социалистического общества имела свои особенности и была выражена в формуле «переход к социализму, минуя капитализм» [Ширендыб 1967]. Это предполагало более сжатые, в сравнении с восточноевропейскими странами, сроки строительства «идеального общества» и, как следствие, усиливало надежды населения.

Однако социализм не привёл Монголию к более высокому уровню развития, чем капитализм, а сами монголы не достигли жизненных стандартов жителей капиталистических стран. В связи с этим, миф о социализме в Монголии на рубеже 1980–90-х гг. был заменён типологически схожим мифом о капитализме, который стал восприниматься как панацея от существующих социально-экономических и политических проблем, с которыми столкнулось монгольское общество. При общем отказе от социализма сохранился модернистский взгляд на свою историю, настоящее и будущее. Сдвиг произошёл внутри модернистского взгляда – от социалистической версии современности к капиталистической.

Монгольские политические деятели, в том числе молодые реформаторы-демократы, в массе своей были носителями подобного модернистского взгляда на историю. Большинство из них получили марксистское образование в советских, восточноевропейских и монгольских вузах, мыслили категориями марксизма и его пониманием общественных процессов, предполагающих тесную взаимосвязь экономики и политики. Отсюда их убеждённость в необходимости синхронности политических и экономических реформ.

Одним из наиболее распространённых пониманий происходящего в начале 1990-х гг. было отождествление трансформации с переходом к рыночным отношениям. Как представлялось сторонникам этой идеи, только свободный рынок – главный атрибут капитализма – был способен сфор-

При известных идеологических разногласиях внутри монгольской политической элиты в начале 1990-х гг. сложился негласный консенсус по поводу общей оценки происходивших изменений. В основе данного консенсуса лежал отказ от социализма как неэффективного пути развития.

При общем отказе от социализма сохранился модернистский взгляд на свою историю, настоящее и будущее. Сдвиг произошёл внутри модернистского взгляда – от социалистической версии современности к капиталистической.

мировать слой собственников, которые, в свою очередь, станут опорой демократического режима. Подобный либеральный подход предполагал неизбежность одновременного проведения политических и экономических реформ. Именно по такому пути пошли все бывшие социалистические страны Восточной Европы и Россия. И такой путь представлялся оптимальным для ряда монгольских реформаторов. Д. Ганболд, лидер МПНП и вице-премьер в правительстве Д. Бямбасурэна, выступал за полный отказ от плановой экономики, решительную и всеобъемлющую приватизацию большинства государственных активов, включая промышленные объекты и банковскую систему при одновременном сокращении расходов на социальные программы [Rossabi 2005: 25]. III съезд ДП в апреле 1992 г. принял предвыборную программу под девизом «Демократия, свобода, рынок» [История Монголии. 2007: 333].

Существовали варианты, включавшие в себя сохранение (хотя бы частичное) основ политического строя при проведении экономических реформ. Географически Монголия оставалась азиатской страной, что создавало для монгольских политических элит определённую альтернативу. В соседнем с Монголией Китае, а также Вьетнаме и Лаосе в рассматриваемый период получил распространение и имел определённый успех вариант реформ экономического сектора без принципиального изменения политических институтов власти. Этот вариант стал казаться вполне вероятным, когда в Монголии на фоне роспуска КПСС в России и утери всех властных постов коммунистическими партиями в Восточной Европе фактически сохранила свои правящие позиции МНРП, победившая на парламентских выборах 1990 г. Среди политической и интеллектуальной элиты страны идеи о возможном повторении китайского варианта реформирования и выходе из экономического кризиса в тот период времени были довольно популярны [Гербова 1994: 9; Яскина 1995а: 48].

Однако, как показали дальнейшие события, монгольские правящие элиты практически единогласно избрали восточно-европейский/российский вариант реформирования, взяв курс на построение рыночно ориентированной экономики и демократизацию общественно-политической жизни страны. Структурно монгольская экономика рубежа 1980–90-х гг. имела гораздо больше сходств с экономикой советской, нежели китайской или вьетнамской [Гербова 1991; Кубышина 2000]. Потому при всей внешней привлекательности результатов экономических реформ в КНР и Вьетнаме выбор российского и восточно-европейского пути реформ казался для Монголии более логичным.

В течение первой половины 1990-х гг. в Монголии были проведены рыночные реформы. «Малая» приватизация распространялась главным образом на сферу обращения и была

Монгольские правящие элиты практически единогласно избрали восточно-европейский/российский вариант реформирования, взяв курс на построение рыночно ориентированной экономики и демократизацию общественно-политической жизни страны.

практически завершена летом 1993 г. «Большая» приватизация предполагала приватизацию средних и крупных предприятий, в том числе промышленного сектора, и была проведена до сентября 1994 г. [Яскина 1995b: 27–28]. Все это привело к закреплению ведущих позиций частного сектора в экономике страны. Стандартный набор политических и гражданских прав и свобод, отражённых в отредактированной конституции МНР, а также в специально принятых законах «О политических партиях», «Свободе прессы», «О выборах», заложили базу для становления процедурной демократии в стране. В этом проявилась уникальность Монголии, единственной из социалистических азиатских стран, пошедшей по пути радикального политического и экономического реформирования.

Философия демократии периода трансформаций

Центральным понятием, наиболее часто употребляемым в ходе происходивших в Монголии того периода политических процессов, была «демократия». На одном из главных плакатов протестующих в декабре 1989 г. было написано: «Наша цель – демократия!». Это слово присутствовало в названиях многих вновь создававшихся движений и партий. В декабре 2014 г. торжественно отмечалось 25-летие монгольской демократической революции, а в 2015 г. монгольские власти объявили 29 июля в качестве «Дня суверенитета и демократических выборов» [Сайханбилэг 2015]. При этом ведущие политики и рядовые граждане страны вкладывали различные, иногда диаметрально противоположные смыслы в процесс начавшихся демократических перемен. Идея демократии на рубеже 1980–90-х гг. воспринималась монгольским обществом (как и другими обществами постсоциалистических стран) крайне диффузно и противоречиво. Для одних демократия ассоциировалась со свободой в широком понимании этого слова. По словам президента Монголии Ц. Элбэгдоржа, «свобода человека является фундаментом нашей демократии. Монголы любят свободу, потому что мы вернули её непосильным трудом [Монгол улсын... 2015]. Другие, осуждавшие систему льгот партноменклатуры, видели в демократии условие социальной справедливости [Хатаболд 2015: 208]. Даже спустя два десятилетия после начала трансформации в монгольском обществе нет единства на этот счёт. По данным ежегодных социологических опросов, проводимых ведущими социологическим фондом Монголии «Сант Марал», одинаково популярными демократическими ценностями традиционно называются такие противоречащие друг другу категории, как «свободный рынок» и «равенство в доходах» (см. таблицу 1).

Таблица 1

Наиболее значимые демократические ценности,
были возможны несколько ответов одновременно, % ответивших

Год	Свободный рынок	Равенство в доходах
2009	85.4	79.5
2010	89.1	83.4
2011	86.2	82.8
2012	Нет данных	Нет данных
2013	87.6	86.6
2014	83.7	83.8
2015	84.2	85.4

Примечание. Таблица составлена по данным материалов фонда «Сант Марал».

Демократия рассматривалась главным мерилом современности и прогресса, отделяющим «продвинутые страны» от «стран отсталых» в общественном развитии. В свою очередь события 1989–90 гг. виделись началом этой современности, своеобразным водоразделом, отделяющим настоящее от прошлого. Таким прошлым выступал социалистический период истории Монголии, который представал как досовременная или даже антисовременная эпоха, основывавшаяся на отрицании ценностей современности. Как указал в начале 1990-х гг. один из лидеров МСДП Р. Хатанбаатар, Монголия «избавила себя от коммунизма и вступила на естественный путь мирового развития» [цит. по: Sanders 1992: 520]. Бывший премьер-министр Д. Бямбасурэн в своём интервью, посвящённом 25-летию первых демократических выборов в Монголии, вспоминая начало трансформации, заметил, что «для того, чтобы измениться, мы должны были отказаться от социализма, перейти на путь развития, характерный для всего человечества [Бямбасурэн 2015].

В рамках начавшейся постсоциалистической трансформации демократия стала критерием всего. Защищая и оправдывая любую цель или задачу, было достаточно доказать, что это соответствует идее демократии. Демократия стала видеться в качестве панацеи от всех возможных политических проблем. Соответственно, любое отрицание или сомнение в идеальности демократии означало делигитимацию сторонников такого подхода. Глава МИД Монголии Л. Пурэвсурэн, комментируя критику либеральной демократии со стороны премьер-министра Венгрии В. Орбана, высказался следующим образом: «Свернув с демократического пути, страна может получить завтра какие-то политические и экономические выгоды. Но в долгосрочном плане только демократия и рыночная экономика являются путём стабильного развития» [Пурэвсурэн 2014].

Демократия рассматривалась главным мерилом современности и прогресса, отделяющим «продвинутые страны» от «стран отсталых» в общественном развитии. При этом репрезентация демократии нередко по форме близка к аналогичным репрезентациям социализма.

При этом репрезентация демократии нередко по форме близка к аналогичным репрезентациям социализма. Характерным в этом плане является выступление одного из молодых демократов начала 1990-х гг. Л. Болда на 10 ассамблее межпарламентской группы «Монголия – ЕС»: «В ходе мирных революций нет ни победителей, ни проигравших, только самый большой шаг к светлому будущему... Монгольская демократия – это результат мужественной революции, которая привела к политической и экономической трансформации... Монголия достигла исторического двойного транзита за относительно короткий период времени не столько благодаря значительной международной и иностранной помощи, сколько за счёт внутреннего согласия, взаимодействия и убеждённости. Поэтому мы всегда будем защитниками и покровителями наших демократических ценностей» [Speech on the Mongolia – EU... 2015]. Не менее показательными являются слова Ц. Элбэгдоржа: «Демократию не построить одноразовым выбором... Мы выбрали сложный путь. И все мы верим, что в конце пути нас ждёт счастье... Мы должны стараться для демократии каждый день, любить её, пока она жива» [Элбэгдорж 2015].

Постсоциалистическая трансформация предполагала создание новой политической идентичности населения Монголии, формируемой за счёт эксплуатации образов прошлого. Именно история была одним из элементов легитимации социалистического режима, описывая его как неизбежный и закономерный результат общественного развития. И она же должна была помочь перекодировать политическое пространство Монголии в начале 1990-х гг. Политические изменения включали в себя кардинальную переоценку исторических событий и, в первую очередь, истории XX века. В рамках этой переоценки социалистический период оказался в центре острой критики. Многие национальные символы, запрещённые или критикуемые в социалистический период, были восприняты и успешно конвертированы ведущими политическими силами Монголии в 1990-е гг. Исторические и политические сюжеты стали сливаться и переплетаться.

Центральной исторической темой, призванной повлиять на политический процесс, являлась фигура Чингисхана, которая была поставлена в центр постсоциалистической национальной идеологии Монголии. Чингисхан, а точнее его образ, начал рассматриваться с позиций текущих политических задач и интересов. К. Каплонски, исследуя тему образов Чингисхана в постсоциалистической Монголии, выявил зависимость между политическими предпочтениями граждан и их восприятием великого хана. Он указывает на то, что для монгольских демократов Чингисхан представлялся «демократическим правителем и законодателем». По мнению известного монгольского

Именно история была одним из элементов легитимации социалистического режима, описывая его как неизбежный и закономерный результат общественного развития. И она же должна была помочь перекодировать политическое пространство Монголии в начале 1990-х гг.

политика и предпринимателя Н. Ням-Осора, «Чингисхану не были чужды демократические ценности» [Ням-Осор 1997: 250]. Другой известный политик Б. Батбаяр (псевдоним Баабар) назвал Монгольскую империю «первым в истории человечества правовым государством» [Баабар 2010: 37]. Для сторонников более жёсткой политической власти он был прежде всего «сильным влиятельным правителем, харизматической фигурой, способной вывести страну из болота, в котором она оказалась сегодня» [Kaplonski 2004: 134].

История и историко-культурные символы и образы для монгольской политической элиты стали выступать важным источником легитимации демократического режима. По словам Л. Болда, «блестяще доказано, что азиатское общество имеет культурные корни для успешного построения демократии» [Welcome Note... 2013: 3]. История должна была помочь подчеркнуть естественность и закономерность произошедшей демократизации в Монголии. Монгольской элите всегда было крайне важно подчеркнуть, что монгольская демократия была рождена и возвращена в Монголии и на данный момент представляет собой демократию, опирающуюся на национальные ценности. Как заявил спикер парламента З. Энхболд, «монголы не импортировали свою демократию – она родилась на этой земле и возродилась в результате революционной деятельности нашей молодёжи» [Энхболд 2015].

В монгольском политическом процессе утвердилось телеологическое объяснение демократии, которое во многом слилось с подобным представлением о монгольской нации и её судьбе. По словам одного из высокопоставленных членов МНРП Б. Тэрбиша, «начало демократическим протестам в Монголии было положено не в 1989–90 гг., а намного раньше, в эпоху социализма, когда против граждан страны начались репрессии. Соответственно, каждый репрессированный был самым настоящим демократом, боровшимся с тоталитарным режимом. Демократия – это то, что было присуще монголам всегда и имманентно» [цит. по: Kaplonski 2004: 77]. Естественность и глубокая историчность монгольской демократии доказывается, в том числе, посредством сравнения с другими странами и народами. По словам главы администрации президента Монголии П. Цагаана, «перемен, которых в других странах смогли достичь слишком высокой ценой, монголы достигли путём мирных переговоров и демократических выборов, тем самым доказав всему миру, что имеют собственные традиции государственного уклада и демократическую культуру, являясь свободолюбивым народом... В нашем регионе нет другой страны, совершившей подобный политический и экономический переход мирным путём. Не удивительно, что подобный опыт, а также наши достижения и уроки, привлекают интерес других стран, получая высокие оценки» [Цагаан 2014].

В монгольском политическом процессе утвердилось телеологическое объяснение демократии, которое во многом слилось с подобным представлением о монгольской нации и её судьбе.

Ещё одним из атрибутов демократизации Монголии на рубеже 1980–90 гг. стало возвращение религии и её институтов в публичное пространство. Начавшись с отдельных лозунгов и газетных публикаций эпохи монгольской перестройки, требовавших введения реальной свободы вероисповедания и реабилитации буддийской церкви, рассматриваемый процесс вскоре получил институциональное оформление. В 1990 г. был основан Союз Верующих, целью которого стало содействие в восстановлении и открытии монастырей. В 1992 г. в Монголии было открыто около 100 буддийских храмов. Наряду с буддистами в начале 1990-х гг. открыто заявили о своих правах представители других религий – шаманизма и ислама. Кроме того, в этот же период в Монголии начали свою деятельность т. н. «нетрадиционные конфессии» – различные христианские церкви и общины, мормоны, бахаи и другие. В новой конституции 1992 г. помимо прочих свобод провозглашалась свобода вероисповедания (глава II, статья 16, пункт 51) и запрещалась дискриминация по религиозному признаку (глава II, статья 14, пункт 2) [Конституция... 1992]. В целом монгольское постсоциалистическое общество оказалось глубоко увлечено религией, рассматривая её как часть восстановленной традиции, подвергшейся забвению в социалистическую эпоху.

Признание буддизма национальной религией Монголии стало частью процесса трансформации монгольской национальной идентичности. Члены МНРП, оставшиеся в массе своей у власти в начале 1990-х гг. и практически единогласно поддержавшие идею буддизма как национальной религии, помимо прочего, пытались продемонстрировать непричастность своей партии к массовым репрессиям против церкви и религии, перекладывая всю ответственность на СССР и его политику. Избранный в 1991 г. на XX съезде МНРП председателем партии Б. Даш-Ёндон в качестве основ партийной идеологии провозгласил т. н. «срединное учение», опирающееся на буддийскую философию. На фоне критики социалистического прошлого в общественном сознании населения укоренилось представление о неразрывной связи между государственным суверенитетом монголов и сохранением национальных, в том числе религиозных, традиций [Сүхбаатар 2011].

Многие монгольские политики, включая глав государства и правительства, стали регулярно посещать религиозные мероприятия. Первый президент Монголии П. Очирбат участвовал в церемонии открытия статуи бодхисатвы Жанрайсэг в главном столичном монастыре Гандантэгченлин в 1996 г. Под патронажем министерства окружающей среды прошла церемония открытия статуи Будды у подножья горы Богдохан в 2005 г. Ламы стали регулярно приглашаться на государственные церемонии благословления священных гор в Монголии. Президент Монголии Н. Багабанди на конферен-

Признание буддизма национальной религией Монголии стало частью процесса трансформации монгольской национальной идентичности.

ции, посвящённой отношениям государства и церкви в 1998 г., отметил особый статус «национальной традиционной религии» и сильные стороны буддизма [Приветственное слово... 1998: 7]. Нынешний президент Монголии Ц. Элбэгдорж совершил широко освещённые прессой восхождения на священные горы Бурхан-Халдун и Богдохан.

Политика дистанцирования от России

В основе начавшейся трансформации лежали не только задачи перехода от социалистической модели общественного развития к свободному рынку и политической демократии. Также демократическая революция рассматривалась как возможность дистанцироваться от влияния северного соседа (т. е. России), его политического, экономического, культурного доминирования. Более того, понятия «суверенитет» и «демократия» стали сопутствующими и взаимосвязанными терминами. В речи, произнесённой во время заседания Европейского парламента, Ц. Элбэгдорж увязал задачи обретения политических свобод с задачами обретения «свободы» от СССР: «В начале 1920-х гг. в стране был установлен коммунистический режим, который продержался около 70 лет. Во времена сталинского режима каждый шестой взрослый мужчина был репрессирован, более 700 буддийских монастырей сожжено. Свободная жизнь стала нашей целью... Мы собрались тогда, чтобы защитить наше право на объединение, свободу слова и религии. Мы требовали многопартийной системы, демократических выборов и рыночной экономики... В те времена наш северный сосед продолжал контролировать и руководить нашей жизнью» [Монгол улсын... 2015]. Б. Батбаяр в этом смысле идёт дальше, называя главной внешнеполитической причиной революции: «Основным двигателем демократической революции 1990 г. были не демократические ценности, свобода и права человека или свободная экономика, как говорят сегодня... Основной идеей было прекратить то безобразие, когда мы превращались то в шестёрку, то туза в карточной игре наших соседей» [Батбаяр 2013].

В 1989–90 гг. оппозиционные МНРП политические силы вооружились в качестве аргументов в том числе и анти-советскими лозунгами. Во-первых, Советский Союз объявлялся основным виновником кризисной ситуации в экономике страны после того, как резко сократил финансовую помощь и поставки экспортных товаров. Особую критику со стороны монгольской общественности вызвал вопрос о долгах Монголии Советскому Союзу [Надиров 2002: 124–125]. Также звучали предложения потребовать с советской стороны платы за ущерб, нанесённый монгольской степи военными учениями, проводимыми советскими воинскими частями во время пребывания их на территории МНР [Джагаева 2003: 47].

Демократическая революция рассматривалась как возможность дистанцироваться от влияния северного соседа (т. е. России), его политического, экономического, культурного доминирования.

В 1989–90 гг. оппозиционные МНРП политические силы вооружились в качестве аргументов в том числе и анти-советскими лозунгами.

Во-вторых, северный сосед назывался главным источником негативных моментов монгольского прошлого. Б. Батбаяр в опубликованной в конце 1980-х гг. книге «Не забывай! Забудешь, погибнешь!» прямо обвинял в массовых репрессиях 1920–30-х гг. в МНР советскую сторону [Баабар 1990]. Одним из первых требований оппозиционных МНРП движений стала замена кириллического письма, введённого в МНР в 1941 г., на старомонгольскую письменность (монгол бичиг). Хотя идея о возврате к старомонгольскому письму была выдвинута самими руководством МНРП ещё в середине 1980-х гг. и была призвана стать одним из признаков перестройки и обновления в Монголии, в политических программах оппозиционеров она превратилась в символ искажения и вмешательства в монгольскую культуру со стороны Советов, окончательно получив политическую окраску.

Но главным обвинением в адрес СССР был тезис о навязанности социализма монголам: «После 1924 г. наш северный сосед начал импортировать и экспортировать идеологию социализма и коммунизма, и монголы ни о чём не сожалели, когда в 1990-х гг. решили отказаться от этого социального режима – импортный продукт не прижился на нашей земле» [Энхболд 2015]. Навязав монголам социализм, СССР заставил их свернуть с «естественного пути исторического развития», что в конечном итоге привело в тупик. Логичным продолжением данной концепции стал тезис о том, что окончание советско-монгольского союза явилось ничем иным, как освобождением Монголии из-под диктата Москвы и обретением истинной независимости. Подобная мысль довольно явственно присутствует в текстах ряда монгольских политиков и учёных [Эрдэнэбат 1998; Батсайхан 1997].

Заключение

Монгольский опыт постсоциалистической трансформации, несмотря на все его специфические черты, типологически схож с аналогичными процессами в странах Восточной Европы конца XX в. Начавшись как попытка экономических реформ «сверху», события постепенно перерастали в массовые выступления, участники которых требовали серьёзных политических реформ. В результате Монголия стала единственной постсоциалистической страной в Азии, пошедшей по примеру России и восточно-европейских стран на одновременное проведение радикальных политических и экономических реформ. Это отражало значительную степень вовлечённости страны в мировую социалистическую систему и взаимосвязанность многих общественно значимых процессов в рамках этой системы.

Библиографический список

Баабар. 2010. История Монголии: от мирового господства до советского сателлита. Казань: Татар. кн. изд-во. 543 с.

Батбаяр Б. 2013. Приключения иностранных инвестиций. Биография политики третьего соседа // Монголия сегодня. 5 июня. С. 7.

Бойме К. 1994. Теория трансформации – новая междисциплинарная отрасль знания? // Государство и право. № 7. С. 148–159.

Гербова А. А. 1991. Приватизация: опыт Восточной Европы и Азии. М.: Наука. 212 с.

Гербова А. А. 1994. Процесс становления нового общества в Монголии // Монголия: трудный путь к рынку. М.: ИМЭПИ РАН. С. 5–16.

Джагаева О. А. 2003. Россия и Монголия: очерк истории взаимоотношений. М.: ИЭ РАН. 138 с.

История Монголии. XX век / Отв. ред. Г. С. Яскина. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.

Капустин Б. Г. 2001. Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // Политические исследования. № 4. С. 6–26.

Конституция Монголии. Принята 13 января 1992 г. // Веб-сайт «Конституции государств (стран) мира. Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова». URL: www.worldconstitutions.ru/?p=33 [Дата посещения: 30.06.2016].

Кубышина Г. А. 2000. Власть и преобразования государственной собственности в странах Восточной Азии (Китай, Республика Корея, Монголия). М.: Дипломатическая академия МИД РФ. 223 с.

Лангеноль А. 2004. Общественная память после смены строя: сходства и различия между практиками памяти в посткоммунистических и постколониальных странах // Ab Imperio. № 1. С. 365–387.

Надилов Ш. Г. 2002. Горбачёв и Батмунх: политика «перестройки и обновления» и её последствия // Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций. Материалы международной научной конференции. Звенигород. 2–5 июня 2001 г. М.: ИВ РАН. С. 124–125.

Никула Й. 2005. Теория зависимости от траектории развития и постсоциалистический подход // Мир России. № 1. С. 135–137.

Приветственное слово Президента Н. Багабанди на конференции, посвящённой отношениям государства и церкви // Төр, сүм хийдийн харилцаа: орчин уе. Улаанбаатар, 1998. С. 7–9.

Пурэвсурэн Л. 2014. Организация саммита Азия–Европа – дело чести // Монголия сегодня. 27 октября.

Пшеворский А. 2000. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН. 320 с.

Хатанболд О. 2015. Понятия и представления монголов о демократии: изменения и отношения // Вестник Бурятского государственного университета. Выпуск 8 (1). С. 205–211.

Ширендыб Б. 1967. Минуя капитализм. Улан-Батор: Гос. изд-во МНР. 180 с.

Шумпетер Й. 1995. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика. 540 с.

Энхболд З. 2015. Демократическая революция не завершилась – она продолжается // Монголия сегодня. 19 марта. С. 2.

Эрдэнэбат Б. 1998. Характер и тенденции развития военных отношений Монголии с зарубежными странами в условиях новой геополитической обстановки // Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности. Сборник статей. М.: РИСИ. С. 79–90.

Яскина Г. С. 1994. Жизненный уровень населения в период реформы // Монголия: трудный путь к рынку. М.: ИМЭПИ РАН. С. 30–40.

Яскина Г. С. 1995а. Политические реформы в современной Монголии // Проблемы Дальнего Востока. № 5. С. 43–51.

Яскина Г. С. 1995б. Экономическая реформа в Монголии (современный этап) // Владимирцовские чтения-III. Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции (Москва, 25–26 октября 1993 года). М.: ИВ РАН. С. 27–28.

Aslund A. 1992. Post-Communist Economic Revolution: How Big a Bang? Washington DC: The Brookings Institute. 108 p.

Boone P. 1994. Grassroots Macroeconomic Reform in Mongolia // Journal of Comparative Economics. № 18. P. 329–256.

Brandtstdter S. 2007. Transitional Spaces: Postsocialism as a Cultural Process // Critique of Anthropology. Vol. 27. P. 131–145.

Burawoy M. 2001. Transition without Transformation: Russia's Involutionary Road to Capitalism // East European Politics and Society. Vol. 15. Issue 2. P. 269–290.

Burkhart R., Lewis-Beck M. 1994. Comparative Democracy: The Economic Development Thesis // American Political Science Review. December. P. 903–910.

Diamond L. 1992. Economic Development and Democracy Reconsidered // American Behavioral Scientist. March/June. P. 450–499.

Diamond L. 1997. Promoting Democracy in the 1990s. Actors and instruments and Issues // Democracy's Victory and Crisis. Issue 93. P. 311–370.

Elster J. 1990. When Communism Dissolves // London Preview of Books. Jan. 24. P. 3–6.

Jowitt K. 1992. New World Disorder. The Leninist Extinction. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press. 342 p.

Kaplonski C. 2004. Truth, History and Politics in Mongolia: the Memory of Heroes. London and New York: Routledge Curzon. 248 p.

Muravchik J. 1991. Exporting Democracy: Fulfilling America's Destiny. Washington, D. C.: The American Enterprise Institute. 300 p.

Offe C. 1991. Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe // Social Research. Vol. 58. № 4. P. 865–892.

Rossabi M. 2005. Modern Mongolia. From Khans to Commissars to Capitalists. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press. 397 p.

Rostow D. 1970. Transition to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. April. P. 337–363.

Sanders A. 1992. Mongolia's new constitution: Blueprint for Democracy // Asian Survey. Vol. 32. № 6. P. 506–520.

Speech on the Mongolia-EU Inter-Parliamentary Group 10th Assembly // Информационно-новостной интернет-портал «news.mn». URL: <http://english.news.mn/content/204724.shtml> [Дата посещения: 30.06.2016].

Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World / ed. by M. Burawoy, K. Verdery. New York: Rowman & Littlefield, 1999. 322 p.

Verdery K. 2002. Whither Postsocialism? // Postsocialism: Ideals, Ideologies, and Practices in Eurasia / ed. C. Hann. London, New York: Routledge. P. 15–31.

Welcome Note from H. E. Bold L., Minister of Foreign Affairs of Mongolia. 2013 // The Mongolian Journal of International Affairs. Vol. 18. P. 3–4.

Баабар. 1990. Бүү март! Мартвал сөнөнө (Не забывай! Забудешь – погибнешь). Улаанбаатар. 115 х.

Батсайхан О. 1997. Монгол улсын хөгжлийн замд учирсан ээдрээ. 1911–1932 (Препятствия на пути развития Монголии в 1921–1932 гг.). Улаанбаатар: Монголын ШУА. 318 х.

Бямбасүрэн Д. 2015. ЗХУ Монголыг хараат байдлаа-саа гарна гэж бодоогүй (Д. Бямбасүрэн: СССР не думал, что Монголия выйдет из-под контроля) // Сайт информационного

агентства «Монцамэ». URL: http://www.montsame.mn/index.php?option=com_k2&view=item&id=65124:2015-07-23-06-06-20&Itemid=803 [Дата посещения: 30.06.2016].

Монгол улсын Ерөнхийлогч Цахиагийн Элбэгдоржийн Европын парламентын чуулганд хэлсэн үг. 2015 (Выступление Президента Монголии Ц. Элбэгдоржа на заседании Европейского парламента) // Официальный сайт президента Монголии. URL: <http://www.president.mn/content/11647> [Дата посещения: 30.06.2016].

Ням-Осор Н. 1997. Миний мэдэх Чингисийн Монгол (Мои знания о Монголии Чингиса). Улаанбаатар: Өнгөт хэвлэл. 339 х.

Цагаан П. 2015. 1990 оны сонгуульнь Монголын төр төсны нэншинэ түүхэнд гарсан чанарын цоо шинэ үзэгдэл (П. Цагаан: Выборы–1990 – качественно новое явление в новейшей истории Монголии) // Официальный сайт президента Монголии. URL: <http://www.president.mn/content/11747> [Дата посещения: 30.06.2016].

Сүхбаатар Д. 2011. Монголын бурханы шашны сэргэлт (Возрождение монгольского буддизма) // Информационно-новостной интернет-портал «news.mn». URL: <http://www.news.mn/content/62057.shtml> [Дата посещения: 30.06.2016].

Элбэгдорж Ц. 2015. Бид ардчиллыг амьдад нь хайрлах хэрэгтэй (Мы должны любить демократию, пока она жива) // Информационно-новостной интернет-портал «news.mn». URL: <http://politics.news.mn/content/218773.shtml> [Дата посещения: 30.06.2016].

Сайханбилэг Ч. 2015. Ардчиллын түүхийг Монголчууд хамтдаа бүтээсэн (Монголы сотворили историю демократизации совместными усилиями) // Информационно-новостной интернет-портал «news.mn». URL: <http://politics.news.mn/content/218730.shtml> [Дата посещения: 30.06.2016].

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.418

Mongolia at the Turn of XX–XXI Centuries: A Case of Post-Socialist Transformation

Rodionov Vladimir Alexandrovich

Candidate of political sciences, associate professor of the Department of Historical and Regional Studies of Asian countries, Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.
E-mail: vladimir_198025@mail.ru

Abstract. This article¹ examines the drastic changes in society which occurred in Mongolia at the turn of the 21st century. One of the key concepts used in this article is “post-socialist transformation”. The purpose of this term is to explain the existence of common historic and spatial characteristics among countries

¹ The study was executed with financial backing from the RFH (Russian Foundation for Humanities) within the framework of RFH scientific-research project “Post-Soviet society and the Buddhist Sangha: socio-religious processes in Russia and Mongolia”, project № 15-23-03002.

which relinquished socialism as a social model and instead accepted capitalism as an alternative social ideal. While examining this phenomenon in Mongolia, together with those formal institutional changes in politics and the economy which accompany transformation, equal importance was attributed to analyzing the discursive nature of post-socialism, i.e. the manner in which the processes occurring were perceived and interpreted. The Mongolian phenomenon primarily consists of the fact that it turned out to be the only former socialist state in Asia which took the path of simultaneously reforming both the political and economic sector, utilizing the experience of Eastern-European post-socialist states and Russia as a basis. After relinquishing socialism, Mongolia began to accept capitalism as a new ideal model, while maintaining a modernist outlook on its history, its present and its future. Democracy as a central concept of post-socialist transformation in Mongolia is considered to be the main measure of modernity and progress, which separates “advanced nations” from “underdeveloped countries” in terms of social development. The democratic revolution of 1989–1990 is considered to be some sort of “watershed” which separates development from underdevelopment. The period of socialism in Mongolia’s history is considered to be a manifestation of underdevelopment: it is presented as a pre-modern or even an anti-modern era, based on denying the values of modernity. Meanwhile the idea of democracy was perceived by Mongolian society with extreme diffusiveness and controversy. Some associated democracy with freedom – in the broad sense of that word. Others, who denounced the system of benefits for the party nomenclature, saw an opportunity for social justice in democracy. Such phenomenon as rehabilitating history and religion, as well as changing foreign-policy strategy, are viewed as attributes of the country’s democratization, while democracy in itself became interconnected with such phenomena as “nation” and “sovereignty”.

Keywords: Mongolia, post-socialist transformation, democracy, modernity.

References

Aslund A. *Post-Communist Economic Revolution: How Big a Bang?* Washington DC, The Brookings Institute publ., 1992. 108 p.

Baabar. *Istorija Mongolii: ot mirovogo gospodstva do sovetского satellita* [History of Mongolia: from World Domination to the Soviet Satellite]. Kazan’, Tatarsk. publ., 2010. 543 p.

Batbajar B. *Prikliuchenija inostrannykh investiciy. Biografija politiki tret’ego soseda* [Adventures of foreign investments. Biography of the third neighbor policy]. *Mongolija segodnia*, 5.06.2013, p. 7.

Boone P. *Grassroots Macroeconomic Reform in Mongolia*. *Journal of Comparative Economics*, 1994, no 18, pp. 329–256.

Boyme K. *Teorija transformacii – novaja mezhdisciplinarnaja otrasl’ znaniya?* [Transformation Theory – a New Interdisciplinary Field of Knowledge?]. *Gosudarstvo i pravo*, 1994, no 7, pp. 148–159.

Brandtstädter S. *Transitional Spaces: Postsocialism as a Cultural Process*. *Critique of Anthropology*, 2007, Vol. 27, pp. 131–145.

Burawoy M. *Transition without Transformation: Russia’s Involuntary Road to Capitalism*. *East European Politics and Society*, 2001, Vol. 15, issue 2, pp. 269–290.

Burkhart R., Lewis-Beck M. *Comparative Democracy: The Economic Development Thesis*. *American Political Science Review*, 1994, December, pp. 903–910.

Diamond L. *Economic Development and Democracy Reconsidered*. *American Behavioral Scientist*, 1992, March/June, pp. 450–499.

Diamond L. *Promoting Democracy in the 1990s. Actors and instruments and Issues*. *Democracy’s Victory and Crisis*, 1997, Issue 93, pp. 311–370.

Dzhagaeva O. A. *Rossija i Mongolija: ocherk istorii vzaimootnosheniy* [Russia and Mongolia: A Short History of relations]. Moscow, IE RAS publ., 2003. 138 p.

Eenkhbold Z. *Democraticheskaja revoljucija ne zavershilas’ – ona prodolzhaetsia* [The democratic revolution has not ended – it continues]. *Mongolija segodnia*, 19.03.2015, p. 2.

Elster J. *When Communism Dissolves*. London Preview of Books, 1990, Jan. 24, pp. 3–6.

Erdenebaat B. *Harakter i tendencii razvitija voennykh otnosheniy Mongolii s zarubezhnymi stranami v uslovijah novoy geopoliticheskoy obstanovki* [The Nature and Trends of Development of Military Relations

of Mongolia with Foreign Countries in the New Geopolitical Situation]. Mongolija: aktual'nye voprosy nacional'noj bezopasnosti. Sbornik statey. Moscow, RISI publ., 1998, pp. 79–90.

Gerbova A. A. Privatizacija: opyt Vostochnoy Evropy i Azii [Privatization: the Experience of Eastern Europe and Asia]. Moscow, Nauka, 1991. 212 p.

Gerbova A. A. Process stanovlenija novogo obschestva v Mongolii [The Process of Establishing a New Society in Mongolia]. Mongolija: trudny put' k rynku. Moscow, IIEPS RAS publ., 1994, pp. 5–16.

Hataanbold O. Poniatija i predstavlenija mongolov o demokracji: izmenenija i otnoshenija [Concepts and Ideas of Democracy of the Mongols: Change and Relationships]. Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, Vol. 8 (1), pp. 205–211.

Istorija Mongolii. XX vek. [Mongolian History. XX century]. Ed. by G. S. Jaskina. Moscow, IV RAS, 2007. 448 p.

Jaskina G. S. Economicheskaja reforma v Mongolii (sovremenny etap) [Economic Reform in Mongolia (Contemporary Stage)]. Vladimircovskie chtenija-III. Conference papers (Moscow, Russia, 25–26.10.1993). Moscow, IV RAS, 1995, pp. 27–28.

Jaskina G. S. Politicheskie reformy v sovremennoj Mongolii [Political Reforms in Modern Mongolia]. Problemy Dal'nego Vostoka, 1995, no 5, pp. 43–51.

Jaskina G. S. Zhiznenny uroven' naselenija v period reform [Living Standard of Population in the Period of Reforms]. Mongolija: trudny put' k rynku. Moscow, IIEPS RAS, 1994, pp. 30–40.

Jowitt K. New World Disorder. The Leninist Extinction. Berkley, Los Angeles, London, University of California Press, 1992. 342 p.

Kaplonski C. Truth, History and Politics in Mongolia: the Memory of Heroes. London and New York, Routledge, Curzon, 2004. 248 p.

Kapustin B. G. Konec «tranzitologii»? (O teoreticheskom osmyslenii pervogo postkommunisticheskogo desiatiletija) [The End of “Ttransitology”? (On the Theoretical Understanding of the First Post-communist Decade)]. Politicheskie issledovanija, 2001, no 4, pp. 6–26.

Konstitucija Mongolii ot 13.01.1992 [The Constitution of Mongolia]. Web source. URL: www.worldconstitutions.ru/?p=33 [date of visit: 30.06.2016].

Kubyshina G. A. Vlast' i preobrazovanija gosudarstvennoj sobstvennosti v stranah Vostochnoy Azii (Kitaj, Respublika Koreja, Mongolija) [Power and the Conversion of State Property in the Countries of East Asia (China, Republic of Korea, Mongolia)]. Moscow, Diplomatic Academy of MFA RF, 2000. 223 p.

Langenol A. Obschestvennaja pamiat' posle smeny stroja: shodstva i razlichija mezhdju praktikami pamjati v postkommunisticheskikh i postkolonial'nykh stranah [Public Memory after the Change of Regime: the Similarities and Differences between the Practices of Memory in Post-communist and Post-colonial Countries]. Ab Imperio, 2004, no 1, pp. 365–387.

Muravchik J. Exporting Democracy: Fulfilling America's Destiny. Washington, D. C., The American Enterprise Institute, 1991. 300 p.

Nadirov Sh. G. Gorbachiov i Batmunkh: politika «perestroyki i obnovlenija» i ejo posledstvija. Rossija i Mongolija v svete dialoga evrazijskikh civilizacij [Gorbachev and Batmunkh: Policy of “Restructuring and Renewal” and its Consequences]. Conference Papers. 2–5.06.2001. Moscow, IV RAS, 2002, pp. 124–125.

Nikula J. Teorija zavisimosti ot traektorij razvitija i postsocialisticheskij podhod [The theory of Dependency of the Path of Development and Post-socialist Approach]. Mir Rossii, 2005, no 1, pp. 135–137.

Offe C. Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe. Social Research, 1991, Vol. 58, no 4, pp. 865–892.

Privetstvennoe slovo Prezidenta N. Bagabandi na konferencii, posviaschionnoj otnoshenijam gosudarstva i Cerkvi [Welcoming Address by President N. Bagabandi at the Conference Dedicated to the Relationship of Church and State]. Ter, sym hijdijn harilcaa: orchin ue. Ulaanbaatar, 1998. pp. 7–9.

Przeworski A. *Demokratija i rynek. Politicheskie i ekonomicheskie reformy v Vostochnoy Evrope i Latinskoj Amerike* [Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America]. Moscow, ROSSPEN publ., 2000. 320 p.

Purevsureen L. *Organizacija sammita Azija-Evropa – delo chesti* [Organization of Asia-Europe Summit – a Matter of Honor]. *Mongolija segodnia*. 27.10.2014.

Rossabi M. *Modern Mongolia. From Khans to Commissars to Capitalists*. Berkley, Los Angeles, London, University of California Press, 2005. 397 p.

Rostow D. *Transition to Democracy: Toward a Dynamic Model*. *Comparative Politics*, 1970, April, pp. 337–363.

Sanders A. *Mongolia's new constitution: Blueprint for Democracy*. *Asian Survey*, 1992, Vol. 32, no 6, pp. 506–520.

Shirendyb B. *Minuja kapitalizm* [Passing the capitalism]. Ulaanbaatar: MPR State publ., 1967. 180 p.

Shumpeter J. *Kapitalizm, socializm i demokratija* [Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow, *Ekonomika* publ., 1995. 540 p.

Speech on the Mongolia-EU Inter-Parliamentary Group 10th Assembly. *News.mn* website. URL: <http://english.news.mn/content/204724.shtml> [date of visit: 30.06.2016].

Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World. ed. by M. Burawoy, K. Verdery. New York, Rowman & Littlefield, 1999. 322 p.

Verdery K. *Whither Postsocialism? Postsocialism: Ideals, Ideologies, and Practices in Eurasia*. Ed. by C. Hann. London, New York, Routledge, 2002, pp. 15–31.

Welcome Note from H. E. Bold L., Minister of Foreign Affairs of Mongolia. *The Mongolian Journal of International Affairs*, 2013, Vol. 18, pp. 3–4.

Баабар. Бүү март! Мартвал сөнөнө. Улаанбаатар, 1990. 115 p.

Батсайхан О. Монгол улсын хөгжлийн замд учирсан ээдрээ. 1911–1932. Улаанбаатар, Монголын ШУА, 1997. 318 p.

Бямбасүрэн Д. ЗХУ Монголыг хараат байдлаасаа гарна гэж бодоогүй, 2015. *Montzamae Information Agency Official website*. URL: http://www.montzamae.mn/index.php?option=com_k2&view=item&id=65124:2015-07-23-06-06-20&Itemid=803 [date of visit: 30.06.2016].

Монгол улсын Ерөнхийлөгч Цахиагийн Элбэгдоржийн Европын парламентын чуулганд хэлсэн үг 2015. *Mongolian President Official website*. URL: <http://www.president.mn/content/11647> [date of visit: 30.06.2016].

Ням-Осор Н. Миний мэдэх Чингисийн Монгол. Улаанбаатар, *Өнгөт хэвлэл*, 1997. 339 p.

Цагаан П. 1990 оны сонгууль нь Монголын төр төсны нэншинэ түүхэнд гарсан чанарын цоо шинэ үзэгдэл. *Mongolian President Official website*. URL: <http://www.president.mn/content/11747> [date of visit: 30.06.2016].

Сүхбаатар Д. Монголын бурханы шашны сэргэлт. 2011. *News.mn Official website*. URL: <http://www.news.mn/content/62057.shtml> [date of visit: 30.06.2016].

Хангал М. Харийн шашин оюуны соёлыг устгаж байна. 2012. *Olloo.mn Official website*. URL: <http://www.olloo.mn/modules.php?name=News&file=article&sid=1161048> [date of visit: 30.06.2016].

Элбэгдорж Ц. Бид ардчиллыг амьдад нь хайрлах хэрэгтэй. *News.mn Official website*. URL: <http://politics.news.mn/content/218773.shtml> [date of visit: 30.06.2016].

Сайханбилэг Ч. Ардчиллын түүхийг Монголчууд хамтдаа бүтээсэн. *News.mn Official website*. URL: <http://politics.news.mn/content/218730.shtml> [date of visit: 30.06.2016].

Россия и Монголия: сходства и различия

Горнорудная промышленность трансграничных регионов России и Монголии: социально- экологический аспект

Актамов Иннокентий Галималаевич –
кандидат педагогических наук, доцент,
директор Восточного института; кафедра
истории и регионоведения стран Азии,
Бурятский государственный университет,
Улан-Удэ

E-mail: aktamov13@gmail.com

Горнорудная промышленность трансграничных регионов России и Монголии: социально-экологический аспект

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.419

Аннотация. В статье¹ показано, что Республика Бурятия (РБ) является уникальным субъектом Российской Федерации как в плане природно-климатических и географических условий, так и в отношении особой социокультурной среды. Наиболее узнаваемым природным объектом не только в России, но и в мире, по праву является озеро Байкал, его флора и фауна. Социокультурные особенности республики отражены в традиционно дружественных взаимоотношениях различных этнических групп. Национальный состав населения РБ представлен различными этносами – это буряты, русские, татары, эвенки, украинцы, армяне, азербайджанцы, корейцы, китайцы и др. В последние годы усиливается интерес к двустороннему сотрудничеству России с КНР в области политики, экономики, безопасности, культурной сферы, образования. Немаловажную роль в этом взаимодействии занимает Монголия, которая выстраивает свою внешнюю политику со своими двумя соседями, исходя из геополитической и геоэкономической ситуации. Республика Бурятия ещё со времён СССР начала развивать свою промышленность с упором на добычу полезных ископаемых – угля, меди, вольфрама. В современный период развития многие промышленные предприятия по добыче и переработке сырья были закрыты. Принципиально новый этап в горнодобывающей отрасли наступил с началом экспорта нефрита в Китай. Государство в данном случае оказалось не совсем готово стать основным игроком в этой отрасли. Это спровоцировало развитие полуполюгальной и нелегальной экономики в данной сфере, что отразилось на социальной сфере районов добычи нефрита. Примерно такая же ситуация в Монголии с процессом добычи и реализации россыпного золота. Южнобобийский аймак Монголии знаменит своими богатыми ресурсами угля, золота, меди. Ключевая роль в сбыте сырья отведена южному соседу Монголии – Китаю. Практически весь уголь, который добывается в Южнобобийском аймаке, экспортируется в КНР. Это вносит определённый дисбаланс в соблюдение рыночных отношений между экономическими партнёрами. В рамках данной статьи мы попытались проанализировать особенности социальных эффектов развития трансграничных регионов России и Монголии, роль государства в развитии данной отрасли экономики, трансграничное взаимодействие, неформальные практики социальных групп и их роль в выстраивании индивидуальных жизненных стратегий.

Ключевые слова: горнорудная промышленность, трансграничные регионы, социальные эффекты, Россия, Монголия

¹ Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 3433 (Сравнительные исследования социальных эффектов развития горнорудной промышленности трансграничных регионов России, Монголии, КНР).

Социально-экономическое и геополитическое развитие большинства развивающихся государств во многом зависит от наличия природных ресурсов, возможностей их использования в стране, спроса на них в масштабах региона и мира. Россия и Монголия в этом смысле не являются исключением. Наряду с добычей и реализацией углеводородного сырья в структуре экономики указанных стран большую роль играет горнодобывающая отрасль. Приоритет экономического развития, увеличение объёмов добычи и экспорта полезных ископаемых наносит ощутимый урон экологической среде. Вопросам рационального природопользования посвящены различные исследования отечественных и зарубежных учёных, вместе с тем трудов, посвящённых предметному анализу социальных эффектов развития горнорудной промышленности, не так много. Сложность и противоречивость проблем, вызванных исключительно ресурсно-добывающим характером экономики трансграничных территорий двух стран, обусловлена схожими причинами и предпосылками. Рассмотрим на примере Республики Бурятия (РФ) и Монголии. Общность границ и социально-экономических условий развития указанных территорий объединена ещё и культурно-историческими аспектами. В последнее время внимание мировой общественности привлекают вопросы, связанные с решением экологических проблем бассейна озера Байкал. Наиболее остро стоит вопрос о строительстве ГЭС на территории Монголии на реке Селенге и её притоках. Из экологической плоскости данный вопрос переходит в геополитическую, особенно в связи с тем, что участие в строительстве каскада станций на Селенге принимает китайская сторона. По данным монгольских гражданских активистов, Монголия получила кредит от Китая в размере одного миллиарда долларов. Более того, китайская сторона в лице группы «Чайна Геджуба» будет вести строительство ГЭС на реке Эгийн-Гол [Актуальные вопросы... 2016: 109]. Существуют вопросы и по поводу хозяйственной деятельности на трансграничных реках непосредственно между Россией и Китаем. Например, загрязнение реки Сунгари, берущей начало на территории КНР, отведение вод реки Чёрный Иртыш для сельскохозяйственных и промышленных нужд Синьцзян-Уйгурского автономного района. В последние годы в этом районе Китая активно развивается горнорудная промышленность. Здесь добывают нефть, уголь, медную руду. В рамках данной статьи мы постараемся проанализировать особенности влияния горнорудной отрасли трансграничных регионов России и Монголии на характер развития общественных отношений в указанных регионах.

Республика Бурятия

Анализ истории становления горнодобывающей промышленности в Бурятии позволяет констатировать, что ещё в начале XX в. она была преимущественно представлена золотодобычей. В статье Е. Е. Тармаханова «Развитие промышленности Бурятской АССР за годы строительства социализма (1917–41 гг.)» указывается, что активно разрабатываться золотые прииски начинаются с 1930–40 гг. XIX в. Золото преимущественно добывалось в Баргузинском и Верхнеудинском округах. Вплоть до начала XX в. объёмы добычи золота составляли порядка 1,5–2 тонны в год. В начале XIX в. золотодобывающая промышленность способствовала росту земледелия и животноводства, городов и населения. Потенциал развития золотодобывающей промышленности ограничивался двумя основными факторами – неразвитостью транспортно-логистической инфраструктуры и нехваткой квалифицированных кадров. Транспортный комплекс России и в указанный период развития страны, и в настоящее время характеризуется разнообразием природных и социально-экономических условий, которые оказывают принципиальное значение на развитие структуры регионального хозяйства. Нехватка кадров для горнорудной промышленности обуславливалась немногочисленностью населения в целом, а также спецификой её социальной структуры – местное население преимущественно было представлено скотоводами, торговцами и небольшим количеством представителей рабочих специальностей. Ситуация начала меняться с началом запуска масштабного государственного проекта – строительства Транссибирской железнодорожной магистрали. Это стимулировало рост числа рабочих-переселенцев, хотя большинство из вновь прибывшего контингента было задействовано в строительстве железной дороги или на её обслуживании. Запуск железнодорожного сообщения стимулировал развитие других отраслей экономики, в частности начала развиваться угледобыча, которая должна была обеспечивать расширяющиеся потребности в топливе для подвижных составов, обеспечивающих грузовые и пассажирские перевозки.

Первая мировая, а затем и гражданская войны не позволили развить дальнейший рост горнорудной промышленности. Только к концу 1920-х гг. прошлого века ситуация начала меняться. Молодая советская власть понимала, что необходим комплексный подход к развитию всех сфер экономики, в том числе и в добывающей отрасли. 26 мая 1929 г. было принято постановление ЦК ВКП(б), которое можно рассматривать как начало комплексного развития горнодобывающей отрасли хозяйства в Бурятии [Будаев 2015]. Проведённые геологоразведочные работы выявили большие запасы ресурсов, опре-

деливших отраслевую специфику горнодобывающей отрасли в Казахстане, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. В указанных регионах стали развиваться угольная, золотодобывающая отрасли, началась добыча цветных металлов, в том числе таких, как вольфрам и молибден.

Большие коррективы в развитие горнорудной отрасли внесла Вторая мировая война. Ощущалась нехватка рабочих рук, сказывался дефицит высококвалифицированных специалистов. После окончания войны государство направило свои усилия на возрождение экономики, в том числе был дан импульс горнодобывающей промышленности. При всех позитивных изменениях горнодобывающие предприятия Бурятии преимущественно занимались лишь поставкой сырья для индустриально развитых центров страны. Подобный подход оставлял без внимания вопросы обновления оборудования и реконструкции отрасли в целом. Ухудшение ситуации в данной сфере отразилось на качестве продукции, обострились социально-экологические проблемы. С распадом Советского Союза государство резко сократило финансирование на поддержку промышленных предприятий горнодобывающей отрасли, а геолого-разведочные работы вовсе были приостановлены в большинстве регионов страны. Свою лепту в развал отрасли внесла приватизация и появление новых владельцев предприятий, которые далеко не всегда стремились ставить перед собой стратегические цели развития компании, а чаще всего занимались просто выведением прибыли и ресурсов за рубеж. В условиях рынка, недобросовестной конкуренции многие предприятия Бурятии приостановили свою деятельность. По данным исследователей, на территории Республики Бурятия в начале 1990-х гг. прошлого века функционировало шестнадцать крупных горнодобывающих предприятий. В середине 1990-х гг. многие из них практически прекратили свою деятельность. В качестве примеров можно назвать такие, как Холбоджинский угольный разрез, Джидинский вольфрамо-молибденовый комбинат, Кяхтинский плавиново-шпатный рудник, Гусиноозёрская шахта, а также предприятия по добыче гранулированного кварца и строительных материалов. Из действующих крупных предприятий остался только Тугнуйский угольный разрез и несколько предприятий по добыче золота. Наиболее крупными на сегодняшний день являются ОАО «Бурятзолото», ООО АС «Западная», ООО «Прииск Ципиканский», ООО АС «Курба» [Золотой потенциал... 2012].

Республика Бурятия характеризуется непростой социально-экономической ситуацией, обусловленной различными факторами. В целом структуру экономики республики можно отнести к аграрно-индустриальному типу. В качестве основных факторов, оказывающих негативное воздействие на развитие экономической сферы республики, можно назвать сложные

Основные факторы, оказывающие негативное воздействие на развитие экономической сферы Бурятии: сложные климатические условия; наличие особо охраняемых природных территорий, ограничивающих добычу полезных ископаемых; высокие тарифы на электроэнергию, повышающие себестоимость продукции для предприятий; слабое развитие транспортно-логистической системы и др.

климатические условия; наличие особо охраняемых природных территорий (в том числе Центральная экологическая зона озера Байкал), ограничивающих добычу полезных ископаемых; высокие тарифы на электроэнергию, повышающие себестоимость продукции для предприятий; слабое развитие транспортно-логистической системы и др.

Противоречия, возникающие между необходимостью сохранения природной среды и стремлением развивать экономику и социальную сферу, находят своё отражение в процессах взаимодействия различных субъектов на территории Республики Бурятия. В кризисные годы многие предприятия горнорудной отрасли из-за недостатка финансирования были закрыты. Это имело позитивный эффект для улучшения общей экологической ситуации в регионе. Вместе с тем, закрытие предприятий послужило катализатором развития сложных социальных проблем. Те же компании, которые продолжали свою деятельность, являлись едва ли не единственным работодателем населения сельских районов. Например, в 1998 г. в Закаменском районе закрылся Джидинский вольфрамо-молибденовый комбинат, который обеспечивал работой население города Закаменск и прилегающих районов Бурятии. Оставшиеся без работы жители нашли возможность зарабатывать на жизнь нелегальной добычей вольфрамита в заброшенных шахтах рудника Холтосон для последующего экспорта в Китай. Нелегальная добыча связана с большими издержками и высоким риском для жизни и здоровья старателей. Зачастую это заканчивалось трагично. Например, в 2007 г. на шахте погибло семь нелегальных добытчиков руды, которые в составе группы из двадцати одного человека спускались в забой. Подобные трагедии в Закаменске уже случались. В 2003 г. два нелегальных старателя задохнулись от угарного газа в штольне «Северная», ещё два летальных случая произошло под завалами в шахте «Школьная разведка». Спустя два года четверо молодых людей были заживо погребены в этой же шахте. 6 июня 2006 г. угарным газом отравились двое местных жителей. Подобные случаи не останавливают население района, которое продолжает столь опасное и незаконное ремесло. Очередной несчастный случай произошёл в октябре 2014 г., там вновь погиб один нелегальный добытчик руды [В заброшенной шахте... 2014].

Нелегальная добыча полезных ископаемых стала одной из основных проблем социально-экономического развития Республики Бурятия. Ещё одна особенность ситуации в Бурятии заключается в том, что на её территории находятся большие залежи нефрита, который имеет большую ценность в соседнем Китае. По данным Федеральной таможенной службы РФ по Республике Бурятия запасы и ресурсы нефритового сырья на территории Бурятии составляют 90%

Нелегальная добыча полезных ископаемых стала одной из основных проблем социально-экономического развития Республики Бурятия.

общероссийских запасов. Россия находится в тройке ведущих поставщиков нефрита на международный рынок. В 2012 г. Улан-Удэнский таможенный пост Бурятской таможни был наделён компетенцией по совершению таможенных операций, связанных с принятием таможенных деклараций и выпуском нефрита [Нефрит – камень стратегический... 2014].

Культура использования нефрита в Китае имеет давнюю историю. Уже во втором тысячелетии до нашей эры китайские мастера достигли высокого уровня его обработки. Нефрит стал священным камнем, из которого вырезали знаки отличия вельмож, украшения, вазы, обереги. Духовные качества человека сравниваются с нефритом в словах великого китайского философа Конфуция, который говорил: «Его мораль чиста, как нефрит». До сих пор нефрит в Китае очень высоко ценится, ему приписывают целебные и магические свойства. Стоит отметить, что медали Пекинской Олимпиады-2008 были инкрустированы нефритовым кольцом, а золотая медаль имела вставки из белого нефрита, который имел право носить только император. Все это обусловило громадный спрос на этот камень со стороны китайских бизнесменов. В начале 1990-х гг. добычей нефрита на территории Бурятии официально занимались лишь два предприятия, но уже в начале 2000-х гг. высокий спрос на него привёл в отрасль криминальные структуры. Ситуацию на федеральном уровне сравнивают с добычей янтаря в Калининградской области, хотя признают, что «в Бурятии ситуация хуже, и добытчики нефрита работают под контролем ряда местных и иркутских ОПГ и воров в законе. Нередки и конфликты между добытчиками. Так, в феврале прошлого года в ходе одной из перестрелок на севере Бурятии погибло два, и было ранено четыре человека» [Полудрагоценный статус янтаря... 2015].

Подводя некий итог первой части нашей статьи необходимо отметить, что характер развития отраслей горнорудной промышленности Бурятии на современном этапе развития (особенно с начала 2000-х гг.) имеет сложную социально-экономическую и социально-экологическую структуру. В первую очередь это обусловлено номинальным присутствием государства в этой сфере, появлением более мобильных игроков как внутри страны, так и в трансграничном регионе. Сложная социально-экономическая ситуация в стране позволила войти в эту сферу криминальным структурам, которые не только ухудшили социально-экологическую ситуацию в районах добычи полезных ископаемых, но и усложнили криминогенную обстановку в республике в целом. Вместе с тем отмечается позитивная тенденция включения предприятий, работающих в данной отрасли, в социальные проекты для населения. Например, компания СУЭК (Тугнуйский угольный разрез) создала Фонд «СУЭК–Регионам», через который намерена вложить значи-

тельные финансовые средства в строительство амбулатории общеврачебной практики, лыжного стадиона и дома культуры [Будаев 2015]. Крупнейшая золотодобывающая компания «Бурятзолото» инициировала и конкурсы социальных проектов в Окинском и Муйском районах республики.

Монголия

История развития Монголии в XX в. характеризуется высокими темпами социально-культурных и экономических изменений. От феодально-теократического государства Богдо-гэгэна – к государству с социалистическим укладом экономики, которое довольно быстро наладило собственную промышленность при помощи Советского Союза. По мнению монгольского экономиста А. Даваасурэна, развитие промышленности Монголии можно разделить на четыре этапа. Первый этап – с 1960 до 1994 гг. – с начала индустриализации до завершения приватизации государственной собственности. Второй этап – с 1995 по 2000 гг. – с завершения приватизации государственной собственности до стабилизации развития промышленности. Третий этап – с 2000 по 2008 гг. – характеризуется адаптацией национальных производителей на внешних рынках до мирового финансового кризиса. Последний четвертый этап – с 2009 г. по настоящее время – кризисный и посткризисный период [Даваасурэн 2013]. Данная периодизация в целом основана на двух составляющих – роли государства в развитии отрасли и соотношении темпов развития с общемировыми тенденциями. Государственная политика в данной сфере является определяющим императивом развития страны в социально-экономической сфере. Именно от базовых принципов политики правительства страны зависит экономическая активность и социальное благополучие населения. В 2008 г. была принята «Стратегия комплексного развития государства», которая определяет основные приоритеты развития страны на 14 лет с разделением на два этапа – 2007–2015 и 2016–2021 гг. Основной целью является создание условий для развития человека, экономики, социальной сферы, науки, технологий, культуры в соответствии с общемировыми и региональными тенденциями [Монгол улсын... 2013]. Одним из приоритетов реализации данной концепции является переход к устойчивому развитию страны, который предполагает сбалансированное развитие экономики, социальной сферы и природной среды. Экономика Монголии зависит от общемировых тенденций, и мировой финансовый кризис существенно повлиял на рост ВВП, к примеру, в 2009 г. он составил 7,3%, что ниже на 1,6% по отношению к 2008 г. Однако в 2011 г. реальный рост ВВП страны вырос до 17,3%, в номинальных

История развития Монголии в XX в. характеризуется высокими темпами социально-культурных и экономических изменений. От феодально-теократического государства Богдо-гэгэна – к государству с социалистическим укладом экономики, которое довольно быстро наладило собственную промышленность при помощи Советского Союза.

цифрах достиг 27,8%. В этот же период рост ВВП Китая составил 9,2%, России – 4,3%. Монгольский исследователь Дугер Гантуяа напрямую связывает данные показатели своей страны с ростом отечественной горнорудной отрасли и её воздействием на другие сферы экономики [Гантуяа 2014].

Благоприятная конъюнктура на мировом рынке способствовала быстрому экономическому росту страны. Если в 90-х г. прошлого века горнорудная отрасль не являлась приоритетом для страны, то с начала 2000-х г. (с началом бурного развития соседнего Китая и в целом мировой экономики) именно добывающая отрасль стала локомотивом экономического развития Монголии. По оценкам экспертов, горнорудная отрасль Монголии в 2016 г. покажет наиболее высокие темпы роста – 24,2% [Азиатский банк развития... 2015].

Добыча полезных ископаемых является одной из наиболее бурно развивающихся отраслей экономики. В настоящее время наиболее привлекательными для инвестиций и разработок со стороны иностранных компаний являются месторождения Оюу-Толгой (медь, золото), Таван-Толгой (уголь), Дорнод (уран) [Грайворонский 2015]. По некоторым данным в Монголии зарегистрированы более шести тысяч месторождений полезных ископаемых, в частности, имеются запасы двух млрд тонн меди, 3100 тонн золота, 7,55 млн тонн цинка, 150 млрд тонн угля, 5 млрд баррелей нефти. Кроме того, разведаны крупные месторождения кобальта, вольфрама, молибдена, магния, хрома, урана, плавикового шпата, редкоземельных металлов [Актуальные вопросы... 2014: 61].

Как и любое вмешательство в природные процессы, добыча полезных ископаемых оказывает сильное влияние на изменение взаимоотношений в местном сообществе. Это сказывается на традиционном укладе жизни населения, способах производства, появляются новые социальные группы, зачастую имеющие неформальный статус. Согласно данным национальной статистики за 2013 г., 73,8% – это сельскохозяйственные земли, 15,9% – земли особого государственного назначения. Разведка и добыча полезных ископаемых существенно меняют характер использования земель, что коренным образом отражается на состоянии окружающей среды и изменении социальной структуры населения. В рамках данной статьи условно выделим три направления горнорудной промышленности, которые оказывают определяющее значение на социальную и экологическую составляющие монгольского общества.

Золото

В Монголии ярким примером неформальной экономики являются так называемые «черепашки-ниндзя». Это люди, занятые нелегальной добычей минерально-сырьевых ресурсов

на огромных территориях. Зачастую такие «чёрные копатели» могли конкурировать с промышленными предприятиями. Название «ниндзя» они получили по аналогии с древними японскими воинами, обладавшими сверхспособностями проникновения под землю в случае опасности для своего здоровья или жизни. Наименование «черепашки-ниндзя» они получили по аналогии с героями популярного американского мультфильма, поскольку основное орудие труда – эмалированный таз, как правило, зелёного цвета, висел за спиной у «чёрных копателей». Изначально этим видом деятельности занимались приезжие китайцы, позже их вытеснили сами монголы. В Монголии добыча золота вручную незаконна, но это не является препятствием для большого количества нелегальных старателей. Иногда золотодобывающие предприятия способны мирно сосуществовать с «ниндзя», поскольку благодаря им можно открыть новые месторождения драгоценных металлов [Актуальные вопросы... 2014: 61]. Однако зачастую возникают конфликты между компаниями, получившими лицензию на добычу золота и «чёрными копателями», которые не гнушаются вести добычу на площадях компаний. Кроме этого, местное население весьма негативно относится к добывающим компаниям, поскольку право на добычу получает множество иностранных или совместных предприятий, что, по мнению местных жителей, является несправедливым распределением недр страны, которые должны быть использованы во благо коренного населения.

Уголь

В целом горнорудная отрасль Монголии составляет 83% экспорта страны, в том числе угольная промышленность – 17%. По данным на 2014 г. Монголия экспортировала 19,5 миллионов тонн угля, в планах на 2015 г. – увеличение экспорта до 20 миллионов тонн. По разным оценкам, в Монголии порядка 300 месторождений и угольных проявлений на территории 15 бассейнов. Количество вероятных запасов угля в недрах Монголии составляет 173,5 млрд тонн, 31,7 млрд из которых являются доказанными запасами [Монголия стремится найти... 2015]. Вместе с тем, по данным за первый квартал текущего года объём экспорта угля составляет 4,3 млн тонн, что на 20% ниже аналогичного показателя прошлого года. Основным покупателем угля является соседний Китай. Это объясняется географическим положением страны и особенностями инфраструктуры Монголии. По данным «EIA»¹ с 2000 по 2009 гг. импорт угля в КНР возрос с 2,2 млн до 125,8 млн тонн. Монголия занимает в структуре

¹ Energy Information Administration – Official Energy statistics from the U.S. Government

экспорта угля в китайской экономике одно из первых мест. Добыча и транспортировка угля наряду с большим объёмом средств, поступающих в бюджет страны, сопряжены и с большими издержками в области экологии. Это отражается на сокращении ареала распространения диких животных и птиц, сокращении площади пастбищ в Южнообийском аймаке, эрозии почв, загрязнении воздуха и воды. По оценкам монгольских экологов, ситуация является критической.

Нефть

Объём нефтедобычи за последние несколько лет увеличился в десять раз. К примеру, если в первом квартале 2009 г. было добыто 183 тысячи баррелей нефти, то в 2014 г. общий объём составил уже 1,8 млн баррелей. Несмотря на снижение стоимости нефти на международном рынке примерно на 30%, объём доходов от экспорта сырой нефти составил 177,2 млрд тугриков, отмечено в сообщении Национального статистического комитета. Наряду с этим, возникает противоречивая ситуация – один доллар из каждых трёх, вывозимых из Монголии, тратят на покупку нефтепродуктов, т. е. в общем объёме импорта Монголии за прошедший год нефть и химическая продукция составляют 9,8%, горючее – 28% [Монголия... 2015]. По официальным данным, Монголия занимает 33 место среди более чем ста нефтедобывающих стран мира. Выявленные к настоящему моменту запасы сырой нефти могут обеспечить потребности страны в топливе на 40–50 лет. В 2010 г. страна отправила на экспорт около 2,2 млн баррелей нефти, а собственные потребности в нефтепродуктах на 95% покрывает поставками из России [Серебряков 2012]. Вышеперечисленные направления экономики Монголии имеют решающее значение для экономического благосостояния населения, уровня жизни, социальной защищённости. На данном этапе исторического развития руководство страны определило в качестве приоритета именно социально-экономическую сферу. Вместе с тем, вопросы экологической безопасности и физического здоровья населения также весьма важны для страны. Вполне вероятно, что в ближайшей перспективе противоречия в области рационального природопользования и обеспечения финансового благополучия государства будут носить всё более острый характер.

Таким образом, Монголия в силу своих определённых характеристик, а именно: хрупкости экосистемы, наличия всего двух географических соседей, отсутствия прямого выхода к морю, больших запасов полезных ископаемых, сырьевой направленности экономики, – сталкивается с рядом противоречий, которые сказываются на социально-экологической ситуации в стране. Немаловажными факторами являются полити-

Монголия в силу хрупкости экосистемы, наличия всего двух географических соседей, отсутствия прямого выхода к морю, больших запасов полезных ископаемых, сырьевой направленности экономики сталкивается с рядом противоречий, которые сказываются на социально-экологической ситуации в стране. Немаловажными факторами являются политические процессы.

ческие процессы, которые протекают в Монголии в последние годы, уровень коррупции, высокая гражданская активность населения. Развитие горнорудной отрасли, наряду с экономическим ростом, должно отвечать интересам социально-экологического развития страны для планомерного перехода к устойчивому развитию как одной из приоритетных целей «Стратегии комплексного развития государства».

Выводы

Подводя общий итог, можно выделить несколько ключевых моментов. Развитие горнорудной отрасли в Бурятии и Монголии имеет схожие исторические модели. В первую очередь это связано с государственной политикой, процессом индустриализации в советский период. Можно назвать это первым этапом развития горнорудной промышленности. Второй этап связан с перестройкой социально-экономической системы, связанной с распадом Советского Союза, «уходом» государства из отрасли и появлением новых игроков на этом поле в виде частных компаний. Прекращение работы горнодобывающих предприятий стало причиной ухудшения социального положения населения. Вместе с тем, приостановка добычи полезных ископаемых в промышленных масштабах позитивно повлияла на экологическую сферу. Снижение нагрузки на окружающую среду позволило на определённый период улучшить состояние природы. Третий этап связан с изменением макроэкономических тенденций, повышением спроса на энергоносители со стороны развивающихся стран, в первую очередь – КНР. Именно Китай в настоящее время является основным скупщиком угля, золота, меди и других полезных ископаемых у Монголии. По свидетельствам некоторых монгольских учёных, высокий спрос китайских компаний оказывает негативное влияние на социально-экологическую ситуацию, способствует росту коррупции и преступности (нелегальной добычи полезных ископаемых). Аналогичные оценки дают российские эксперты относительно добычи и экспорта нефрита из Республики Бурятия. Таким образом, вопрос развития горнорудной промышленности трансграничных регионов России и Монголии представляется весьма сложным, требующим учёта многих факторов – от культурно-исторических до геополитических.

Библиографический список

Азиатский банк развития // Синьхуа Новости. URL: http://russian.news.cn/economic/2015-03/25/c_134094334.htm [Дата посещения: 17.05.2016].

Актамов И. Г., Бадмацыренов Т. Б. 2015. Социально-экологические аспекты развития горнорудной отрасли Монголии // Современное развитие регионов России: политические, социальные и экономические аспекты. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета. С. 21–23.

Актуальные вопросы современных российско-монгольских отношений / Под ред. В. А. Родионова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2014. 166 с.

Будаев Б. С. 2015. Социальные эффекты развития горной промышленности Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. № 14. С. 131–138.

В заброшенной шахте в Бурятии вновь погиб добытчик вольфрама // Веб-сайт Информ Полис. URL: <http://www.infpol.ru/news/incidents/61440-v-zabroshennoy-shakhte-v-buryatii-vnov-pogib-dobytchik-volframa/> [Дата посещения: 19.08.2016].

Гантуяа Д. 2014. Экономический рост в Монголии: особенности, тенденции, перспективы // Вестник Забайкальского ГУ. № 05 (108). С. 102–103.

Грайворонский В. В. Монголия: светлые перспективы динамичного развития // Официальный сайт РСМД. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3009#top [Дата посещения: 13.05.2016].

Даваасурэн А. 2013. Этапы развития промышленности Монголии // Известия Иркутской государственной экономической академии. № 4 (90). С. 84–87.

Золотой потенциал Бурятии // Золото и технологии (сетевой журнал). URL: <http://zolteh.ru/index.php?dn=news&id=410&to=art> [Дата посещения: 21.04.2016].

Монголия стремится найти новые рынки продажи угля // Синьхуа Новости. URL: http://russian.news.cn/2015-04/11/c_134142007.htm [Дата посещения: 16.04.2016].

Монголия: нефть, газ, уголь // Веб-сайт Полпред.ком URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=1380721 [Дата посещения: 13.05.2016].

Нефрит – камень стратегический // Официальный сайт ФТС. URL: http://www.customs.ru/index.php?id=18896:2014-02-17-11-26-08&Itemid=2055&option=com_content&view=article [Дата посещения: 27.04.2016].

Полудрагоценный статус янтаря и нефрита вывел их незаконную добычу из-под действия УК РФ // Ведомости. 20.05.2015. URL: <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/05/20/poludragotsennii-status-yantarya-i-nefrita-vivel-ih-nezakonnuyu-dobichu-iz-pod-deistviya-uk-rf> [Дата посещения: 21.04.2016].

Серебряков А. О., Кондратьев Ю. К. 2012. Нефть Монголии: месторождения, физико-химический состав, запасы и добыча // Геология, география и глобальная энергия. № 2 (45). С. 24.

Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл. Улаанбаатар: Монгол улсын үндэсний статистикийн хороо, 2013. 402 с.

Монгол улсын мянганы хөгжлийн зорилтод суурилсан үндэсний хөгжлийн цогц бодлого. URL: <http://www.legalinfo.mn/annex/details/3282?lawid=7045> [Дата посещения: 03.05.2016].

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.419

The Mining Industry in the Cross-Borders Regions of Russia and Mongolia: Social and Environmental Aspects

Aktamov Innokentii Galimalaevich

Candidate of pedagogical sciences, docent, Director of the Institute of Oriental Studies, Department of Historical and Regional Studies of Asian countries, Buryat State University, Ulan-Ude, Russia. E-mail: aktamov13@gmail.com

Abstract. The Republic of Buryatia¹ (RB) is a unique subject of the Russian Federation both in terms of its natural-climatic and geographical conditions, and in terms of its distinctive socio-cultural environment. The most recognizable natural object not only in Russia, but all around the world, is rightfully considered Lake Baikal, its flora and fauna. The socio-cultural peculiarities of this republic are reflected in the traditionally friendly relations between various ethnic groups. The ethnic composition of the RB population consists of various ethnic groups – Buryats, Russians, Tatars, Evenks, Ukrainians, Armenians, Azerbaijani, Koreans, Chinese and others. Recent years have shown an increasing interest towards bilateral cooperation between Russia and the PRC when it comes to politics, economy, security, cultural aspects and education. Mongolia plays a significant part in this cooperation: it has been developing its foreign policy with its two neighbors based on the geopolitical and geo-economic situation. Since Soviet times the Republic of Buryatia has been developing its industries with the main focus being the mining of minerals – coal, copper, tungsten. During the modern stage of development many industrial enterprises which used to extract and process raw material were shut down. A fundamentally new stage for the ore-mining industry came with the start of exporting greenstone to China. In this case the government was not exactly ready to become the main player in this industry. This led to the development of semi-legal and illegal economic activities in this particular sphere, and this affected the social sector in areas where greenstone was extracted. Pretty much the same situation can be observed in Mongolia when it comes to the process of extracting and selling placer gold. The South Gobi province of Mongolia is famous for its rich deposits of coal, gold and copper. The key role in selling raw material has been assigned to Mongolia's southern neighbor – China. Virtually all the coal which is extracted in the South Gobi province is then exported to the PRC. This brings a certain imbalance when it comes to economic partners abiding to market relations. In this article we made an attempt to analyze the peculiarities of those social effects attributed to the development of the trans-border regions of Russia and Mongolia, as well as the state's role in developing this economic sector, trans-border cooperation, and non-formal practices among social groups and their role in forming individual life strategies.

Keywords: mining industry, trans-border regions, social effects, Russia, Mongolia.

References

Aktamov I. G., Badmacyrenov T. B. Social'no-ekologicheskie aspekty razvitiya gornorudnoy otrasli Mongolii [Social and environmental aspects of the mining industry development of Mongolia]. *Sovremennoe razvitie regionov Rossii: politicheskie, social'nye i ekonomicheskie aspekty*. Ulan-Ude, BSU publ., 2015, pp. 21–23.

¹ This article has been prepared within the framework of carrying out a government task assigned by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project № 3433 (Comparative examination of the social effects of developing the ore-mining industry in the trans-border regions of Russia, Mongolia, the PRC).

Aktual'nye voprosy sovremennykh rossiysko-mongol'skikh otnosheniy [Actual Issues of Modern Russian-Mongolian Relations]. Ed. by V. A. Rodionov. Ulan-Ude, BSU publ., 2014. 166 p.

Aziatsky bank razvitija [Asian Development Bank]. Official website. URL: http://russian.news.cn/economic/2015-03/25/c_134094334.htm [date of visit: 17.05.2015].

Budaev B. S. Social'nye efekty razvitija gornoj promyshlennosti Buriatii [The Social Effects of Mining Development in Buryatia]. Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, no 14, pp. 131–138.

Davaasuren A. Jetapy razvitija promyshlennosti Mongolii [Stages of Development of Mongolian Industry]. Izvestija Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii, 2013, no 4 (90), pp. 84–87.

Gantujaa D. Economicheskyy rost v Mongolii: osobennosti, tendencii, perspektivy [Economic Growth in Mongolia: Features, Trends, Prospects]. Vestnik Zabaykal'skogo SU, 2014, no 5 (108), pp. 102–103.

Grayvoronsky V. V. Mongolija: svetlye perspektivy dinamichnogo razvitija [Mongolia: Bright Prospects of Dynamic Development]. RCFA Official website. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3009#top [date of visit: 13.05.2015].

Mongolija stremitsia nayti novye rynki prodazhi uglia [Mongolia Seeks New Coal Markets]. Sinhoua – Russia Official website. URL: http://russian.news.cn/2015-04/11/c_134142007.htm [date of visit: 16.04.2015].

Mongolija: neft', gaz, ugol' [Mongolia: Oil, Gas, Coal]. Polpred.com website. URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=1380721 [date of visit: 13.05.2015].

Nefrit – kamen' strategicheskyy [Jade – the Strategic Stone]. FCS RF Official website. URL: http://www.customs.ru/index.php?id=18896:2014-02-17-11-26-08&Itemid=2055&option=com_content&view=article [date of visit: 27.04.2016].

Poludragocenny status jantaria i nefrita vyvel ikh nezakonnuju dobychu iz-pod deystviya UK RF [Semi-precious status of jade and amber brought their illegal extraction out of the application of the Criminal Code RF]. Vedomosti. 20.05.2015. URL: <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/05/20/poludragotsennii-status-yantarya-i-nefrita-vivel-ih-nezakonnuyu-dobychu-iz-pod-deistviya-uk-rf> [date of visit: 21.04.2016].

Serebriakov A. O., Kondrat'ev Y. K. Neft' Mongolii: mestorozhdenija, fiziko-himicheskyy sostav, zapasy i dobycha [Mongolian Oil: its Deposit, Physical and Chemical Composition, Reserves and Extraction]. Geologija, geografija i global'naja energija, 2012, no 2 (45), p. 24.

V zabroshennoy shahte v Buriatii vnov' pogib dobytchik vol'frama [In an Abandoned Mine in Buryatia tungsten miner died again]. Inform Polis website. URL: <http://www.infpol.ru/news/incidents/61440-v-zabroshennoy-shakhte-v-buryatii-vnov-pogib-dobytchik-volframa> [date of visit: 19.12.2015].

Zolotoy potencial Buriatii [Gold Potential of Buryatia]. Zoloto I Tekhnologii web journal. URL: <http://zolteh.ru/index.php?dn=news&id=410&to=art> [date of visit: 21.04.2016].

Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл. Улаанбаатар: Монгол улсын үндэсний статистикийн хороо, 2013. 402 p.

Монгол улсын мянганы хөгжлийн зорилтод суурилсан үндэсний хөгжлийн цогц бодлого. URL: <http://www.legalinfo.mn/annex/details/3282?lawid=7045> [date of visit: 03.05.2016].

Россия и Монголия: сходства и различия

Традиционные хозяйственные практики монголоязычных номадов: скотоводство на сопредельных территориях Монголии и России

Бадараев Дамдин Доржиевич –
кандидат социологических наук, старший
научный сотрудник, Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии Сибирского
отделения Российской академии наук, Улан-Удэ

E-mail: damdin80@mail.ru

Традиционные хозяйственные практики монголоязычных номадов: скотоводство на сопредельных территориях Монголии и России

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.420

Аннотация. Статья¹ посвящена рассмотрению современного состояния животноводства как традиционной хозяйственной практики номадов на сопредельных территориях Монголии и Республики Бурятия (РФ). Отмечены общность происхождения, этническая и культурная идентичность бурят и монголов, а также отличающиеся особенности их хозяйственного уклада на современном этапе. Показаны основные факторы, повлиявшие на седентаризацию (переход от кочевого образа жизни к осёдлости) бывших кочевников, что повлекло за собой изменение образа жизни бурят. В статье приведены статистические данные, результаты комплексных полевых социологических исследований и вторичный анализ исследований, проведённых представителями смежных наук, – экономистов, экологов, географов и др. На основе этих исследований представлена общая картина состояния животноводства в сельской местности в Бурятии и Монголии. Результаты социологических исследований демонстрируют влияние рыночных механизмов на современный быт и уклад монгольских кочевников, на реализацию животноводческой продукции, на активизацию миграционных процессов. Отмечается негативное воздействие горнорудной промышленности на состояние пастбищ и колодцев. Несмотря на существующие сложности, скотоводство в Монголии продолжает активно развиваться с ежегодным увеличением поголовья скота, поэтому угрозы исчезновения кочевого и пастбищного скотоводства в ближайшей перспективе не ожидаются. В Бурятии активно предпринимаются попытки восстановления традиционных хозяйственных практик, связанных с номадным (кочевым) скотоводством. Обосновывается экологичность, малозатратность и эффективность ведения номадного скотоводства в суровых, резко-континентальных природно-климатических условиях Сибири и Монголии. Существующие трудности в агропромышленном и сельскохозяйственном секторах экономики Бурятии, отсутствие видимых перспектив развития села приводят к сокращению социальных объектов, ухудшению социальной инфраструктуры, массовому оттоку сельского населения в города. В этой связи возникают сложности возрождения традиционного номадного скотоводства в регионе. Наличие огромных неиспользуемых территорий, возникающий у сельского населения интерес к возрождению аборигенных пород скота, появление целевых программ для развития сельской местности дают основания считать возможной реализацию потенциала развития номадного скотоводства в сельском хозяйстве Бурятии.

Ключевые слова: номады, кочевое скотоводство, образ жизни, трансграничные территории, Монголия, Бурятия

¹ Статья выполнена в рамках проекта РНФ № 14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

В период модернизации и глобализации современные общества оказываются в состоянии сложного, порой и противоречивого цивилизационного взаимодействия прежних традиционных и новых модернизационных ценностей и социальных норм. Трансформация постсоциалистических обществ происходит с ориентиром на демократические и рыночные ценности, многие аспекты которых неоднозначно влияют на сохранение и развитие тысячелетних обычаев и традиций монголоязычных nomadов; соответственно, возникает риск потери их национальной идентичности. Традиционные хозяйственные уклады являются важнейшим источником сохранения обычаев, традиций и культуры народа.

Ярким примером внутреннего цивилизационного противоречия между «традициями» и «новациями» является современный традиционный уклад монголоязычных nomadов, проживающих на территориях трёх стран – России, Монголии и Китая. Сочетание «старого» и «нового» в странах с переходной экономикой находится в неординарном соотношении.

Безусловно, решающую роль в историческом развитии монгольских этносов сыграл XX век, в котором поэтапно сменились три разные эпохи: дореволюционная, социалистическая и постсоциалистическая, каждая из которых внесла свои коррективы в формирование и развитие монголоязычных народов. Имея общее этническое происхождение и идентичное культурное своеобразие монгольские народы развивались в рамках независимых государств, преодолели немало трудностей и лишений, но, тем не менее, добились прогресса с сохранением элементов своего традиционного уклада, быта и традиций. В настоящее время территории проживания монголоязычных народов относятся к числу перспективных, но слабо развитых регионов. Отправной точкой в сопоставительном изучении в рамках данной темы является традиционное животноводство монгольских народов России и Монголии, которое изначально имело кочевой характер и связанный с этим кочевой образ жизни.

В этой связи речь может идти о современном состоянии традиционных хозяйственных практик nomadов монгольского мира и о перспективах их дальнейшего сохранения и развития. Понятие монгольского мира определяется как «... социокультурный мир монгольских народов и диаспор, обитающих в пределах своей исторической родины и территорий исторического освоения. Ядерным локусом монгольского мира является Монголия, а его спутниками – островки монгольского мира в лице Внутренней Монголии в составе Китая, Бурятии и Калмыкии (в Российской Федерации – прим. Б. Д.), а также диаспоры монголов и других монголоязычных народов в разных странах» [Монгольский...2014: 24–25]. Общее же количество людей, живущих в России и сохраняющих

В период модернизации и глобализации современные общества оказываются в состоянии сложного, порой и противоречивого цивилизационного взаимодействия прежних традиционных и новых модернизационных ценностей и социальных норм.

бурятскую этническую самоидентификацию, 461 389 человек, или 0,34% всего населения Российской Федерации. Из этого общего числа в Бурятии проживают 62,17% бурят (286 839 человек), в Иркутской области, в том числе в Усть-Ордынском бурятском округе – 16,83% (77 667 человек), в Забайкальском крае, включающем Агинский бурятский округ – 16,02% (73 941 человек), в остальных регионах – почти 5% [Бурят меньше... 2012].

Кочевая культура номадов, связанная с древними традициями и обычаями монгольских народов, известна своими наиболее естественными, экологически безопасными способами хозяйствования: «На протяжении многих веков скотоводы-кочевники накопили богатейший и во многом уникальный опыт общения с природой и окружающей средой, адаптации к суровым, аридным¹, резко континентальным условиям Центральной или Внутренней Азии. Они выработали и сохранили глубокие традиции уважительного, сакрального, бережного отношения к природе и рационального использования разнообразных природных ресурсов (естественные пастбища, поверхностные и подземные воды, кормовые, пищевые и лекарственные растения, домашние и дикие промысловые животные, лес, полезные ископаемые и др.)» [Грайворонский 2014: 101].

Техника ведения скотоводческого хозяйства включала ряд приёмов, проверенных многовековым опытом. В Забайкалье большинство скота содержалось на подножном корму в течение всего года. Пастбищный период колебался от 207 до 243 дней в году. При выборе пастбищ и выгонов для скота монгольязычные народы учитывали качество почв, рельеф, а также наличие рядом водоёмов. За такой продолжительный срок содержания стада на подножном корму скотоводы постоянно меняли пастбища по мере поедания травяного покрова, не допуская истощения почвенно-растительного покрова земли [Чимитдоржиев 1999: 12].

Скотоводство как главное занятие бурят определило уклад жизни народа и специфику его материальной и духовной культуры. В хозяйстве бурят доминирующую роль играли именно кочевое и полукочевое скотоводство, другие его отрасли (охота, собирательство и земледелие) имели подсобное значение. Их развитие зависело от уровня развития скотоводства. Значительное распространение номадного животноводства в Забайкалье прежде всего объясняется спецификой природных условий. Бурятское население целыми родами кочевало по определённым маршрутам, содержа скот круглый год на

¹ Аридный климат (от лат *aridus* — сухой) — сухой климат с высокими температурами воздуха, испытывающими большие суточные колебания, и малым количеством атмосферных осадков, около 100–150 мм/год или полным их отсутствием.

подножном корму; пользовалось юртой и утварью, не имея постоянных жилищ ни на зимних, ни на летних стоянках. Эволюция жизни и природопользования кочевых народов создали высокую культуру ведения nomадного животноводства. Она способствовала не только многовековому поддержанию природных ландшафтов Забайкалья, но, главное, воспроизводству кочевого населения региона.

Коренной трансформации традиционного образа жизни бурятского населения способствовали изменение социально-экономических условий развития и проводимая с начала XX века политика государства. В Бурятии на протяжении XX века скотоводство постепенно стало оседлым, в дальнейшем практически полностью утратив признаки nomадизма. В советский период развития общественного сельскохозяйственного производства в Бурятии произошла подмена основных источников питания скота в зимнее время с естественных кормовых ресурсов на продукцию растениеводства с пахотных земель, что было связано с изменением традиционного уклада жизни сельского населения и состоянием природной среды. Размеры пастбищных угодий стали существенно сокращаться из-за их распашки, что особенно сказалось на источниках питания скота в летнее время. Резко возросли посевные площади сельскохозяйственных культур – с 134,0 тыс. га в 1923 г. до 793,7 тыс. га в 1970, что было связано с проведением кампании по освоению целинных земель [Республика Бурятия... 2003: 71].

Исторически совместное проживание бурят с другими народами (русскими, эвенками, сойтами) способствовало конвергенции их культур, прежде всего заимствованию трудовых навыков, хозяйственной традиции и формированию новой смешанной культуры, вобравшей в себя наиболее положительные черты, способствовавшие адаптации бурят в новых условиях. В результате такого взаимодействия происходит нивелирование отдельных элементов этнической культуры и формирование общих культурных черт и регионального самосознания населения. При этом наиболее динамичными являются её технические и экономические элементы (хозяйственные навыки, технологии, орудия труда и т. п.). Однако местные хозяйственные навыки, связанные с природными условиями, сохраняются дольше, хотя и подвержены некоторой трансформации. Самыми стабильными элементами культуры являются: стереотип поведения, национальный характер, миропонимание, менталитет и самоидентификация. Сохранившиеся в сознании бурятского народа на ментальном уровне способы и приёмы (традиции) ведения животноводства естественным образом органично определяют (отражают) современный образ жизни бурят на селе, в том числе его поведение и отношение с окружающей природой в целях животноводства [Намжилова 2013: 126].

Эволюция жизни и природопользования кочевых народов создали высокую культуру ведения nomадного животноводства. Она способствовала не только многовековому поддержанию природных ландшафтов Забайкалья, но, главное, воспроизводству кочевого населения региона.

На рубеже XX–XXI вв. природопользование бурят сохранило лишь отдельные черты традиционного способа использования территории. Радикальным образом изменились условия проживания этноса, а nomадное животноводство как основной вид хозяйственной деятельности утратило своё существование.

Рыночные трансформации, имевшие место в последние десятилетия, привели к глобальной реорганизации сельскохозяйственных предприятий, в результате которой объёмы производства продукции во всех сферах сельского хозяйства, особенно животноводства, резко сократились. Распад коллективной системы хозяйствования привёл к ликвидации государственной системы дотаций и закупок сельхозпродукции, что повлекло за собой проблемы содержания стойлового животноводства. По имеющимся данным, с 1990 по 2008 гг. произошло сокращение численности крупного рогатого скота (КРС) на 35% (с 559,1 до 362,1 тыс. голов), овец и коз – на 80% (в 5 раз: с 1384 до 253,8 тыс. голов), свиней – на 70% (в 3,5 раза: 262,2 до 76,8 тыс. голов), птицы – почти на 80% (в 8 раз: с 3265,5 до 406,6 тыс. особей), лошадей (с 76,5 до 61,4 тыс. голов) [Баянова, Бюраева 2010: 59–60]. Снижение объёмов производства продукции сельского хозяйства за этот период произошло главным образом за счёт сокращения площади посевов и сокращения численности сельскохозяйственных животных.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., население Республики Бурятия проживает в 20 городских населённых пунктах (городах и посёлках городского типа) и 613 сельских населённых пунктах. Республика Бурятия не входит в число высоко урбанизированных территорий, причём более 2/3 горожан, или более 1/3 всего населения, проживает в столице республики городе Улан-Удэ [Об итогах ... 2012: 7].

За период реформирования экономики региона произошли существенные изменения в структуре производства продуктов животноводства: резко сократилось производство основных видов животноводческой продукции, основными её производителями стали не сельскохозяйственные предприятия, а частные хозяйства населения Бурятии. Производство продовольственных ресурсов в республике осуществляется на 104 коллективных сельскохозяйственных предприятиях разных форм собственности, в 2497 крестьянских (фермерских) хозяйствах (КФХ) и в 153 тысячах личных хозяйствах населения (ЛПХ) [Батуева, Волошин, Чимэддорж 2013: 112]. В структуре производства валовой продукции сельского хозяйства ЛПХ занимают около 80%. В этих хозяйствах находится 9% посевной площади сельскохозяйственных культур, 72,7% поголовья крупного рогатого скота, в том числе 73,3% коров, 46,3% свиней, 43% овец и коз. По данным на 1 августа

На рубеже XX–XXI вв. природопользование бурят сохранило лишь отдельные черты традиционного способа использования территории. Радикальным образом изменились условия проживания этноса, а nomадное животноводство как основной вид хозяйственной деятельности утратило своё существование.

2013 г., во всех категориях хозяйств республики поголовье крупного рогатого скота составило 440,0 тыс. голов, в том числе коров – 172,9 тыс. голов, свиней – 135,9 тыс. голов, овец и коз – 339,9 тыс. голов. Среднесписочная численность работников организаций сельского хозяйства составила 36 тыс. человек. С 2010 г. в республике начали применять инновационную технологию по идентификации животных – чипирование, для чего в племенных хозяйствах введена программа электронного учёта скота «Селекс» [Основные отрасли ... 2013]. В целом можно отметить, что агропромышленный комплекс Республики Бурятия имеет чётко выраженное животноводческое направление. Почти три четверти продукции приходится на животноводство.

Анализ показывает, что на сегодня животноводство в Бурятии испытывает серьёзные проблемы, в первую очередь связанные со снижением трудовых навыков сельчан по ведению скотоводства, отсутствием видимых перспектив развития села, наличием стойловых пород скота, требующих серьёзной кормозаготовительной базы, переселением наиболее трудоспособных категорий населения в крупные населённые пункты и столицу – Улан-Удэ.

Развал большинства колхозов и совхозов, приватизация государственной и коллективной собственности привели к несправедливому распределению материальных благ в обществе, что явилось одним из важных факторов снижения стартового потенциала сельских жителей. Большинство из них попало в «зону турбулентности», т. е. в условия полной неопределённости при достижении критического уровня жизни, что привело к аномии и депривации, потере ориентации в социально-экономическом, духовно-культурном и политическом пространствах. В таких условиях в сельской местности происходил рост уровня преступности, увеличивалось потребление алкогольных и наркотических средств, потеря и снижение семейных ценностей, что привело к увеличению неполных семей, росту уровня разводов, социального сиротства и т. д. В адаптационном процессе сельчанам предстояло преодолеть ряд препятствий. Для многих выходом из сложившейся ситуации и единственным вариантом улучшения своего социального статуса стал переезд из сёл и деревень в города. Пришлось приспособиваться к культуре, образу жизни, ценностному миру города, привнося с собой элементы сельской культуры и образа жизни [Бадараев 2014: 60].

Подтверждением вышеперечисленных негативных процессов в сельской местности республики являются результаты выборочного социологического исследования «Мониторинг социального самочувствия населения муниципальных образований Республики Бурятия в условиях кризиса». Исследование было проведено в 2011 г. в четырёх сельских районах Бурятии:

Развал большинства колхозов и совхозов, приватизация государственной и коллективной собственности привели к несправедливому распределению материальных благ в обществе, что явилось одним из важных факторов снижения стартового потенциала сельских жителей.

Кабанском, Кижингинском, Хоринском и Закаменском, с выборочной совокупностью 405 человек, с учётом пола, возраста, национальности, сферы деятельности.

По полученным данным, 39,5% опрошенных сельчан отметили, что «скорее или совершенно неудовлетворены своей жизнью в настоящее время». Кроме того, достаточно критическим показателем данного исследования явилось признание 52,8% сельских жителей республики о возможности участия в массовых выступлениях против роста цен, безработицы и падения уровня жизни, и лишь четверть (25,4%) респондентов выразили невозможность участия в таких акциях, а пятая часть опрошенных (20,7%) затруднились с ответом.

Интегральным показателем социального самочувствия сельского населения является [таблица 1](#), где представлены суммарные оценки сельского населения относительно социально-экономических изменений в республике за последние пять лет.

Таблица 1

Какие, на Ваш взгляд, произошли социально-экономические изменения за последние 5 лет в Республике Бурятия?, %

№	Значения	Улучшилось	Не изменилось	Ухудшилось	Не знаю	Нет ответа
1	Влияние простых людей на политику	7,4	49,4	18,3	19,5	5,4
2	Справедливость в распределении материальных благ	5,2	38,8	32,8	19,0	4,2
3	Работа больниц, аптек, поликлиник	13,8	38,8	32,8	8,4	6,2
4	Работа учебных заведений	11,1	38,8	31,8	12,3	6,0
5	Состояние окружающей среды	3,9	21,5	60,0	9,6	5,0
6	Национальные отношения	5,9	46,7	25,7	15,5	6,2
7	Работа милиции, прокуратуры, судов	10,4	42,0	25,9	16,3	5,4

Из ответов респондентов следует, что в процентном отношении наиболее часто встречается ответ «не изменилось», затем – «ухудшилось». Достаточно большой процент (до 19,5%) сельских жителей отвечают на поставленные вопросы «не знаю». Среди полученных ответов в небольшой пропорции присутствует вариант «улучшилось».

Полученные данные свидетельствуют о нестабильной обстановке в сфере занятости на селе, что на самом деле является общеизвестным фактом при современных рыночных отношениях в сельской местности. Основными сферами

деятельности в сельской местности Бурятии принято считать традиционное скотоводство, растениеводство, лесозаготовку и лесопереработку, занятие предпринимательской деятельностью, торговое посредничество, предоставление услуг, в ряде районов – добычу полезных ископаемых и др. Несовершенство законодательной базы, наличие правовых «лазеек», коррупционные сети способствуют процветанию криминального бизнеса, приводящего к искоренению природного богатства байкальского региона. Особое внимание привлекает агропромышленный комплекс республики. Приоритетный национальный проект «Развитие АПК» обрёл своё развитие в Государственной программе «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия». Кроме того, реализация мероприятий осуществляется в рамках федеральной целевой программы «Социальное развитие села».

По данным анкетирования, 51,8% опрошенных сельчан имели денежные доходы ниже величины прожиточного минимума – 6332 руб.¹, что по международным стандартам характеризуется как уровень бедности. Двойной размер величины прожиточного минимума имели 26,4%, тройной – 14%, 3–11-ти кратный размер – 6,1%, выше 11-ти кратного размера 0,2 и 1,2% респондентов не дали ответа на этот вопрос.

В условиях спада основных показателей и низкого уровня социального самочувствия сельского населения занятие традиционным скотоводством обретает особый смысл, поскольку оно малозатратно, не требует дорогостоящих зданий и спецтехники, обеспечивает высокое качество экологической продукции, осуществляется, как правило, семьями.

На фоне сложившейся ситуации в сельском хозяйстве в Республике Бурятия ярким примером сохранения и ведения пастбищного nomadного животноводства является соседняя Монголия как скотоводческая страна.

В современной Монголии доминирует частично модернизированный, традиционный пастбищно-кочевой тип животноводства, который относится к основным секторам экономики, удовлетворяет потребности населения в продуктах питания и является ключевым источником жизнедеятельности аратов.

Если обратиться к статистике, то можно отразить основные социально-демографические и экономические характеристики монгольского общества: население в феврале 2015 г. достигло трёх млн чел.; городское население составляет 66,4%, сельское – 33,6%; население столицы, г. Улан-Батора, – 1 млн 363 тыс. чел.; занятое население страны – 1 млн 110,7 тыс. чел., экономически активное население

¹ Величина прожиточного минимума в Республике Бурятия за 1-й квартал 2011 г. // Территориальный орган службы государственной статистики по Республике Бурятия. URL: <http://burstat.gks.ru> [Дата посещения: 10.07.2016].

По данным анкетирования, 51,8% опрошенных сельчан имели денежные доходы ниже величины прожиточного минимума – 6332 руб., что по международным стандартам характеризуется как уровень бедности.

В условиях спада основных показателей и низкого уровня социального самочувствия сельского населения занятие традиционным скотоводством обретает особый смысл, поскольку оно малозатратно, не требует дорогостоящих зданий и спецтехники, обеспечивает высокое качество экологической продукции, осуществляется, как правило, семьями.

ние – 1 млн 206 тыс. 600 чел. В структуре основных отраслей ВВП лидирует горнорудная промышленность, затем оптово-розничная торговля. Сельское хозяйство, где львиную долю занимает скотоводство, замыкает тройку отраслей-лидеров экономической деятельности Монголии (см. таблицу 2) [Монгол улсын ... 2015: 218].

Таблица 2

**ВВП Монголии по отраслям экономической деятельности
за 2011–14 гг., %**

Отрасли экономической деятельности	2011	2012	2013	2014
Горнорудная промышленность	21,8	17,8	15,9	17,6
Оптово-розничная торговля	22,1	19,9	18,4	16,4
Сельское хозяйство	10,2	11,2	13,4	14,0
Обрабатывающая промышленность	8,6	9,0	10,7	10,6

В рамках комплексных экспедиционных исследований ИМБТ СО РАН на территории Монголии с 5 по 23 сентября 2011 г. по маршруту «Улан-Батор – Кобдосский аймак – Улан-Батор», а также с 1 по 8 сентября 2015 г. «Улан-Батор – Южнообийский аймак – Улан-Батор» были проведены социологические исследования среди скотоводов, проживающих на разных агроландшафтах со специфичными природно-климатическими условиями. В качестве социологических методов применены: анкетирование (173 респондента в 2011 г.), включённое наблюдение и глубинное интервью (по 10 видеозаписей в обеих экспедициях).

Сводный анализ данных социологических исследований, проведённых в рамках вышеуказанных экспедиций, позволяет сделать некоторые обобщения.

Со слов интервьюеров, представляющих разные социальные слои и социальные группы населения, в новых рыночных условиях люди выживают, как могут. Несмотря на то, что большинство респондентов оптимистичны в своих взглядах, при подробном обсуждении вопросов социально-экономического и жилищно-бытового характера они считают, что в современный период достаточно сложно зарабатывать, содержать своё хозяйство, обеспечивать необходимыми товарами и продуктами свою семью. Возрастающая конкуренция во всех сферах жизни вынуждает людей придерживаться скорее ценностей индивидуализма, нежели коллективизма. Наиболее состоятельные скотоводы имеют собственный дом на земельном участке в сомонных (районных) центрах как место пребывания некоторых членов семей и родственников, особенно детей в период учебного года. Во многих сомонных центрах при школах функционируют интернаты, где живут и учатся дети скотоводов.

Скот – движимое имущество – размножается достаточно быстро. Особой популярностью повсеместно пользуются козы из-за дороговизны козьего пуха – сырья кашемирового производства. Однако, как отмечают местные старожилы, увеличивающееся количество поголовья коз губительно сказывается на воспроизводстве пастбищ и растительности, поскольку те употребляют не только траву, но ещё и поедают корни растений, выкапывая их острыми копытами. В целом поголовье скота усиливает нагрузку на пастбища, возникает проблема обеспечения ветеринарного контроля и, соответственно, обеспечения безопасности продовольственного рынка.

Ориентируя экономику Монголии на развитие традиционного скотоводства, руководство страны предприняло ряд шагов по восстановлению и увеличению поголовья скота, поощрению скотоводов, планомерному росту цен на продукты и сырьё животного происхождения. Выбранный курс принёс реальные плоды: по данным статистики, отмечается практически ежегодное увеличение поголовья скота в Монголии. Впервые, по данным за 2014 г., поголовье монгольского скота достигло 51,9 млн голов, из них лошадей – 3,0 млн, крупного рогатого скота – 3,4 млн, верблюдов – 0,3 млн, овец – 23,2 млн, коз – 22,0 млн голов. Численность животноводов составила 293,6 тыс. чел. (10% от всего населения), а число их семей – 149,7 тыс. Численность частных домохозяйств, имеющих более 1000 голов скота, достигла 6808, тогда как в 2010 г. их было 2406 [Монгол улсын... 2015: 377]. Ориентир на сохранение скотоводства выбран неслучайно, поскольку и экономически, и политически оно имеет хорошие перспективы. В рамках развития туризма и политики открытости исконная отрасль хозяйства монголов обретает черты реального бренда монгольской экономики, наравне с отраслью минерально-сырьевых ресурсов. Кашемировая и кожаная индустрия, мясное производство небезосновательно считаются одними из показателей «знака качества» продукции Монголии.

Одной из актуальных проблем современного рынка для скотоводов стал сбыт произведённого товара – продуктов животного происхождения: мяса, шерсти, пуха, молочных продуктов. Скотоводам приходится отдавать свой товар перекупщикам за низкую цену. Со стороны местного населения к нам (исследователям) неоднократно поступали предложения о сотрудничестве по налаживанию каналов поставки мяса в Россию. По мнению респондентов, близость с китайской границей в этом плане преимуществ не даёт, существуют законодательные и административные барьеры ввоза и вывоза сырьевых материалов, пищевых продуктов и полуфабрикатов с обеих сторон.

Кроме развития скотоводства в Западной Монголии, в отличие от пустынных и полупустынных зон Южнобийского аймака, географическое месторасположение и климатические условия позволяют местному населению активно заниматься

Ориентируя экономику Монголии на развитие традиционного скотоводства, руководство страны предприняло ряд шагов по восстановлению и увеличению поголовья скота, поощрению скотоводов, планомерному росту цен на продукты и сырьё животного происхождения.

земледелием, выращивать злаковые культуры (пшеница, овёс), бахчевые (арбузы, дыни), фрукты и овощи с использованием традиционных приспособлений и орудий труда, помимо сельскохозяйственной техники. Существующее разнообразие между самими монгольскими этническими группами и природно-климатическими условиями территорий их проживания также влияет на некоторые различия в их традиционной жизнедеятельности: в одежде, питании, хозяйственном быту и укладе, языковых диалектах, сферах хозяйственной деятельности и т. д. Рацион питания состоит из блюд и напитков мясного и молочного происхождения. Гостям на стол ставят сладости (конфеты, карамели, печенье), молочную водку, сушёный творог и разные блюда из мяса, а бахчевые, фрукты и овощи – в зависимости от сезона и места проживания.

В целом скотоводы повсеместно проживают в условиях кочевого образа жизни с сохранением традиционного быта и уклада монголов. Часто в качестве современного транспортного средства ими используются мотоциклы, микрогрузовики, легковые автомобили китайского, южнокорейского и японского производства. Машин и мотоциклов советского, а позднее и российского производства, осталось совсем мало (наиболее часто встречающиеся марки – УАЗ, ЗИЛ, ИЖ). В войлочных юртах традиционная домашняя утварь и убранство у скотоводов среднего достатка дополняются маленьким телевизором, радиоприёмником, холодильником, зарядным накопителем электроэнергии, который заряжается от солнечной батареи и/или ветрового электрогенератора. Очень много вещей и товаров широкого потребления китайского происхождения.

Тревогу населения в местах проведения исследования вызывает проблема добычи полезных ископаемых горнодобывающими компаниями. Появление автомобильных дорог высокого качества в Западной Монголии, связывающих Монголию и Китай через международный автомобильный пропускной пункт Ярантай – Такашикен, воспринимается населением с опаской, что объясняется как китайская угроза экологической и социальной безопасности в регионе. Такая же картина и в Южнообийском аймаке, где разрабатываются крупнейшие месторождения золота и меди (Оюутолгой), а также коксующегося угля (Тавантолгой). На данном этапе население выражает разочарование от того, что обещанные блага иностранных и совместных горнорудных компаний так и не выполнены в надлежащем объёме, и сомнение, что будут выполнены впредь. Исчезновение и высыхание колодцев и родников опрошенные скотоводы связывают с подземными и глубинными работами по добыче полезных ископаемых. Загрязнение воздуха также объясняется открытыми работами по добыче угля.

Роль нomaдизма как основы традиционной отрасли Монголии является важнейшим условием сохранения обычаев, быта и традиций монгольских кочевников. Данный вид хозяй-

Исчезновение и высыхание колодцев и родников опрошенные скотоводы связывают с подземными и глубинными работами по добыче полезных ископаемых. Загрязнение воздуха также объясняется открытыми работами по добыче угля.

ствования, несмотря на экологичность, остаётся самым рискованным видом деятельности, всецело зависящим от природно-климатических условий, когда практически весь монгольский скот существует лишь за счёт пастбищного скотоводства. По этой причине после засушливых сезонов, заснеженных зим и гололедицы потери поголовья скота Монголии достигают десятков миллионов голов, что напрямую влияет на социальный статус скотоводов. Араты конкурируют за благоприятные условия разведения скота – пастбища, сенокосные угодья, за рынок сбыта товаров животного происхождения. Скотоводы, которые потеряли поголовье и не выдержали конкуренции, вынуждены пополнять ряды безработных и бедных люмпенизированных категорий населения. Некоторые араты идут наёмными работниками к более состоятельным скотоводам, другие вынуждены искать пути выхода из сложившейся ситуации, используя конституционное право на перемещение внутри и за пределами страны, мигрируя. Зачастую единственным вариантом становится переезд в города, в крупные населённые пункты или в столицу страны со всеми вытекающими не только положительными, но и негативными последствиями, связанными с адаптацией к непривычному городскому образу жизни.

Базовой проблемой является сохранение и справедливое распределение пастбищ, поскольку именно от их состояния зависят возможности разведения скота. В стране мало пахотных земель, но зато около 80% территории используется как пастбища. Их приватизация относится к числу наиболее обсуждаемых тем в законодательных органах и среди сельского населения. Со времени принятия Закона о приватизации прошло уже 25 лет, а вопрос остаётся одним из самых дискуссионных.

В этом плане интересными представляются результаты экспедиционного исследования МИИКЦ (Международного института изучения кочевых цивилизаций) ЮНЭСКО (Монголия) по проблемам приватизации колодцев и пастбищ, проведённого в 2010–12 гг. среди 250 скотоводов четырёх регионов Монголии (Западный, Восточный, Центральный, Гобийский) [Энхтувшин 2014: 560–561]. Выявлено, что 40% принявших участие в опросе «не поддерживают приватизацию пастбищ» и что «это неправильно», 33%, наоборот, «поддерживают приватизацию, но только в условиях хороших пастбищ», а 27% затруднились ответить.

Полученные данные можно интерпретировать следующим образом: по мнению противников приватизации, передача в частные руки колодцев и пастбищ приведёт к гибели кочевой цивилизации, поскольку это будет означать ограничение или запрет перекочёвок для скотоводов, а это недопустимо в условиях пастбищного скотоводства. Сторонники приватизации сомневаются в справедливости распределения пастбищ среди скотоводов, однако они хотели бы иметь свои собственные

В Монголии мало пахотных земель, но зато около 80% территории используется как пастбища. Их приватизация относится к числу наиболее обсуждаемых тем в законодательных органах и среди сельского населения. Со времени принятия Закона о приватизации прошло уже 25 лет, а вопрос остаётся одним из самых дискуссионных.

территории, которые можно использовать по своему усмотрению на правах законных владельцев (продать, передать по наследству, сдать в аренду, заложить и т. д) и быть независимыми от соседей и разного рода других рыночных и ситуационных факторов.

На вопрос «Как вы представляете будущее кочевого скотоводства?» 40% ответили, что «есть будущее у скотоводства с традиционными методами», столько же (40%) предположили, что «нужно использовать научно-технические достижения», 20% затруднились ответить. Ответы на этот вопрос отражают две крайности, поскольку традиционные методы, несмотря на архаичный характер, имеют ряд преимуществ экологического плана и сохранение уникальной кочевой культуры, а научно-технические достижения и использование прогрессивных методов в скотоводстве угрожают привести к утрате естественной среды, традиционности и кочевого уклада номадов монгольских степей.

Представленные данные подтверждают актуальность проблемы сохранения и дальнейшего развития номадизма в условиях глобализации и рыночной экономики. Проблема имеет дискуссионный характер, потому что однозначного ответа на поставленный вопрос нет. Подтверждение тому – отсутствие единства мнений самих «действующих» скотоводов-кочевников Монголии.

Номадное скотоводство в Монголии остаётся традиционным видом хозяйственной деятельности для 10% всего населения, благодаря которому во многом решена продуктовая проблема страны и сохраняется тысячелетний уклад кочевников монгольских степей. Элементы глобализации и факторы модернизации активно влияют на изменение образа и стиля жизни современных монголов, преимущественно молодёжи, которая в поисках хороших условий и благ цивилизации переселяется в города и крупные населённые пункты. В целом статистические данные свидетельствуют о незначительном уменьшении численности скотоводов при существенном увеличении поголовья скота, что демонстрирует отсутствие прямой угрозы исчезновения традиционного скотоводства в Монголии в ближайшие десятилетия, соответственно, традиционные хозяйственные практики монголов остаются основой жизнедеятельности сельского населения страны.

Тема сохранения и развития традиционного скотоводства является предметом активного широкого научного и общественного обсуждения в Монголии и Бурятии. Предлагаются следующие подходы и принципы устойчивого развития животноводческой отрасли на трансграничных территориях [Батуева, Волошин, Чимэддорж 2013: 112]:

- рациональное использование пастбищных и сенокосных угодий с соблюдением национальных традиций животноводства со сменой пастбищ;

Номадное скотоводство в Монголии остаётся традиционным видом хозяйственной деятельности для 10% всего населения, благодаря которому во многом решена продуктовая проблема страны и сохраняется тысячелетний уклад кочевников монгольских степей.

- содержание и разведение животных, адаптированных к существующей природной среде;
- экологический мониторинг состояния растительных ресурсов, почв, обводнённости пастбищ;
- внедрение правовой ответственности специалистов сельскохозяйственного производства за экологические нарушения;
- обучение работников сельского хозяйства основам ведения экологически безопасных производств (создание учебных центров в районах и сомонах) с использованием как nomadных приёмов, так и современных методов;
- поддержание товаропроизводителей финансовыми средствами со стороны государства для роста экологической продукции сельского хозяйства;
- организация совершенной системы сертификации качества экологической продукции сельского хозяйства.

В Бурятии в качестве естественной опоры для развития степной местной экономики рассматриваются малые сёла – бывшие бригады отделений совхозов с населением от нескольких десятков до 200 жителей [Бальжиров 2010: 31]. Увеличение поголовья скота и производства сырья должно привести к организации его переработки путём создания на селе малых производств с использованием самых современных технологий и оборудования с расчётом на выпуск качественной конкурентоспособной продукции. Это, в свою очередь, должно привлечь квалифицированную рабочую силу в село. Реализация такого проекта позволяет ожидать мультиэффекта, а именно: обеспечения продуктовой безопасности в регионе, появления сельского среднего класса, прекращения миграционного оттока из сёл, улучшения демографической ситуации на селе, повторного освоения огромных степных территорий и т. д. Властям предлагается создавать благоприятные условия для развития животноводства в малых сёлах, включая организационно-финансовое содействие, развитие качественных ветеринарных служб, адекватное развитие социальной инфраструктуры, формирование позитивного образа успешного человека, работающего на селе. Развитие животноводства в малых сёлах в конечном счёте может обеспечить комплексные социальные, экономические и геополитические эффекты.

По оценкам экономистов, потенциал восстановления nomadного животноводства в Бурятии составляет по мелкому рогатому скоту порядка 700 тыс. голов, по крупному – 300 тыс. голов, по лошадям – 150 тыс. голов, всего 1100–1200 тыс. голов [Атанов 2010: 42]. Для этого предлагается: интенсивное воспроизводство овец бурятской породы «Бубэй»; восстановление бурятской породы КРС, а также наращивание поголовья калмыцкой и казахской пород КРС;

восстановление бурятской породы лошадей; приобретение в Монголии мелкого, крупного рогатого скота и лошадей на воспроизводственные нужды; поощрение статуса и престижа профессии животновода с использованием всего арсенала государственных поощрений.

Проведённый анализ данных статистики и результатов ряда социологических исследований по данной теме позволяет сделать обобщения, что традиционные хозяйственные практики монгольязычных номадов России и Монголии испытывают серьёзные изменения, вызванные процессами ускорения социально-экономических процессов в современном мире. В условиях возникновения рыночных отношений сохранение и развитие номадного животноводства на сопредельных территориях России и Монголии имеют стратегически важное значение. Экологичность ведения номадного хозяйства, малозатратность, получение качественных продуктов питания и натурального сырья, приспособляемость к суровым условиям аборигенных пород скота и ряд других преимуществ привлекают интерес к возрождению традиционного скотоводства в Бурятии. На примере масштабного разведения скота в Монголии становится очевидной возможность внедрения технологий ведения номадного скотоводства и воспроизводство этого опыта в Бурятии. Важным условием для начального стартового этапа в таком процессе является поддержка и содействие со стороны органов государственной и муниципальной власти. Зачатки перемен в результате освоения опыта соседей при благоприятном продолжении деятельности по развитию скотоводства в Бурятии должны дать незамедлительный эффект в ближайший среднесрочный период. Вместе с тем надо учитывать и потенциальные риски номадного скотоводства, связанные с его зависимостью от природно-климатических условий, рыночных законов при реализации готовой продукции и сырья, особым природным статусом байкальского водоохранного региона.

Что касается Монголии, то при существующей тенденции последних 15 лет предположительно будет продолжаться постепенное уменьшение численности аратов-скотоводов при сохранении или увеличении поголовья скота. Условиями сохранения поголовья монгольского скота могут выступить: увеличение спроса на монгольское мясо и шерсть на мировом рынке, инвестирование в современные технологии ведения животноводства (усиление ветеринарного контроля, селекционирование, оптимизация в использовании пастбищных и сенокосных угодий), всесторонняя поддержка скотоводов правительством Монголии. При этом традиционно существенным фактором сохранения поголовья скота выступают природно-климатические условия, от которых всецело зависит состояние пастбищного скотоводства страны.

В условиях возникновения рыночных отношений сохранение и развитие номадного животноводства на сопредельных территориях России и Монголии имеют стратегически важное значение.

Библиографический список

Атанов Н. И. 2010. Трансформация хозяйственного уклада монгольязычных народов Южной Сибири // Глобализация и монгольский мир: сб. материалов междунар. конференции. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 35–42.

Бадараев Д. Д. 2014. Сельско-городская миграция как фактор адаптации к социально-экономическим процессам // Вестник Бурятского государственного университета. Серия «Философия, социология, политология, культурология». № 14 (2). С. 59–64.

Бальжиров Б. Г. 2010. Развитие пастбищного животноводства – экономическая основа сохранения и развития малых и сверхмалых сёл в Бурятии // Глобализация и монгольский мир: сб. материалов междунар. конференции. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 30–32.

Батуева Д. Ж., Волошин А. Л. 2013. Традиционная культура хозяйствования животноводов монгольязычных народов: современное состояние и проблемы // Даяаршил ба монгол туургатан (Глобализация и монгольские народы). Улан-Батор. С. 239–242.

Батуева Д. Ж., Волошин А. Л., Чимэддорж Ц. 2013. К стратегии развития традиционного животноводства на территориях Монголии и России (Республика Бурятия) // Даяаршил ба монгол туургатан (Глобализация и монгольские народы). Улан-Батор. С. 112–115.

Баянова Т. О., Бюраева Ю. Г. 2010. Социально-экономические аспекты развития аграрного сектора экономики Республики Бурятия // Глобализация и монгольский мир: сб. материалов междунар. конференции. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 59–60.

Бурят меньше, чем якутов, но больше, чем сибиряков // Веб-сайт «Новая Бурятия». URL: <http://www.newbur.ru/articles/5911> [Дата посещения: 10.04.2016].

Грайворонский В. В. 2014. Сотрудничество России, Монголии и Китая в области окружающей среды и «зелёного развития»: состояние и перспективы // Зелёное развитие – приоритетное направление трехстороннего сотрудничества в XXI веке: сборник научных статей. Улан-Батор: Институт международных исследований. С. 101–109.

Монгольский мир: между Востоком и Западом / Под ред. Ю. В. Попкова, Ж. Амарсаны. Новосибирск: Автограф, 2014. 351 с.

Намжилова Л. Г. 2013. Социально-культурные особенности традиционного природопользования бурят в приграничных районах Республики Бурятия // Даяаршил ба монгол туургатан (Глобализация и монгольские народы). Улан-Батор. С. 122–129.

Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года: доклад. Улан-Удэ: Бурятстат, 2012. 20 с.

Основные отрасли экономики РБ: агропромышленный комплекс // Официальный портал органов государственной власти Республики Бурятия URL: <http://egov-buryatia.ru/index.php?id=340> [Дата посещения: 10.04.2016].

Республика Бурятия – 80 лет: статистический сборник. Улан-Удэ: Госкомстат Республики Бурятия, 2003. 305 с.

Чимитдоржиев Ш. Б. 1999. Бурят-монгольский этнос и монгольский мир // Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона: материалы международной науч.-практ. конф. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 12–14.

Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл (Статистический ежегодник Монголии). 2015. Улаанбаатар. 455 с.

Энхтувшин Б. 2014. Монголын боловсрол, иргэншил судлал (Исследование образования и цивилизации Монголии). Улан-Батор: Академия наук Монголии. 580 с.

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.420

The Traditional Economic Practices of Mongolian-Speaking Nomads: Livestock Farming in Adjacent Territories of Mongolia and Russia

Badaraev Damdin Dorzhievich

Candidate of sociological sciences, senior research fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia. E-mail: damdin80@mail.ru

Abstract This article¹ is dedicated to the current condition of livestock farming, which is a traditional economic practice of nomads in Mongolia's and the Republic of Buryatia's (Russian Federation) neighboring territories. Noted is a common ancestry, and a common ethnic and cultural identity between Buryats and Mongols, as well as some distinctive features attributed to their modern stage economic structure. Revealed are the main factors which influenced the sedentarization (a transition from a nomadic lifestyle to a sedentary one) of the former nomads, which lead to changes in the Buryats' lifestyle. The article cites statistical data, results from comprehensive sociological field studies, as well as secondary analysis of studies conducted by those who represent related scientific disciplines – economists, ecologists, geographers, etc. Based on these studies a general picture of the condition of livestock farming in rural areas of Buryatia and Mongolia is presented. Results from sociological studies show how market mechanisms affect the current everyday lives of Mongol nomads, selling livestock products, as well as the activation of migratory processes. Observed are the negative effects that the ore-mining industry has on the state of pastures and wells. Despite the existing difficulties, livestock farming in Mongolia is rapidly developing, with an annual increase in livestock population, thus there are no expectations for the disappearance of nomadic livestock farming and pastoralism in the near future. Active attempts to restore traditional economic practices associated with nomadic livestock farming are underway in Buryatia. Substantiated are the ecological safety, low-cost and efficiency of conducting nomadic livestock farming in the harsh, sharply continental natural-climatic conditions of Siberia and Mongolia. The existing difficulties within the agro-industrial and agricultural sectors of

¹ This article was implemented within the framework of RSF (Russian Scientific Foundation) project № 12-18-00552 “Mongolian people: a historical experience in the transformation of Asia's nomadic communities”.

Buryatia's economy, as well as a lack of clear prospects for the development of rural areas, lead to a decrease in social facilities, deteriorating social infrastructure and a massive relocation of the rural population to cities. In light of this situation certain problems occur when it comes to reviving traditional nomadic livestock farming in the region. The existence of vast unused territories, an emerging interest among the rural population for reviving native breeds of livestock, and the emergence of target programs for the development of rural areas give reason to believe that realizing the potential for developing nomadic livestock farming in Buryatia's agricultural sector is very much possible.

Keywords: nomads, nomadic livestock farming, lifestyle, trans-border territories, Mongolia, Buryatia.

References

Atanov N. I. Transformacija hoziaystvennogo uklada mongolozazychnykh narodov Juzhnoy Sibiri [The Transformation of Economic Structure of Mongolian Peoples of South Siberia]. Globalizacija i mongol'sky mir [Globalization and Mongolian World]: conference papers. Ulan-Ude, BSC SB RAS publ., 2010, pp. 35–42.

Badaraev D. D. Sel'sko-gorodskaja migracija kak faktor adaptacii k social'no-ekonomicheskim processam [Rural-urban Migration as a Factor of Adaptation to the Social and Economic Processes]. Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filosofija, sociologija, politologija, kul'turologija», 2014, no 14 (2), pp. 59–64.

Bajanova T. O., Biuraeva J. G. Social'no-ekonomicheskie aspekty razvitija agrarnogo sektora ekonomiki Respubliki Buriatija [Socio-economic Aspects of Development of Agrarian Sector of Economy of the Republic of Buryatia]. Globalizacija i mongol'sky mir [Globalization and Mongolian World]: conference papers. Ulan-Ude, BSC SB RAS publ., 2010, pp. 59–60.

Balzhirov B. G. Razvitie pastbischnogo zhivotnovodstva – ekonomicheskaja osnova sohraneniya i razvitija malykh i sverhmalykh siol v Buriatii [The Development of Grazing – Economic Basis for the Preservation and Development of Small and Ultra-small Villages in Buryatia]. Globalizacija i mongol'sky mir [Globalization and Mongolian World]: conference papers. Ulan-Ude, BSC SB RAS publ., 2010, pp. 30–32.

Batueva D. Zh., Voloshin A. L. Tradicionnaja kul'tura hozjajstvovaniya zhivotnovodov mongolozazychnykh narodov: sovremennoe sostojanie i problem [Traditional Livestock Farming Culture of Mongolian Peoples: the Current State and Challenges]. Dajaarshil ba mongol tuurgatan (Globalizacija i mongol'skie narody). Ulan-Bator, 2013, pp. 239–242.

Batueva D. Zh., Voloshin A. L., Chimeddorzh C. K strategii razvitija tradicionnogo zhivotnovodstva na territorijah Mongolii i Rossii (Respublika Buriatija) [For Traditional Livestock Development Strategy for the Territory of Mongolia and Russia (Republic of Buryatia)]. Dajaarshil ba mongol tuurgatan (Globalization and Mongolian Nations). Ulaanbaatar, 2013, pp. 112–115.

Buriat men'she, chem jakutov, no bol'she, chem sibirjakov [Buryats less than the Yakuts, but more than Siberians]. Novaja Burjatija website. URL: <http://www.newbur.ru/articles/5911> [date of visit: 10.04.2016].

Chimitdorzhiev Sh. B. Buriat-mongol'sky etnos i mongol'sky mir [Buryat-Mongolian Ethnic group and Mongolian World]. Problemy tradicionnoy kul'tury narodov Baykal'skogo regiona: conference papers. Ulan-Ude, BSC SB RAS publ., pp. 12–14.

Grayvoronsky V. V. Sotrudnichestvo Rossii, Mongolii i Kitaja v oblasti okruzhajushey sredy i «zelionogo razvitija»: sostojanie i perspektivy [Cooperation between Russia, Mongolia and China in the Field of Environment and the “Green Development”: State and Prospects]. Zelionoe razvitie – prioritetnoe napravlenie trehstoronnego sotrudnichestva v XXI veke. Ulaanbaatar, Institute Of Global Research publ., 2014, pp. 101–109.

Mongol'sky mir: mezhdju Vostokom i Zapadom [Mongolian World: between East and West]. Ed. by Y. V. Popkov, Zh. Amarsany. Novosibirsk, Avtograf, 2014. 351 p.

Namzhilova L. G. Social'no-kul'turnye osobennosti tradicionnogo prirodopol'zovanija buriat v prigranichnykh rajonah Respubliki Buriatija [Socio-cultural Characteristics of Traditional Nature Use of the Buryats in the Border Areas of the Republic of Buryatia]. Dajaarshil ba mongol tuurgatan (Globalization And Mongolian Nations). Ulaanbaatar, 2013, pp. 122–129.

Ob itogah Vserossiyskoy perepisi naselenija 2010 goda: doklad [On the Results of All-Russian Population Census of 2010: the Report]. Ulan-Ude, Buriatstat, 2012. 20 p.

Osnovnye otrasli ekonomiki RB: agropromyshlenny kompleks [The Main Branches of Economy of the Republic of Buryatia: the agroindustrial complex]. Buriatian Government Official website. URL: <http://egov-buryatia.ru/index.php?id=340> [date of visit: 10.04.2016].

Respublika Buriatija – 80 let: statistichesky sbornik [Republic of Buryatia – 80 years: Statistical Yearbook]. Ulan-Ude, Goskomstat Respubliki Buriatija, 2003. 305 p.

Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл (Mongolian Statistical Annual Report). Улаанбаатар, 2015. 455 p.

Энхтүвшин Б. Монголын боловсрол, иргэншил судлал. Улаанбаатар, Ан Монголии, 2014. 580 с.

М и г р а н т ы в странах Западной Европы

Знание языка как ресурс интеграции мигрантов. О п ы т И с п а н и и

Соколова Вероника Михайловна –
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
для факультета журналистики факультета
иностранных языков и регионоведения МГУ
им. М. В. Ломоносова, Москва

E-mail: veronikasokol@yandex.ru

Знание языка как ресурс интеграции мигрантов. Опыт Испании

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.422

Аннотация. В статье рассматривается роль знания языка как ресурса в процессе адаптации и последующей интеграции мигрантов в полиэтнических обществах. Исследуется опыт изучения данной проблемы в Испании. Представлен краткий обзор миграционного движения на Иберийском полуострове и лингвистическая ситуация в стране, оказывающая непосредственное влияние на процесс адаптации и интеграции мигрантов различных этнических групп. В результате анализа выявлены отличительные особенности интеграции испаноязычных иммигрантов и определены различные функции языка в процессе интеграции испаноговорящих и неиспаноговорящих иммигрантов. На основе обзора исследований испанских социологов показана роль знания языка принимающего общества в социальной и культурной адаптации. В статье выделяются два этапа иммиграции представителей разных этнических групп на территорию Испании. На первом этапе, в 60–70-х гг. XX в., иммигранты составляли всего 1% населения, живущего в стране, и состояли преимущественно из представителей европейских стран. С конца 90-х гг. XX в. в Испании начинается быстрый рост притока мигрантов и происходят сдвиги в его этническом составе. Увеличиваются миграционные потоки из стран Латинской Америки. Таким образом, возникает деление иммигрантов на испаноговорящих и неиспаноговорящих, что создаёт проблему неравных условий адаптации и интеграции в принимающее общество. С одной стороны, знание испанского языка даёт представителям латиноамериканских стран определённое преимущество, с другой – испаноязычным иммигрантам приходится адаптироваться к языковой ситуации на конкретных территориях самой поликультурной Испании. Лингвистические различия, существующие между вариантами испанского языка, становятся особенно значимы для адаптационного процесса мигрантов. В статье уделяется особое внимание восприятию различных вариантов испанского языка. Показано, что в процессе интеграции испаноязычных мигрантов приобретает особое значение их идентификация. Национальный вариант испанского языка является при этом определяющим фактором для характеристики групповой принадлежности. Характер миграции, экономический или личный (воссоединение семьи), оказывает влияние на приспособление или глубокую интеграцию в принимающую среду. В современных условиях, когда российское общество решает проблемы регулирования притока и адаптации иммигрантов, изучение этих процессов в Испании может стать дополнительным ресурсом для совершенствования интеграционных процессов в России.

Ключевые слова: адаптация, социолингвистическая интеграция, язык, вариант языка, знание языка, испаноязычные и неиспаноязычные мигранты, восприятие, идентичность

Проблеме адаптации и дальнейшей интеграции мигрантов в принимающее общество сегодня уделяется значительное внимание во всех странах Западной Европы и, конечно, в Испании. Этот вопрос не теряет своей актуальности и для России, поскольку наша страна сравнительно недавно столкнулась с массовым притоком иммигрантов. Появление новой категории мигрантов после распада СССР, изменение их состава, низкий уровень знания русского языка частью мигрантов, – таковы лишь некоторые вопросы, которым посвящены исследования российских учёных-социологов [Ивахнюк 2015]. Естественно, в каждой стране при анализе проблемы интеграции учитываются и исторические особенности, и современные реалии. Тем не менее знание и переосмысление опыта других стран становится дополнительным ресурсом для решения проблем адаптации и интеграции инокультурных мигрантов в местные сообщества. В России этими проблемами занимаются специальные подразделения в институтах Российской академии наук, в том числе в Институте социологии РАН, ИЭМИ РАН, ИМЭМО РАН, Академии народного хозяйства и других учреждениях. Данный вопрос является предметом исследования таких известных российских учёных-социологов, как Витковская Г. С., Дробижева Л. М., Зайончковская Ж. А., Мукомель В. И.

Знакомство с опытом интеграционной политики Испании может иметь значение для России по причине известного сходства ситуации: в обеих странах проблема интеграции решается и в силу перемещения внутренних инокультурных мигрантов, и в силу притока инокультурных иммигрантов. В этой связи интересны научные исследования испанских социологов последнего десятилетия – Морено Фернандес, Росио Караведо, Рудольфо Гутьерес Паласьо, работы которых содержат социологические данные и освещают вопросы интеграции мигрантов в испанское общество, значение знания языка, социолингвистическую интеграцию испаноговорящих мигрантов, взаимосвязь языка, восприятия и идентичности.

Очевидно, что процесс интеграции сам по себе достаточно сложный и зависит от множества факторов. Знание языка является элементом стратегии, которую иммигрант может использовать, чтобы ускорить, затормозить или препятствовать своей интеграции. В данной статье предпринята попытка проанализировать, какие преимущества даёт иммигранту знание языка страны пребывания, насколько от этого зависит процесс адаптации и последующей интеграции, в какой мере это влияет на интеграционный процесс испаноговорящих и неиспаноговорящих иммигрантов. Рассматривается, с какими трудностями сталкиваются мигранты, какие факторы влияют на интеграцию иммигрантов из разных стран в Испании.

Знание языка является элементом стратегии, которую иммигрант может использовать, чтобы ускорить, затормозить или препятствовать своей интеграции.

В первую очередь важно представлять общую историческую картину миграционного движения на Иберийском полуострове. Миграционные потоки, принятые в течение 60–70-х гг. XX в., едва составляли 1% населения Испании [Colectivo 2005] и состояли преимущественно из представителей развитых стран – Португалии, Великобритании, Германии и Франции [Colectivo 2003]. С конца 1990-х гг. Испания испытала беспрецедентный рост числа иммигрантов и превратилась за несколько лет из страны эмигрантов в страну, принимающую огромное количество мигрантов. Кроме того, в конце 1990-х и начале 2000-х гг. произошли качественные сдвиги в составе иммиграции. Этот, второй, миграционный период характеризуется прибытием большого количества иммигрантов в поисках улучшения экономического положения и трудоустройства, что не было свойственно (по крайней мере, в большинстве случаев) иммиграции первого этапа. В 1995 г. население, происходящее из развитых стран, ещё составляло больше половины иммигрантов, в 1997 г. представители развивающихся стран вышли на первое место, а в 2002 г. уже составляли 70% всего населения иммигрантов [Colectivo 2003].

На увеличение миграционных потоков и изменение их состава оказали влияние два фактора: подъём экономики в Испании в последние десятилетия XX в. и экономический кризис в менее развитых странах. Непрерывный рост населения иммигрантов в Испании начинается в 1998 г. и продолжает увеличиваться как по скорости пребывания, так и по численности до конца первого десятилетия XXI в., когда эта иммиграция начинает ослабевать и уменьшаться в связи с кризисом 2008 г. Таким образом, анализ второго периода миграции показал, что это был этап, отличительной особенностью которого стало краткосрочное массовое включение значительного количества людей из разных стран, что, естественно, спровоцировало важные изменения в социальной структуре принимающего общества.

Кроме того, в зависимости от периода пребывания изменился и национальный состав иммигрантов. На первом этапе это были в основном представители Марокко и иностранцы с севера Европы с определённым экономическим положением: в 1995 г. представители развитых стран составляли половину иммигрантов. После марокканцев наибольшую долю составляли иммигранты из Великобритании, Германии и Португалии. Например, в 1990-х гг. иммигранты из Великобритании составляли 11% от иностранного населения, а в 2002 – только 6%. При этом количество иммигрантов из Южной Америки поднялось до 32%. Очень показателен также рост миграционных потоков из Марокко и Румынии. Так, например, в 1996 г. в Испанию из Румынии приехали 1814 иммигрантов, а в 2002 – 66 226. Если миграционный

поток из Марокко был постоянен всегда, то количество иммигрантов из Эквадора и Румынии и, в меньшей степени, из Колумбии, Боливии и Перу значительно увеличилось именно в этот период. Таким образом, некоторые латиноамериканские государства из стран, принимающих европейское население, превратились в поставщиков большого количества иммигрантов в различные государства Европы, среди которых Испания заняла одно из первых мест.

Изменение направления миграционных потоков, целью которых ранее были в основном США, можно рассматривать как результат различных факторов. Наряду с экономическим развитием Испании в конце 1990-х гг., которое способствовало большей экономической стабильности и большему предложению по трудоустройству в определённых секторах промышленности, нужно учитывать также благоприятные условия миграционной политики испанского государства в отличие от ограничений, установленных североамериканским правительством, ужесточённых в последние годы [Gratius 2005].

С лингвистической точки зрения, испаноязычные иммигранты значительно отличаются от остальных, поскольку процесс их интеграции происходит другим путём, отличным от интеграции неиспаноговорящих иммигрантов. Очевидно, что при исследовании данной проблемы важно принимать во внимание лингвистическую ситуацию в самой Испании. С одной стороны, на полуострове существуют территории, имеющие специфические языковые особенности, которые способствуют появлению различных коммуникативных ситуаций. Так, наряду с зонами центральной части полуострова, встречаются двуязычные зоны и зоны, на которых существуют варианты, сильно отличающиеся от нормативного испанского языка. С другой стороны, иммигранты используют свой собственный национальный вариант языка, присущий региону их происхождения. Различные этнические группы (как испаноговорящие, так и нет) прибывают в поисках лучших условий жизни, многочисленные национальные варианты испанского языка «оседают» в Испании и оказывают влияние на территориальные варианты, распространённые на полуострове, то есть лингвистические системы иммигрантов отражаются на лингвистической панораме Иберийского полуострова.

Прежде чем обсуждать социолингвистическую интеграцию иммигрантов в Испании, важно установить различие между испаноговорящими и неиспаноговорящими. В последнем случае процесс интеграции этих индивидов проходит через обучение и усвоение испанского языка – очевидный способ для общения с принимающим обществом, и, соответственно, для последующей интеграции. Испаноязычные мигранты по прибытии в Испанию сталкиваются с другой проблемой: разнообразием вариантов испанского языка, в той или иной степени зависящих

Различные этнические группы (как испаноговорящие, так и нет) прибывают в поисках лучших условий жизни, многочисленные национальные варианты испанского языка «оседают» в Испании и оказывают влияние на территориальные варианты, распространённые на полуострове, то есть лингвистические системы иммигрантов отражаются на лингвистической панораме Иберийского полуострова.

как от происхождения самого иммигранта, так и от принимающего сообщества. Миграционные потоки приводят к контакту различных вариантов испанского языка, что выявляет важные социолингвистические и прагматические различия, которые напрямую влияют на процесс интеграции в принимающее общество [Moreno-Fernández 2006, 2009; Caravedo 2010].

В большинстве случаев сами говорящие не осознают эти различия, поэтому возникшие при общении проблемы объяснимы безграмотностью индивида. [Kluge 2007: 69]. Общество не принимает ошибки со стороны говорящего на своём языке, и этот факт отрицательно отражается на иммигранте, так как заставляет его сомневаться в правильности своего варианта языка и, соответственно, «оказывает влияние на его идентичность как личную, так и групповую, т. е. на процесс его интеграции» [Caravedo 2010: 21]. С лингвистической точки зрения, миграционные потоки испаноязычного населения приводят к контакту вариантов одного и того же языка. Согласно Морено Фернандес, одно из возможных последствий такого контакта – явление лингвистической конвергенции и дивергенции [Moreno-Fernández 1998: 257–258].

Английский социолингвист Питер Траджил подчёркивал, что ситуации контактов различных вариантов языка неизбежно приводят к лингвистическим изменениям [Trudgill 1986]. Для объяснения причины, по которой говорящие изменяют своему способу говорения даже при использовании взаимопонятных диалектов, Траджил базировал свои исследования на теории коммуникативной адаптации¹. Процесс адаптации преследует три цели: социальное одобрение собеседника, эффективную коммуникацию и поддержку социально позитивной идентичности. Индивиды, владеющие вариантом языка, ассоциирующимся с социальным престижем, влиянием и нормой, будут с большей вероятностью поддерживать свои языковые навыки, в то время как говорящие на языке меньшего социолингвистического статуса будут иметь большую тенденцию к конвергенции с престижным узусом.

Понятно, что процесс адаптации не такой простой, как кажется, по крайней мере, не происходит осознанно, в противном случае говорящие на непрестижном варианте языка

¹ Автор теории коммуникативной адаптации Говард Джайлз утверждает, что когда люди взаимодействуют, они корректируют свою речь, тембр голоса и жесты, чтобы расположить других к разговору, таким образом обостряются либо нивелируются социальные различия между собеседниками при помощи вербальной и невербальной коммуникации [Giles 1991]. Теория коммуникативной адаптации затрагивает прежде всего связи между языком, контекстом и идентичностью и определяется терминами лингвистической конвергенции и дивергенции. Конвергенция понимается как стратегия, посредством которой индивиды стараются адаптироваться к речи остальных с помощью использования значительного числа лингвистических единиц. Дивергенция, со своей стороны, это процесс, во время которого говорящие стараются выделить различия в речи своих собеседников.

перестали бы его использовать [Caravedo 2004]. Вероятно, помимо факторов психосоциального порядка, в данном процессе участвуют также факторы психолингвистического характера. Таким образом, степень социолингвистического сознания говорящих также влияет на степень конвергенции в процессе взаимодействия. Как отмечает Лопес Моралес, чтобы выбрать престижную форму, необходимо прежде всего знать общее количество вариантов: во-первых, говорящий должен иметь представление о существовании различных вариантов языка; во-вторых, чтобы определить, какой из них является наиболее престижным, субъект должен осуществить социолингвистическую оценку. [López Morales 1989: 205] И здесь особое значение приобретает способ восприятия различных вариантов языка.

Восприятие – это когнитивный механизм, который активизируется в первые годы жизни ребёнка, но не является постоянно активным на протяжении всей жизни человека. Способность к восприятию обратно пропорциональна степени овладения языком: по мере того, как индивид приближается к лингвистической зрелости, механизм восприятия будет постепенно дезактивироваться. По этой причине в ситуациях стабильных коммуникаций уровень восприятия снижается. В ситуации миграции, когда индивид вступает в контакт либо с другим языком, либо с вариантом языка, отличным от его собственного, этот механизм снова активизируется. В этот момент восприятие новой лингвистической системы будет осуществляться при помощи первой, ранее приобретённой. Таким же способом в этом процессе будет участвовать уже имеющаяся система убеждений и взглядов, которая может отличаться от системы принимающего общества [Moreno-Fernández 2012]. Находясь в родной стране, то есть вне миграционного движения, все говорящие считают свой узус (общепринятое употребление языковых единиц) нейтральным, поскольку не сталкиваются с использованием других вариантов. Таким образом, лингвистические различия, существующие между вариантами (своим и чужим), становятся заметны и различимы при миграционном движении, когда индивид оказывается в обществе, говорящем на языке, отличном от его собственного. С точки зрения населения принимающего, эти различия будут восприняты как «чужие» и получают отрицательную оценку. Среди иммигрантов, наоборот, произойдёт негативное восприятие своего собственного варианта языка, так как лингвистические различия приведут к тому, что индивид будет чувствовать себя не принадлежащим к месту, где он теперь живёт, что повлияет на его идентичность.

Приобретение новых языковых навыков – непростой процесс, восприятие новой системы ценностей требует долгого времени, поэтому адаптация не может произойти очень

Способность к восприятию обратно пропорциональна степени овладения языком: по мере того, как индивид приближается к лингвистической зрелости, механизм восприятия будет постепенно дезактивироваться.

быстро. Здесь основную роль играет хронологический фактор. Признаком адаптации иммигранта станет восприятие им вариантов языка принимающего общества как нейтральных. Если вернуться к идее, что восприятие различных вариантов происходит через собственную лингвистическую систему, рассмотрение местного варианта как не имеющего отличий будет означать движение конвергенции по направлению к варианту языка принимающего общества, и, как следствие, станет индикатором социолингвистической интеграции. Иначе говоря, социолингвистическая интеграция испаноговорящих иммигрантов «заставляет» эволюционировать механизм восприятия вариантов языка принимающего общества, происходит развитие восприятия и признание его ценностей [Sancho Pascual 2013].

В процессе интеграции особое значение приобретает социальная идентичность испаноговорящих иммигрантов, позволяя, запрещая или препятствуя лингвистической конвергенции. Кроме того, личные качества и социальные характеристики иммигрантов также будут определять способ интеграции каждого индивида. А этот способ будет тесно связан, с одной стороны, с причинами, по которым иммигрант решил покинуть свою страну; с другой стороны, с планами на будущее – решающим фактором степени интеграции.

Как было указано выше, мигранты, приезжающие в Испанию начиная с 1998 г., составляют по большей части население экономического типа, которое покидает родину в поисках экономической выгоды и трудоустройства в силу ограниченных возможностей развития в своей стране, что, безусловно, отразится на интеграции иммигрантов как с точки зрения принимающего общества, так и их самих. По этой причине нужно учитывать, во-первых, как сам индивид оценивает процесс своей миграции, во-вторых – отношение принимающего общества к иммигрантам.

Для правильного понимания процесса социальной интеграции иммигрантов необходимо различать два фактора: этап прибытия и тип иммиграции. Оба этих фактора повлияют на социальные отношения, которые установятся с принимающим обществом и отразятся на способе жизни в стране. Тип иммиграции будет определяться характеристиками миграционных целей каждого индивида. При этом необходимо иметь в виду различные теории о происхождении и причинах международных миграций. Новые теории акцентируют внимание на самом индивиде и его окружении: решение о миграции принимается в семейном кругу и зачастую обусловлено экономическим положением семьи [Moreno-Fernández 2009]. Человек иммигрирующий делает это ради улучшения своего экономического положения и положения своей семьи и, в конечном итоге, условий жизни для всех. Поэтому миграционный процесс

рассматривается как нечто коллективное. Доказательством является конечная цель этого проекта – воссоединение семьи. Иначе говоря, фактор, который будет определять тип иммиграции и, тем самым, способ, по которому будет происходить интеграция, – произойдет ли включение семьи индивида в его миграционный процесс или нет. Таким образом, каждый тип иммиграции в зависимости от цели будет иметь свои отличительные особенности.

Существует и другой фактор, связанный с миграционным процессом и зависящий от него, – причины, по которым каждый индивид решает покинуть свою страну, будут определять его отношения с принимающим обществом и его интеграцию в него, поскольку ожидания будут разными. В этом смысле можно установить основное различие между теми, кто покидает свою страну по экономическим причинам с целью трудоустройства, и теми, кто делает это по причинам личного характера, не связанными с экономической ситуацией в его стране.

Со времени увеличения миграционных потоков в Испании (конец XX – начало XXI вв.) реакция принимающего общества на представителей иммиграции, похоже, кардинально изменилась. Независимо от времени прибытия все представители иммигрантов оцениваются испанским обществом по одним критериям, поскольку иммиграция последних лет состоит в основном из людей, живших в худших условиях и нестабильной ситуации в своей стране. Как считают исследователи, усиление негативного отношения к иммигрантам объясняется увеличением их числа, что воспринимается как угроза и для коллективной идентичности, и для экономической ситуации (уровень безработицы, государственные расходы на иммиграцию). Однако статистика – социологические опросы испанского общества – не всегда подтверждает негативное отношение к представителям иммигрантов, иногда речь идет о восприятии «навязанном», главным образом, политическими выступлениями и СМИ. Кроме того, одни исследования выявляют наличие сильного социального различия между испанцами и иммигрантами, другие подтверждают незначительное улучшение с течением времени межличностных отношений.

Основываясь на многочисленных работах о положении иммигрантов в Испании, стоит отметить, что иммигранты всегда воспринимаются в принимающем обществе как социально обозначенная группа, так что полная их интеграция представляется достаточно сложной. С одной стороны, перед нами две существенно различающиеся социальные группы, при этом иммигранты имеют низшее положение. С другой стороны, такое разделение осознается само по себе обеими группами. Таким образом, можно говорить о конфликте двух различных социальных групп. И здесь особое значение приобретает групповая идентичность.

Усиление негативного отношения к иммигрантам объясняется увеличением их числа, что воспринимается как угроза и для коллективной идентичности, и для экономической ситуации (уровень безработицы, государственные расходы на иммиграцию).

Согласно теории социальной идентичности, обоснованной английским психологом Генри Тэджфелом, индивид определяется как член группы, поэтому эта группа в свою очередь является частью индивидуальной идентичности субъекта. Благодаря принадлежности к группе система норм, убеждений, ценностей и восприятия будет общей для группы и её членов. Социальная идентичность приобретает значение при сравнении с другими социальными группами и может быть позитивной и негативной [Tajfel 1984].

В процессе миграции в контакт входят чётко дифференцированные группы, и в данной ситуации у иммигрантов может возникнуть чувство потери идентичности. При этом попытки сохранить свою идентичность отразятся как на стратегии интеграции и аккультурации, так и на психосоциальном состоянии. Низкий социальный статус иммигрантов может привести к отрицательной оценке социальной идентичности группы со стороны принимающего общества. В таких случаях группы прибегают к различным стратегиям с целью изменить или укрепить свою социальную идентичность. Чувство принадлежности к группе зависит от её размера. Чем больше группа, тем больше чувство принадлежности к ней. Этот фактор приобретает особое значение в случае латиноамериканской иммиграции, поскольку она составляет самую большую этническую группу населения иммигрантов в Испании, социальная идентичность которых определяется представителями одной и той же национальности. Безусловно, сходство между различными группами латиноамериканцев будет больше, чем между другими этническими группами, каждая из которых также имеет свои отличительные особенности.

Язык индивида является частью его идентичности и определяет его принадлежность к социальной группе. Так, французский учёный Табуре-Келлер указывает, что «связь между языком и идентичностью настолько тесная, что одного элемента языка достаточно, чтобы идентифицировать члена определённой группы» [Tabouret-Keller 1997: 317]. Язык является одним из наиболее ярких отличительных признаков идентичности индивида и социальной группы [Moreno 2006]. В случае с испанским языком его национальный вариант – вариант языка группы – станет определяющим фактором для характеристики групповой принадлежности. Таким образом, значение, которое имеет языковой ресурс для иммигрантов из Латинской Америки, будет отличным от значения для групп неиспанояворящих. Для последних язык станет необходимым элементом для достижения различных уровней интеграции [Moreno 2009: 146–147]; в случае с испаноязычным населением иммигрантов язык будет функционировать как инструмент, усиливающий эндогрупповую (внутригрупповую) идентичность.

Изучение роли, которую играет язык страны пребывания в процессе интеграции иммигрантов, имеет богатую академическую традицию, что доказывают многочисленные исследования

Язык индивида является частью его идентичности и определяет его принадлежность к социальной группе.

данной проблемы. Фундаментальные работы, рассматривающие язык как составляющую человеческого капитала [Chiswick, Miller 2007, 2008; García Delgado, Alonso, Jiménez 2008], подтверждают, что наряду с другими факторами знание языка страны пребывания даёт иммигрантам преимущество, которое может повлиять на их социальную интеграцию в целом и на достижения на рынке труда в частности. Однако эти исследования были гораздо более плодотворными в контексте изучения ситуации в США [Chiswick, Miller 2007], чем в контексте Европы [Heckmann, Schnapper 2003; Zimmerman 2008].

В Испании, где иммиграция является относительно недавним феноменом, практически невозможно найти подобные фундаментальные исследования, тем не менее существуют работы о роли второго языка на рынке труда [Ginsburg, Rodríguez 2007], о значении знания языка для иностранцев из Евросоюза [Solé 2006; Alarcón 2007], о трудовом вкладе экономических мигрантов [Garrido, Miyar 2008; Fernández, Ortega 2009] и о различиях в оплате труда испанцев и иммигрантов [Carrasco, Ortega 2005; Muñoz de Bustillo, Carrera, Antón 2009]. Данные исследования ограничиваются в основном анализом языковых навыков иммигрантов, разделяя их при этом на две группы, согласно их происхождению: испаноговорящие и не испаноговорящие. Так, например, Национальный опрос иммигрантов 2007 [INE¹... 2009], представленный Национальным институтом статистики Испании, содержит информацию о родном языке иммигрантов и об уровне знаний испанского языка тех, для кого испанский – не родной язык.

Большая часть исследований относительно значения языка для иммигрантов сконцентрирована на их достижениях на рынке труда, выгодном трудоустройстве или хорошем доходе. Язык – ресурс, который имеет значение в областях, выходящих за рамки экономических достижений. Язык – это характерный всеобщий инструмент, который упрощает доступ ко всем сферам общественной жизни, поэтому очевидно, что грамотное владение языком отражается также на других аспектах интеграции иммигрантов в принявшее их общество.

Согласно данным Национального опроса иммигрантов за 2007 г., владение испанским языком, как родным, так и не родным, имеет положительное влияние на достижения на рынке труда и социальную интеграцию иммигрантов в испанское общество. Однако эти положительные результаты более эффективно отражаются на трудовых достижениях, чем на достижениях в сфере социальной интеграции.

Если испанский является родным языком иммигрантов или они владеют одним из романских языков, процесс приобретения определённого уровня знаний испанского языка оказывается более быстрым и успешным непосредственно сразу

¹ Instituto Nacional de Estadísticas

после прибытия в Испанию. Те, кто не знают языков данной группы (а это третья часть всех прибывших), даже после десяти лет пребывания на территории Испании имеют очень слабые знания [Palacios 2010].

Этнические группы азиатов и африканцев с меньшим уровнем образования и высокой степенью лингвистической безграмотности имеют серьёзные языковые проблемы. Аналитические подходы к объяснению процесса овладения испанским языком доказывают определяющий характер уровня образования и школьного обучения второго поколения иммигрантов, что подтверждает важность наличия широкого спектра образовательных программ, а не только языковой политики как средства снижения экономических и социальных рисков по причине отсутствия знания языка.

Знание испанского языка улучшает доступ экономических иммигрантов к трудоустройству и влияет на тип занятости. В результате анализа данных Национального опроса были выявлены значительные различия при определении процента занятости (особенно среди женщин) и уровня доступа к квалифицированным рабочим местам в зависимости от знания языка. Этот опрос показал, что иммигранты могут занимать квалифицированные рабочие места и, начав трудовую деятельность в Испании с работы, требующей малой квалификации, могут перейти на более квалифицированные позиции.

Положительное влияние знания языка сохраняется и для мужчин, и для женщин, наряду с другими факторами: уровень образования, возраст, длительность пребывания, национальность, гражданское состояние или наличие предварительного предложения работы до приезда в Испанию. Кроме того, знание испанского языка отражается также на надбавках к средней заработной плате [Mato, Gutiérrez 2009]. Уровень владения языком зависит от длительности пребывания. По мнению социологов, в дальнейшем можно ожидать увеличения значения языкового ресурса и улучшения доступа иммигрантов к рабочим местам повышенной квалификации [Palacios, 2010]. Однако, несмотря на положительное влияние языкового ресурса на процесс интеграции, это влияние всё ещё остаётся достаточно слабым. Очевидно, что это влияние более ярко выражено в сфере трудовых достижений (трудоустройство и заработная плата), чем в области социальной интеграции.

Заключение

В Испании языковой ресурс оказывает положительное влияние на процесс адаптации и социальной интеграции в целом. Его значимость более ярко выражена в экономической сфере, чем в области социальной интеграции.

Аналитические подходы к объяснению процесса овладения испанским языком доказывают определяющий характер уровня образования второго поколения иммигрантов, что подтверждает важность наличия широкого спектра образовательных программ, а не только языковой политики как средства снижения экономических и социальных рисков.

Интеграция представителей испаноязычных стран в лингвистическом плане имеет свои характерные проблемы и отличительные особенности, затрагивающие и тех иммигрантов, для которых испанский – не родной язык, что, в свою очередь, повышает значимость психосоциальных факторов, связанных со сферой жизнедеятельности индивида.

Латиноамериканские иммигранты в Испании отличаются от представителей других этнических групп, поскольку они говорят на языке принимающего общества. Благодаря этому процесс их интеграции, как для принимающего общества, так и для них самих, протекает легче.

Лингвистические последствия крупномасштабных миграционных передвижений из стран Латинской Америки в Испанию обусловлены конкретными характеристиками ситуации миграции.

В процессе миграции представители испаноязычного населения сталкиваются с проблемой переосмысления идентичности в новом обществе.

Социолингвистическая интеграция испаноговорящих иммигрантов отмечена процессом адаптации, понимаемой в терминах лингвистической конвергенции и дивергенции, – социолингвистическими и прагматическими моделями, которые позволяют различать варианты языка в процессе контакта. Восприятие вариантов языка в контексте миграционного движения приобретает особое значение, поскольку способ, которым происходит восприятие и признание моделей лингвистической системы принимающего общества, позволит постепенно развивать феномен лингвистической адаптации.

В процессе адаптации (и в связи с этим социолингвистической интеграции) особое значение приобретает понятие социальной идентичности. Мигранты из стран Латинской Америки будут использовать собственную лингвистическую систему как стратегию, чтобы поддержать и укрепить свою социальную идентичность, отличную от социальной идентичности принимающего населения.

Библиографический список

Витковская Г. С., Кочарян А. В. 1992. Внутренние вынужденные миграции как социальная проблема // Миграция населения. Демография и социология. М.: ИСЭПН РАН. Вып. 3. С. 61–82.

Витковская Г. С. 2001. Портрет вынужденной миграции в статистике и в жизни // Миграция в СНГ и Балтии: через различия проблем к общему информационному пространству. Материалы конференции / Г. Витковская, Ж. Зайончковская. М.: Товарищество «АдамантЪ». С. 239–249.

Дмитриев А. В. 2006. Миграция. Конфликтное измерение. М.: Альфа-М. 432 с.

Дробижева Л. М. Политика межэтнической интеграции и адаптация мигрантов в московский социум // Официальный сайт ГБУ г. Москвы. «Московский Дом национальностей». URL: http://www.mdn.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/lm_drobizh.html [Дата посещения: 30.06.2016].

Зайончковская Ж. А. 2005. Перед лицом иммиграции // Pro et Contra. № 3 (30). С. 72–87.

Ивахнюк И. В. 2016. Язык как фактор интеграции мигрантов // Проблемы языка в глобальном мире. Монография / Под ред. Ганиной Е. В., Чумакова А. Н. и др. М., Проспект. 208 с.

Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие / Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М.: Центр миграционных исследований, 2007. 370 с.

Мукомель В. И. 2015а. Свои иные: внутрироссийские иноэтничные мигранты в Московском мегаполисе // Федерализм. № 1 (77). С. 79–92.

Мукомель В. И. 2015b. Специфика взаимной адаптации и интеграции принимающего населения и мигрантов в молодёжной среде // Социальная политика и социология. № 4. Том 2. Часть 1. С. 108–120.

Розенцвейг В. 1972. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Языковые контакты. Вып. 6. М.: Прогресс. С. 4–21.

Рыбаковский Л. Л. 2001. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса (Очерки теории и методов исследования). М.: Наука. 114 с.

Табуре-Келлер А. 1972. К изучению двуязычия в социологическом плане // Новое в лингвистике. Языковые контакты. Вып. 6. М.: Прогресс. С. 169–181. URL: <http://www.classes.ru/grammar/153.new-in-linguistics-6/source/worddocuments/vi.htm> [Дата посещения: 30.06.2016].

Alarcón A. 2007. El valor de las lenguas de los trabajadores europeos en Cataluña». Papers, 85. P. 135–156.

Carrasco R., Ortega C. 2005. La inmigración en España: características y efectos sobre la situación laboral de los trabajadores nativos» // Documento de Trabajo, № 80. Fundación Alternativas. URL: <http://www.fundacionalternativas.org/laboratorio/documentos/documentos-de-trabajo/la-inmigracion-en-espana-caracteristicas-y-efectos-sobre-la-situacion-laboral-de-los-trabajadores-nativos> [Дата посещения: 30.06.2016].

Caravedo Rocío. 2009. La percepción selectiva en situación de migración desde un enfoque cognoscitivo. Lengua y migración // Language & Migration. № 1. P. 21–38.

Caravedo Rocío. 2010. La dimensión subjetiva en el contacto lingüístico. *Lengua y migración // Language & Migration*. № 2. P. 9–25.

Colectivo Ioé. 2003. La sociedad española y la inmigración extranjera // *Papeles de Economía Española*. № 94. P. 16–31.

Colectivo Ioé. 2005. Inmigrantes extranjeros en España: ¿Reconfigurando la sociedad? // *Panorama Social*. № 1. P. 32–47.

Chiswick B. R., Miller P. W. 2007. *The Economics of Language: International Analyses*. London: Routledge. 624 p.

Fernández C., Ortega C. 2008. Asimilación laboral de los inmigrantes en España: ¿Trabajo a cambio de malos empleos? // Dolado J. J., Vázquez P. (eds.). *Ensayos sobre los efectos económicos de la inmigración en España*. Madrid: FEDEA. URL: www.fedea.net [Дата посещения: 30.06.2016].

Garrido L., Miyar M. 2009. Dinámica laboral de la inmigración en España durante el principio del siglo XXI // *Panorama Social*. Vol. 8. P. 52–70.

García Delgado J. L., Alonso J. A., Jiménez J. C. 2008. *Economía del español, una introducción*. Madrid: Editorial Ariel, Fundación Telefónica. URL:

http://cvc.cervantes.es/lengua/espanol_economia/01.htm [Дата посещения: 30.06.2016].

Gil Araújo S. 2004. Inmigración latinoamericana en España: estado de la cuestión. *Revista Global Hoy // Global*. URL: <http://www.gloobal.net/iepala/gloobal/hoy/index.php?id=869&canal=Informes&secciontxt=01&ghoy=0005> [Дата посещения: 30.06.2016].

Giles H., Coupland J., Coupland N. (eds.). 1991. *Contexts of accommodation*. New York: Cambridge University Press. 232 p.

Ginsburg V., Prieto Rodríguez J. 2007. La prima salarial de las lenguas extranjeras en el mercado de trabajo español // *Cuadernos Económicos del ICE*. № 74. P. 129–146.

Gratius S. 2005. El factor hispano: los efectos de la inmigración latinoamericana a EEUU y España (DT) // Real Instituto Elcano. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/documentos/231/231_Gratius.pdf [Дата посещения: 30.06.2016].

Heckmann F., Schnapper D. eds. 2003. *The Integration of Immigrants in European Societies*, Stuttgart: Lucius and Lucius. 261 p.

Instituto Nacional de Estadística: *Encuesta Nacional de Inmigrantes: una monografía*. Madrid: INE, 2009. 160 p.

Kluge B. 2007. La acomodación lingüística en la migración: el nivel pragmático // *Revista Internacional de Lingüística Iberoamericana*. V. 2 (10). P. 69–9.

López Morales H. 1989. *Sociolingüística*. Madrid: Gredos. 137 p.

Mato F. J., Gutiérrez R. 2010. Logros laborales de los inmigrantes económicos en España: el papel de la lengua española // Emigración y lengua: El papel del español en las migraciones internacionales / Jose Antonio Alonso Lera (dir.), Rodolfo Gutiérrez Palacios (dir.). 2010. P. 101–159.

Moreno-Fernández F. 1998. Principios de sociolingüística y sociología del lenguaje. Barcelona: Ariel. 399 p.

Moreno-Fernández F. 2006a. Medias lenguas e identidad. En III Congreso Internacional de la Lengua Española, Rosario, Centro Virtual Cervantes // Centro Virtual Cervantes. URL: http://cvc.cervantes.es/obref/congresos/rosario/ponencias/aspectos/moreno_f.htm [Дата посещения: 30.06.2016].

Moreno-Fernández F. 2006b. Memoria técnica para el proyecto Integración sociolingüística de la población inmigrante en España del Ministerio de Educación y Ciencia. URL: http://www.scielo.cl/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0718-93032013000200008 [Дата посещения: 30.06.2016].

Moreno-Fernández F. 2009. Integración sociolingüística en contextos de inmigración: marco epistemológico para su estudio en España. Lengua y migración // Language & Migration. № 1. P. 121–156.

Moreno-Fernández F. 2012. Sociolingüística cognitiva. Propositiones, escolios y debates. Madrid/Frankfurt: Iberoamericana/Vervuert. URL: http://www.scielo.cl/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0718-93032013000200008 [Дата посещения: 30.06.2016].

Muñoz de Bustillo R., Carrera M., Antón J. I. 2009. From Guests to Hosts: a First Whole Picture of Immigrant-Native Wage Differentials in Spain, Mimeo. URL: <https://mpr.aub.uni-muenchen.de/13928/> [Дата посещения: 30.06.2016].

Palacios R. G. 2010. Lengua e inmigración: conocimiento del español e integración de los inmigrantes // Cervantes es. URL: http://congresosdelalengua.es/valparaiso/ponencias/politica_economia_sociedad/gutierrez_rodolfo.htm [Дата посещения: 30.06.2016].

Sancho Pascual M. 2013a. La integración sociolingüística de la inmigración hispana en España: lengua, percepción e identidad social. URL: <http://dspace.uah.es/dspace/handle/10017/19931> [Дата посещения: 30.06.2016].

Sancho Pascual M. 2013b. Integración sociolingüística de los inmigrantes ecuatorianos en Madrid. Alcalá de Henares, Universidad de Alcalá. URL: <http://www.mundoalfal.org/CDAnaisXVII/trabalhos/R0508-1.pdf> [Дата посещения: 30.06.2016].

Solé C., dir. Inmigrantes comunitarios ¿discriminación inversa?, Barcelona: Anthropos. 2006. 192 p.

Tabouret-Keller A. 1997. Language and identity. En The Handbook of Sociolinguistics, F. Coulmas (ed.). Oxford: Blackwell. 326 p.

Tajfel H. 1984. *Grupos humanos y categorías sociales*. Barcelona: Herder. 409 p.

Trudgill P. 1986. *Dialects in contact*. Oxford: Basil Blackwell. 174 p.

Zimmerman F. H. 2005. *European Migration: What Do We Know?* Oxford: Oxford University Press. 653 p.

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.422

Knowing a Language as a Resource for Migrants' Integration. Spain's Experience

Sokolova Veronika Mikhailovna

Candidate of philological sciences, assistant professor of Foreign Languages Department to the Department of Journalism, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: veronikasokol@yandex.ru

Abstract. This article examines the value of knowing a language, which can be considered a resource during the process of migrants adapting and subsequently becoming integrated into multi-ethnic societies. Examined is Spain's experience in studying this problem. Presented is a brief overview of migratory movements on the Iberian Peninsula, as well as the country's linguistic situation, which directly influences the adaptation and integration process for migrants from various ethnic groups. The analysis resulted in identifying the distinctive features of the integration of Spanish speaking immigrants, as well as in determining the various functions of a language in the integration process for Spanish speaking and non Spanish-speaking immigrants. Based on reviewing studies by Spanish sociologists, revealed is the value of knowing the language of the host society when it comes to social and cultural adaptation. The article highlights two stages of people with various ethnic backgrounds immigrating to Spain. During the first stage (which took place in the 1960's and 1970's) immigrants amounted to only 1% of the country's population, and they were mostly composed of people from other European countries. The end of the 1990's marked a rapid increase in the influx of immigrants, and certain shifts occurred in their ethnic composition. An increased migratory flow from Latin American countries was observed. Thus immigrants became divided into Spanish-speaking and non Spanish-speaking, which posed the problem of unequal conditions for adapting and integrating into the host society. On one hand, knowing Spanish gave people from Latin America a certain advantage, on the other hand – Spanish-speaking immigrants had to adapt to the language situation in specific territories within the multicultural nation of Spain. Linguistic differences, which are present in the Spanish language and its multiple versions, become especially crucial when it comes to the adaptation of migrants. This article pays close attention to the way various versions of the Spanish language are perceived. Revealed is the fact that self-identification plays a major role in the integration of Spanish-speaking migrants. Meanwhile, the national version of the Spanish language becomes the determining factor when it comes to characteristics of group affiliation. The nature of migration, economic or personal (family reunification), also influences the adaptation or deep integration into the host environment. In modern conditions, when Russia's society is dealing with issues such as regulating the influx of migrants (as well as their adaptation), examining the Spanish manifestations of these processes might become an additional resource when it comes to improving integrative processes in Russia.

Keywords: adaptation, socio-linguistic integration, language, Spanish-speaking and non Spanish-speaking migrants, perception, identity.

References

Alarcón A. El valor de las lenguas de los trabajadores europeos en Cataluña». *Papers*, 2007, no 85, pp. 135–156.

Caravedo Rocío. La dimensión subjetiva en el contacto lingüístico. *Lengua y migración. Language & Migration*, 2010, no 2, pp. 9–25.

Caravedo Rocío. La percepción selectiva en situación de migración desde un enfoque cognoscitivo. *Lengua y migración. Language & Migration*, 2009, no 1, pp. 21–38.

Carrasco R., Ortega C. La inmigración en España: características y efectos sobre la situación laboral de los trabajadores nativos». Documento de Trabajo, 2005, no 80. Fundación Alternativas.

Chiswick B. R., Miller P. W. The Economics of Language: International Analyses. London, Routledge, 2007. 624 p.

Colectivo Ioé. Inmigrantes extranjeros en España: ¿Reconfigurando la sociedad? Panorama Social, 2005, no 1, pp. 32–47.

Colectivo Ioé. La sociedad española y la inmigración extranjera. Papeles de Economía Española, 2003, no 94, pp. 16–31.

Dmitriev A. V. Migraciya. Konfliktnoe izmerenie [Migration. Conflict Measurement]. Moscow, Al'fa-M, 2006. 432 p.

Drobizheva L. M. Politika mezhetnicheskoy integracii i adaptaciya migrantov v moskovsky socium [Policy of Ethnic Integration and Adaptation of Migrants in Moscow Society]. MHN Official website. URL: http://www.mdn.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/lm_drobizh.html [date of visit: 30.06.2016].

Fernández C., Ortega C. Asimilación laboral de los inmigrantes en España: ¿Trabajo a cambio de malos empleos? Dolado J. J., Vázquez P. (eds.). Ensayos sobre los efectos económicos de la inmigración en España. Madrid, FEDEA, 2008. URL: www.fedea.net [date of visit: 30.06.2016].

García Delgado J. L., Alonso J. A., Jiménez J. C. Economía del español, una introducción. Madrid, Editorial Ariel, Fundación Telefónica, 2008.

Garrido L., Miyar M. Dinámica laboral de la inmigración en España durante el principio del siglo XXI. Panorama Social, 2009, vol. 8. pp. 52–70.

Gil Araújo S. Inmigración latinoamericana en España: estado de la cuestión. Revista Global Hoy Local, 2004. URL: <http://www.gloobal.net/iepala/gloobal/hoy/index.php?id=869&canal=Informes&secciontxt=01&gohoy=0005> [date of visit: 30.06.2016].

Giles Howard, Coupland J., Coupland N. (eds.). Contexts of accommodation. New York, Cambridge University Press, 1991. 232 p.

Ginsburg V., Prieto Rodríguez J. La prima salarial de las lenguas extranjeras en el mercado de trabajo español. Cuadernos Económicos del ICE, 2007, no 74. pp. 129–146.

Gratius S. El factor hispano: los efectos de la inmigración latinoamericana a EEUU y España (DT). 2005. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/documentos/231/231_Gratius.pdf.

Heckmann F., Schnapper D. (eds.). The Integration of Immigrants in European Societies. Stuttgart, Lucius and Lucius, 2003. 261 p.

Instituto Nacional de Estadística: Encuesta Nacional de Inmigrantes: una monografía. Madrid, INE, 2009. 160 p.

Ivahniuk I. V. Jazyk kak faktor integracii migrantov [Language as a Factor of the Integration of Migrants]. Problemy jazyka v global'nom mire. Ed. by E. V. Ganina, A. N. Chumakov and oth. Moscow, Prospekt, 2016. 208 p.

Kluge B. La acomodación lingüística en la migración: el nivel pragmático. Revista Internacional de Lingüística Iberoamericana, 2007, vol. 2 (10), pp. 69–79.

López Morales H. Sociolingüística. Madrid, Gredos, 1989. 137 p.

Mato F. J., Gutiérrez R. Logros laborales de los inmigrantes económicos en España: el papel de la lengua española, en Alonso. 2009.

Metodologiya i metody izuchenija migracionnykh processov [Methodology and Methods of the Migration Process Studying. Interdisciplinary Study Guide]. Ed. by Zh. Zajonchkovskaya, I. Molodikova, V. Mukomel. Moscow, Centr migracionnyh issledovaniy, 2007. 370 p.

Moreno-Fernández F. Integración sociolingüística en contextos de inmigración: marco epistemológico para su estudio en España. Lengua y migración. Language & Migration, 2009, no 1, pp. 121–156.

Moreno-Fernández F. Medias lenguas e identidad. En III Congreso Internacional de la Lengua Española, Rosario, Centro Virtual Cervantes, 2006. URL: http://cvc.cervantes.es/obref/congresos/rosario/ponencias/aspectos/moreno_f.htm [date of visit: 30.06.2016].

Moreno-Fernández F. Memoria técnica para el proyecto Integración sociolingüística de la población inmigrante en España del Ministerio de Educación y Ciencia, 2006.

Moreno-Fernández F. Principios de sociolingüística y sociología del lenguaje. Barcelona, Ariel, 1998. 399 p.

Moreno-Fernández F. Sociolingüística cognitiva. Propositiones, escolios y debates. Madrid/Frankfurt, Iberoamericana/Vervuert, 2012.

Mukomel' V. I. Specifika vzaimnoy adaptacii i integracii prinimajushego naselenija i migrantov v molodiozhnoy srede [Specificity of mutual adaptation and integration of the host population and migrants in the youth milieu]. Social'naja politika i sociologija, 2015, no 4, Vol. 2, part 1, pp. 108–120.

Mukomel' V. I. Svoi inye: vnutrirossiyskie inoetnichnye migranty v Moskovskom megapolise [Their "Other": Russian domestic inoethnic migrants in the Moscow megapolis.]. Federalizm, 2015, no 1 (77), pp. 79–92.

Muñoz de Bustillo R., Carrera M., Antón J. I. From Guests to Hosts: a First Whole Picture of Immigrant-Native Wage Differentials in Spain, Mimeo, 2009.

Palacios R. G. Lengua e inmigración: conocimiento del español e integración de los inmigrantes. 2010. URL: http://congresosdelalengua.es/valparaiso/ponencias/politica_economia_sociedad/gutierrez_rodolfo.htm [date of visit: 30.06.2016].

Rozenzweig V. Osnovnye voprosy teorii jazykovykh kontaktov [Basic Questions of the Theory of Language Contacts]. Novoe v lingvistike. Jazykovye kontakty. Vol. 6. Moscow, Progress, 1972. pp. 4–21.

Rybakovsky L. L. Migracija naselenija. Tri stadii migracionnogo processa (Oчерki teorii i metodov issledovanija) [Population Migration. The Three Stages of the Migration Process (Essays on the Theory and Research Methods)]. Moscow, Nauka, 2001. 114 p.

Sancho Pascual M. Integración sociolingüística de los inmigrantes ecuatorianos en Madrid, Alcalá de Henares, Universidad de Alcalá, 2013.

Sancho Pascual M. La integración sociolingüística de la inmigración hispana en España: lengua, percepción e identidad social, 2013.

Solé C., dir. Inmigrantes comunitarios ¿discriminación inversa? Barcelona, Anthropos, 2006. 192 p.

Tabouret-Keller A. Language and identity. En The Handbook of Sociolinguistics, F. Coulmas (ed.). Oxford, Blackwell, 1997. 326 p.

Tabouret-Keller A. K izucheniju dvujazychija v sociologicheskom plane []. Novoe v lingvistike. Jazykovye kontakty. Vol. 6. Moscow, Progress, 1972, pp. 169–181.

Tajfel H. Grupos humanos y categorías sociales. Barcelona, Herder, 1984. 409 p.

Trudgill P. Dialects in contact. Oxford, Basil Blackwell, 1986. 174 p.

Vitkovskaja G. S. Portret vynuzhdennoy migracii v statistike i v zhizni [Internal Forced Migration as a Social Problem]. Migracija v SNG i Baltii: cherez razlichija problem k obschemu informacionnomu prostranstvu: conference papers. Moscow, Adamant, 2001, pp. 239–249.

Vitkovskaja G. S., Kocharian A. V. Vnutrennie vynuzhdennye migracii kak social'naja problema [Portrait of Forced Migration in the Statistics and in Reality]. Migracija naselenija. Demografija i sociologija. Moscow, ISESP RAS, 1992, Vol. 3, pp. 61–82.

Zajonchkovskaja Zh. A. Pered licom immigracii [In the Face of Immigration]. Pro et Contra, 2005, no 3 (30), pp. 72–87.

Zimmerman F. H. European Migration: What Do We Know? Oxford, Oxford University Press, 2005. 653 p.

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук
Издатель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук

Председатель международного редакционного совета:
Кравченко Сергей Александрович

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Зинаида Тихоновна Голенкова,
Полина Михайловна Козырева,
Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 19 октября 2012 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
E-mail: vestnik@isras.ru
Размещение журнала: <http://www.vestnik.isras.ru>